

ISSN 3033-8301

ОТТИСК

#1 · 2026

Главный редактор

Алексей Козырев

Редакционная коллегия

Александр Сегал (заместитель главного редактора, ответственный секретарь)
Игорь Бакланов (заместитель главного редактора)
Андрей Рукавишников, Виктор Городецкий (научные редакторы)
Сергей Ломов (исполнительный редактор)

Редакционный совет

Евгений Ивахненко (председатель совета, Москва)
Олег Агапов (Казань)
Феликс Ажимов (Москва)
Кира Аласания (Москва)
Людмила Баева (Астрахань)
Вадим Васильев (Москва)
Ульрике Геро (Берлин)
Виталий Ивлев (Москва)
Марина Ивлева (Москва)
Анна Костикова (Москва)
Евгений Мощелков (Москва)
Наталья Ореховская (Москва)
Александр Полунов (Москва)
Петр Петрий (Москва)
Борис Прокудин (Москва)
Хауке Ритц (Берлин)
Инна Романенко (Санкт-Петербург)
Олег Рыбаков (Москва)
Дмитрий Стрелков (Москва)

Выпускающий редактор, художественный редактор *Мелина Нтсу*
Дизайн-макет *Арина Хайхан*
Верстка *Татьяна Архангельская*
Корректор *Валерия Ахметьева*
Координатор коммуникаций *Антон Решетняков*

Сайт: ottiskjournal.ru
ISSN: 3033-8301
Зарегистрировано Роскомнадзором, запись о регистрации № ФС 77-91123
Адрес редакции и издателя: 115280, г. Москва, ул. Ленинская Слобода, д. 21, к. 1
Тираж: 1000 экз.
Дата выхода в свет: 15.05.2026
Учредитель: АНО «Центр развития гуманитарных технологий «НОВАЯ ЭРА»

12+

OTTISK

#1 · 2026

Editor-in-chief

Alexey Kozyrev

Editorial Board

Alexander Segal (deputy editor-in-chief, executive secretary)
Igor Baklanov (deputy editor-in-chief)
Andrey Rukavishnikov, Viktor Gorodetsky (science editors)
Sergey Lomov (managing editor)

Editorial Council

Evgeny Ivakhnenko (Council Chair, Moscow)
Oleg Agapov (Kazan)
Felix Azhimov (Moscow)
Kira Alassania (Moscow)
Lyudmila Baeva (Astrakhan)
Vadim Vasiliev (Moscow)
Ulrike Guérot (Berlin)
Vitaly Ivlev (Moscow)
Marina Ivleva (Moscow)
Anna Kostikova (Moscow)
Evgeny Moshchelkov (Moscow)
Natalia Orekhovskaya (Moscow)
Alexander Polunov (Moscow)
Petr Petriy (Moscow)
Boris Prokudin (Moscow)
Hauke Ritz (Berlin)
Inna Romanenko (St. Petersburg)
Oleg Rybakov (Moscow)
Dmitry Strelkov (Moscow)

Executive editor, art director *Melina Ntsu*
Design *Arina Khaikhan*
Layout *Tatyana Arkhangelskaya*
Proofreader *Valeria Akhmetyeva*
Communications coordinator *Anton Reshetnyakov*

Website: ottiskjournal.ru
ISSN: 3033-8301
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), registration no. FS 77-91123
Editorial office and publisher address: 21 Leninskaya Sloboda St., bldg. 1 Moscow, 115280, Russia
Print run: 1000 copies
Date of publication: May 15, 2026
Founder: Autonomous non-profit organization «Humanitarian Technology Development Center «NEW ERA»

12+

Содержание

9 Сергей Перевезенцев.
Исторические основания ценностей:
от традиции к современности

23 Андрей Тесля.
Общество: справедливость,
солидарность, воля, свобода

33 Роман Светлов.
Человек (личность): добро, правда,
созидание, знание

47 Константин Мацан.
Космос внутри: духовные ценности
в истории русской культуры сквозь
призму русской философии

63 Сергей Спартак.
Социологический анализ отражения
приоритетных ценностей в массовом
сознании

97 Сергей Спартак.
Ценность в медиаполе: медиаанализ
и конкуренция нарративов

151 Алексей Козырев.
От ценности к поступку.
От декларации к практике

167 Яна Ардельянова.
Ценности современной молодежи:
между установкой и поступком

Contents

9 Sergei Perevezentsev.
Historical foundations of values: from tradition to modernity

23 Andrey Teslya.
Society: justice, solidarity, agency, freedom

33 Roman Svetlov.
The individual: the good, truth, creativity, knowledge

47 Konstantin Matsan.
The inner cosmos: spiritual values in Russian culture through the lens of Russian philosophy

63 Sergey Spartak.
A sociological analysis of the representation of priority values in public consciousness

97 Sergey Spartak.
Values in the media landscape: media analysis and competing narratives

151 Alexey Kozyrev.
From values to action: from declaration to practice

167 Yana Ardelianova.
Values of contemporary youth: between attitudes and behaviour

5

А. П. Козырев

Главный редактор журнала «Оттиск».

Новый журнал, который сегодня читатель держит в руках, называется «Оттиск». Многие его авторы помнят еще то время, когда в редакции научных журналов можно было получить пачку «отдельных оттисков» — отпечатанного специально для автора дополнительного тиража его статьи. Оттиски можно было раздать коллегам, друзьям — тем, на чье прочтение имело смысл надеяться. С появлением электронных версий статей в «Киберленинке» и на других ресурсах необходимость в оттисках отпала. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля мы читаем: «Оттиск, всякое изображенье, письмо, картина и пр. оттиснутая на чем, отпечаток, все что выдавлено на чем-либо гнетом. Оттиск, то же что экземпляр: оттиск словаря».

Оттиск предполагал отклик — именно ради него автор и дарил статью своему потенциальному читателю. Беда наших научных журналов, многократно усиленная наукометрической эпохой, заключается в том, что статья публикуется теперь не столько для отклика, сколько для рейтинга ученого. «Познав радость взаимного цитирования» (к чему призывал нас один остроумный ролик, пародирующий индийское кино), мы почти потеряли радость взаимного чтения и свободного обмена мыслями. Критике наукометрии был посвящен специальный выпуск журнала современной философии «Сократ», вышедший в сентябре 2016 года под моей редакцией. В нем подводились итоги большого исследования, показавшие, что наукометрия не только наносит непоправимый вред науке, подменяя цель средством, которое превращается в самоцель, но и представляет угрозу для национальной безопасности, потому что критерием значимости научной публикации является ее индексирование в западных наукометрических базах. «Наукометрия как разновидность безумия» — так была озаглавлена статья тогдашнего декана философского факультета МГУ, члена-корреспондента РАН, профессора В. В. Миронова. Тот номер «Сократа», ставший последним, хоть и нашел поддержку у многих честных представителей академического сообщества, но оказался отнюдь не в тренде, поскольку повестка реформ в науке была другая. Сегодняшняя ситуация показывает, что мы были правы. Поэтому хочется надеяться, что «Оттиск», какова бы ни была его последующая «наукометрическая» и «рейтинговая» судьба, найдет живой отклик в умах и сердцах читателей.

Журнал возникает как голос Философского клуба «Цивилизационное будущее России». Клуб появился в 2022 году. Активное участие в его создании принимал доцент философского факультета МГУ, кандидат политических наук Иван Александрович Чихарев, безвременно ушедший из жизни в 2023 году. Первые заседания Клуба прошли в здании бывшей Первой московской гимназии

на Волхонке, славной своими выпускниками, оставившими огромный след в русской культуре. В этом был знак определенной преемственности. Однако своим возникновением Клуб обязан новой исторической реальности, проявившейся в тектонических разломах устоявшегося мирового порядка, прямых конфликтах и военном противостоянии в разных регионах мира, экономических войнах и блокадах. Все это потребовало выдвинуть на первый план присутствующую в русской мысли, по крайней мере с начала XIX века, цивилизационную проблематику, осмыслить Россию как «страну — цивилизацию», задуматься о традиционных ценностях, начать системную работу по укреплению гражданской идентичности и общенационального единства. «Страна — цивилизация», «государство — цивилизация» — это не только данность, но в значительно большей степени заданность. Требование быть самостоятельной цивилизацией становится для России насущно необходимым, чтобы удержаться на плаву перед вызовами современности, перестать склоняться к другим силовым центрам мира, на Западе или на Востоке.

Клуб стал одной из первых попыток коллективной рефлексии на эти темы. Была опубликована коллективная монография «Контуры цивилизационного будущего России». Центр развития гуманитарных технологий «НОВАЯ ЭРА», объединивший преимущественно молодых исследователей, выпускников московских вузов, регулярно проводит исследовательские проекты, социологические исследования. Все это создает неплохой задел для того, чтобы к дискуссиям и исследованиям присоединялись новые авторы — как опытные преподаватели и исследователи, философы, политологи, социологи, историки, так и заявляющие о себе яркие молодые таланты.

6

Пилотный номер журнала — о ценностях. Разговор о них сегодня задается риторикой традиционных ценностей, которая нашла свое официальное закрепление в Указе Президента № 809, где сформулированы 17 ценностей, единых для представителей разных народов и религиозных конфессий, объединенных в многонациональном российском государстве. Для философии ценности — знакомая и важная тема. Она поднимается в неокантианстве, для которого риторика ценности не менее важна, чем для античной философии — риторика добродетели. Можно, фигурально выражаясь, сказать, что ценности — это и есть добродетели эпохи капитализма. Может быть, именно ценности представляют собой удивительное сочетание объективного и субъективного. Процесс оценивания происходит в нас, здесь неизбежна субъективная оценка и субъективное преломление, но то, что ценится, — существует объективно и присутствует в бытии, так же, как и мы в нем присутствуем.

Ценности — зеркало, в которое мы смотрим и стремимся видеть себя не такими, какие мы есть, а такими, какими нам хотелось бы быть. Причем это знание нормы до конца не постижимо, еще в древности его называли естественным законом, который вложила в нас невидимая рука. О ценностях немало говорили в поздней советской философии, когда на передний план вышла идея гуманизации общества, социализма с человеческим лицом. Под эгидой общечеловеческих ценностей шло возвращение в общественное сознание значимости роли Русской православной церкви в истории России в канун 1000-летия Крещения Руси. Общечеловеческие

ценности противопоставлялись тогда классовым, и в основу их полагались десять библейских заповедей (из которых актуализировалось, конечно, не десять, а гораздо меньше — заповеди «Не убий» уделяли значительно больше внимания, чем заповедям «Не сотвори себе кумира» или «Помни день субботний»).

Время шло, менялись исторические эпохи, прекратил свое существование Советский Союз, страна, в которой общественная мораль являлась частью официальной идеологии и была кодифицирована в «Моральном кодексе строителя коммунизма», и общечеловеческие ценности оказались вовсе не библейскими и не христианскими, а специфическим преломлением ценностей современного западного капитализма. Западные партнеры России, провозгласившие себя победителями в холодной войне, уготовили нам место где-то возле бензоколонки. Расчленив СССР, они уже приготовились к расчленению России, помня о девизе Филиппа Македонского «Разделяй и властвуй». Риторика общечеловеческих ценностей на поверку оказалась всего лишь маскировкой тонко продуманной стратегии, за которой стояла логика насильника — растлить и овладеть! Поэтому дискурс традиционных ценностей оказался не очередным перезапуском общественного диалога, но насущной необходимостью найти способы оздоровления общества, его социальной терапией, позволившей отойти от края пропасти, удержания вступающей в жизнь молодежи от беспочвенных блужданий и экспериментов, где добро и зло, достойное и недостойное оказываются перевернутыми и перемешанными, безразличными.

7

Высшее образование является той сферой, где заложенные в семье и школе ценности проходят проверку на прочность. Поэтому так важно, чтобы в наших вузах студенты проходили школу жизни, применяя в своей учебе, выборе профессии и карьерном старте те ценности, которые могут наполнить их жизнь деятельным смыслом. Московский университет стал участником Консорциума федеральных государственных образовательных учреждений высшего образования, деятельность которого нацелена на реализацию Указа Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Консорциум, в который входят ведущие российские университеты и вузы — МГУ имени М. В. Ломоносова, СПбГУ, РГГУ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, РГУ им. А. Н. Косыгина, РУДН им. Патриса Лумумбы, МПГУ, РГПУ им. А. И. Герцена, ИЭА РАН, МФТИ, — ведет и будет продолжать вести научные исследования и организовывать практико-ориентированные мероприятия, направленные на сохранение и укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи из поколения в поколение.

«Оттиск» будет выходить ежеквартально и обсуждать самые насущные проблемы и задачи развития нашего общества и наук, изучающих его. Мы приглашаем к сотрудничеству представителей академического и вузовского научного сообщества, которые небезразличны к нашему цивилизационному будущему и считают, что нам нужно стремиться к тому, чтобы наша наука и образование работали на укрепление суверенитета России и самостоятельность ее цивилизационного развития.

Исторические основания ценностей: от традиции к современности

ORCID: 0000-0002-9214-1753
Почта: serp1380@yandex.ru

Перевезенцев Сергей Вячеславович

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Sergei V. Perevezentsev, Dr.Sc. (History), Professor at the Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

9

Аннотация

Самобытность цивилизационной сущности России обусловлена существованием традиционных базисных духовно-политических ценностей, которые сформировались в результате многовекового исторического и духовно-политического развития народов России. В статье с исторической и теоретической точек зрения рассмотрены некоторые из основных базисных российских традиционных ценностей: государство, вера, знание, правда (справедливость), свобода, суверенитет, служение, патриотизм. При подготовке данной статьи использованы научные результаты, полученные в ходе исследований на основе традиционалистско-консервативной методологии, осуществленных коллективом сотрудников, аспирантов и студентов факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ключевые слова

Традиционалистско-консервативная методология, базисные традиционные духовно-политические ценности, государство, государственность, вера, знание, правда (справедливость), свобода, суверенитет, служение, патриотизм.

Abstract

The uniqueness of Russia's civilizational essence is determined by the existence of traditional fundamental spiritual and political values, which have been shaped over centuries of historical and spiritual-political development of the Russian people. This article explores some of the key fundamental Russian traditional values from a historical and theoretical perspective: the state, faith, knowledge, truth (justice), freedom, sovereignty, service, and patriotism. This article is based on research conducted by a team of researchers, postgraduate students, and undergraduate students at the Faculty of Political Science at Lomonosov Moscow State University using a traditionalist-conservative methodology.

Keywords

Traditionalist-conservative methodology, basic traditional spiritual and political values, state, statehood, faith, knowledge, truth (justice), freedom, sovereignty, service, and patriotism.

Самобытность цивилизационной сущности России обусловлена существованием традиционных базисных духовно-политических ценностей, которые сформировались в результате многовекового исторического и духовно-политического развития народов России. Исследования, осуществленные в последние годы в ходе коллективного и индивидуального научного поиска на основе традиционалистско-консервативной методологии[1], позволяют предложить следующее общетеоретическое определение базисных традиционных ценностей[2]. **Базисные традиционные духовно-политические ценности — это идеи (смыслы), выработанные в результате многовекового исторического и духовно-политического развития народа в сложившихся природно-климатических, географических, конкретно-исторических, духовно-нравственных и социально-политических условиях, и являющиеся непременным фактором формирования общенациональной и политической идентичности народа**[3].

[1] Перевезенцев С. В., Пучнина О. Е., Страхов А. Б., Шакирова А. А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 113 — 133.

[2] Результаты данных исследований, осуществленные коллективом сотрудников, аспирантов и студентов факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова под руководством д. и. н., проф. С. В. Перевезенцева и д. полит. н., проф. А. В. Селезневой были опубликованы в нескольких авторских и коллективных монографиях, трех хрестоматиях по истории русской социально-политической мысли XI — XIX вв., в шеститомной антологии русской консервативной мысли «Хранители России», а также в виде научных статей в научных журналах.

[3] См. подробнее: Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С. В. Перевезенцева, А. В. Селезневой. М., 2024. С. 27 — 31.

Сергей Перевезенцев

11

Одна из ведущих ролей среди всех иных базисных российских традиционных духовно-политических ценностей принадлежит понятию «государство»[4]. Слово «государство» в русском политическом лексиконе возникло только в конце XV в., а закрепилось в конце XVI—XVII вв. До того времени вместо понятие **«государство»** использовалось понятие **«земля»**[5]. И первое известное нам славяно-русское государство на территории проживания восточных славян получило самоназвание «Русская земля» («Русь)[6]. В X—XV вв. понятие «Русская земля» в значении «государство» приобретает характеристики **важнейшей духовно-политической ценности** для всего русского общества и каждого русского человека. Неслучайно нашествие монгольской орды в середине XIII в. практически все летописи и литературные источники этого времени восприняли как национальную трагедию, а именно как **«гибель Русской земли»**. С середины XIII в. и до настоящего времени идея «гибели Русской земли» (России, Отечества, Российского государства) представляет собой один из реальных страхов национального исторического сознания. Более того, эта идея на протяжении вот уже 800 лет является одной из мобилизующих национальное сознание русского народа. В то же время православное миросозерцание и постепенное объединение русских земель московскими великими князьями вызывало в национальном сознании надежду на возрождение единого государства. В источниках конца XIV — начала XV в. **«Русская земля» как единое независимое православное самодержавное царство предстает в качестве великой мечты русских людей того времени**[7]. Эта мечта стала действительностью спустя 100 лет, в конце XV в., в ходе формирования независимого национального Русского государства[8], которое в XVI в. приобрело статус **Русского/Российского царства/империи**. Очевидная преемственность в трансформации смыслов и ценностного ядра понятий **«Русская земля» — «Русское государство» — «Российское царство/империя»** в отечественной истории позволяет с полным основанием считать их единым аксиологическим комплексом, который сохраняется в национальном сознании на протяжении всего последующего времени. В целом, ценность государства, понимаемая в отечественной культуре и истории не только в сугубо территориально-политическом отношении, но и в нравственном,

[4] См. об этом: Перевезенцев С. В., Пучнина О. Е., Страхов А. Б., Шакирова А. А. «Государствуем от великаго Рюрика...»: К вопросу о формировании единого духовно-политического аксиологического комплекса «Русская земля — Российское государство — Российское царство» // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 245—262.

[5] Само слово «земля» в разных огласовках является общим для всех славянских народов и имеет широкое смысловое содержание, см.: Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, 1959. URL: http://www.proto-slavic.ru/dic-pokorny/rusl-z.htm (дата обращения: 15 ноября 2025 г.); Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М., 2008. С. 93; 26. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 375—377; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 1. М., 1994. Стб. 1690—1696.

[6] См.: ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. Л., 1926—1928. С. 13, 14.

[7] См.: Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 2000. С. 206—224. (Далее — БЛДР).

[8] Само слово «государство» («господарство») произведено от понятий «господарь» («хозяин», «владелец», «господин», «господарь как титул правителя») и «государь» («владелец», «хозяин», «верховный владетель», «государь как титул правителя») (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 100, 109). Таким образом, в традиционном русском понимании «государство» («господарство) — это страна (земля), которой наследственно владеет и правит независимый «государь» («господарь»).

духовном плане, является специфической чертой русской цивилизации, имеющей принципиальное значение для формирования уникальной идентичности и осознания смысла собственного бытия.

Для более четкого понимания процессов формирования и функционирования аксиологических категорий в национальном сознании русского народа необходимо разделять значения понятий «государство» и «государственность». С точки зрения традиционалистско-консервативного подхода, **«государственность»** являет собой сложную идеальную конструкцию, предшествующую в сознании людей реальному государству, которое, в свою очередь, возникает и развивается — со всеми его институтами и прочими характерными атрибутами — как реализация данной идеальной конструкции в ходе исторической и политико-правовой практики. В этом отношении под **государственностью** следует понимать **устойчивый аксиологический комплекс духовно-политических принципов общественных отношений, сформированный историческим, социально-политическим, культурным опытом и духовно-политическими идеалами определенного сообщества людей, лежащий в основе создания и функционирования государства.** Государство представляет собой политико-административное образование, важнейший политический институт, структурные элементы которого выстраиваются и функционируют на основе идеи государственности. Под воздействием разных факторов в определенных обстоятельствах форма государства неизбежно меняется, но основные принципы государственного строительства и взаимоотношений между властью и обществом, задающие «идеальную конструкцию», продолжают сохраняться и воспроизводиться в рамках политико-культурных традиций, поскольку определяются ценностями как устойчивыми смысловыми доминантами бытия[9].

Анализ исторического развития комплекса российских традиционных ценностей позволяет сформулировать **аксиологическую модель российской государственности.** В число важнейших категорий, составляющих данную модель, входят и такие понятия, как **вера, знание, правда (справедливость), свобода, суверенитет, служение, патриотизм**[10].

Основополагающую роль в числе традиционных ценностей играет **вера** как «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1). На протяжении всего времени существования российской государственности особое значение имела, конечно, православная вера, ибо именно из христианских источников, прежде всего из Священного Писания и Священного Предания, черпались главные смыслы существования русской цивилизации. В XVIII столетии, в рамках просветительского мировоззрения, многие ценностные категории общественного бытия стали

[9] См. подробнее: Селезнева А. В., Перевезенцев С. В., Сорокопудова О. Е., Страхов А. Б. Российская государственность: концептуализация понятия и определение возможностей моделирования // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2025. № 1. С. 7—29.

[10] См. об этом: Перевезенцев С. В., Сорокопудова О. Е., Страхов А. Б., Боронин А. Р. К вопросу о принципах построения аксиологической модели российской государственности // Тетради по консерватизму. 2025. № 3. С. 40—50. См. об этом: Перевезенцев С. В., Сорокопудова О. Е., Страхов А. Б., Боронин А. Р. К вопросу о принципах построения аксиологической модели российской государственности // Тетради по консерватизму. 2025. № 3. С. 15—39; Евгеньева Т. В., Палитай И. С., Селезнева А. В. К вопросу о возможностях и ограничениях разработки и реализации

толковаться более рационалистически и прагматически, однако российскому просветительству в целом не был свойствен атеизм, поэтому и традиционная православная вера сохраняла важнейшее мировоззренческое значение, обеспечивая духовное единство народа. Тем не менее начиная с XVIII столетия в России постепенно распространяется новая форма веры — нетрадиционная, а именно гуманистическая вера в человека, в его способности и возможности, равные, или даже превосходящие возможности Самого Господа («светское мировоззрение»). В итоге возникло духовное противостояние традиционного (православного) и нетрадиционного (гуманистического) религиозных миропониманий, постепенно переросшее в духовное оскудение российского общества, сохраняющиеся в российском общественном сознании до сих пор[11].

На идее Бога длительное историческое время зиждились и другие ценностные ориентиры российской государственности. К примеру, **знание** достаточно долго существовало в основном в виде Откровения Божиего, когда любые сведения о мире, обществе и человеке рассматривались как своеобразный дар Господа. В XVIII в. в силу необходимости овладения наукой, с одной стороны, и под влиянием идей западноевропейского рационализма, с другой стороны, важнейшая роль в процессе познания мира стала отводиться не столько духовному преображению, сколько интеллектуальному развитию. Ценность научного, рационалистического знания окончательно приобрела самостоятельное, в том числе и политическое значение. Возникшее тогда же противоречие между верой и знанием получило в отечественной истории разные формы проявления и разрешения.

Не менее важной ценностью, чем вера и знание, в русской традиции является **правда**. Несмотря на многозначность термина (истина, правая сторона, справедливость, закон и др. — всего словари насчитывают до 17 значений[12]), правда в XI – XVII вв. воспринималась как единое понятие. В связи с этим видится, что правда одинаково выражает все эти и множество других смыслов, но при этом объединяет, интегрирует их в некоторый единый духовно-политический комплекс, основанный на православном миропонимании («Христос есть истинная правда»[13]), то есть источником и носителем правды является Сам Господь Бог, именем Которого правда наполняется смыслом и содержанием[14].В XVIII – XIX вв. правда понималась как воплощение Божией воли в мире, а единственной фигурой, способной установить правду в государстве, признавался самодержавный государь; такое понимание правды сохранилось в художественной литературе, религиозных текстах

[11] См. об этом: Перевезенцев С. В. Духовность как фактор мировой политики // Тетради по консерватизму. 2019. № 3. С. 148 – 170; Перевезенцев С. В. Гуманизм или консерватизм? // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 115 – 143.

[12] См.: Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 18. М., 1992. С. 96 – 99.

[13] Пересветов И. С. Большая челобитная // БЛДР. Т. 9. СПб., 2000. С. 440.

[14] См. подробнее: Страхов А. Б., Боронин А. Р. Аксиологические основы российской государственности: свобода и правда в идейно-политическом дискурсе XI – XVII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 49 – 62.

и фольклоре[15]. В общественно-политическом дискурсе духовное содержание понятия «правда» постепенно выхолащивалось, и в итоге уже в XX в. по идеологическим причинам было сведено в основном к значению «справедливость» (в юридическом смысле), что во многом сохраняется и в современных представлениях о правде[16]. В XVIII в. в отечественном общественно-политическом дискурсе вместо понятия «правда» утверждается понятие «справедливость». Для мыслителей этого времени справедливость оказалась связана с идеей «общей пользы», заимствованной из западноевропейской традиции. Но в российской общественно-политической традиции идея «общей пользы» приобрела своеобразное звучание: «польза Отечеству»[17]. Впрочем, цели, средства и результаты «пользы Отечества» оценивались современниками весьма неоднозначно: предлагались различные способы достижения идеала социальной справедливости вплоть до самых радикальных, революционных[18]. На протяжении всего XIX в. понимание справедливости было тесно и непосредственно связано с понятием нравственности. Неразрывная связь справедливости и нравственности в отечественной традиции XIX в. особенно заметна, поскольку требование справедливости как равенства в распределении каких-то материальных благ почти не встречается. Практически всегда справедливость понимается не как право, а как обязанность человека[19]. В современной Российской Федерации идея справедливости и стремление к созиданию общества социальной справедливости остается одним из важнейших мотивов дальнейшего развития нашей страны.

«Свобода» с догосударственных времен была одной из ключевых ценностей в славяно-русском сознании. В XI — XVII веках свобода в письменных источниках была представлена в трех смыслах: христианская свобода от греха, свобода от бедствий и свобода от обязанностей (в том числе личная свобода). При этом существовала прямая взаимосвязь между политической свободой (независимостью) и свободой от греха: потеря политической свободы — это наказание Божие за грехи людей, обретение политической свободы — это дар Господень за покаяние и освобождение от грехов. Во многом именно поэтому в русской традиции складывается убеждение, что жертвование личной свободой и даже собственной жизнью во имя свободы Русской земли угодна Господу и служит

[15] Перевезенцев С. В., Ананьев Д. А. Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 21 — 37; Сорокопудова О. Е., Миронов Д. В. Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2023. № 2. С. 455 — 470.

[16] Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С. В. Перевезенцева, А. В. Селезневой. М., 2024. С. 616 — 630.

[17] Перевезенцев С. В., Пучнина О. Е., Страхов А. Б., Шакирова А. А. «Отечество находится не в географии...»: К вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 263 — 283.

[18] Перевезенцев С. В., Ананьев Д. А. Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 21 — 37.

[19] Сорокопудова О. Е., Миронов Д. В. Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2023. № 2. С. 455 — 470.

спасению грешной души[20]. В XVIII в. в отечественной традиции в значительной мере были усвоены просветительские идеи о естественных правах и свободах личности. Так, например, отечественные мыслители немало размышляли о проблеме личной свободы в отношениях с государством. Но по убеждению большинства авторов различных сочинений этого времени, подданные русского государя должны быть жертвовать свободой в пользу свободы государства (Отечества). В отечественной литературе XVIII в. безусловная оправданность жертвы личной свободы чаще всего обосновывалась необходимостью служения каждого жителя России Богу, государю и Отечеству[21]. В мировоззрении русского человека XIX в. уже вполне прижились и обосновались рационалистические трактовки прав и свобод человека. Однако классическое понимание свободы как правового положения граждан в государстве в отечественном идейно-политическом дискурсе сочеталось с духовно-нравственным осмыслением этого явления[22]. В XX столетии происходило постепенное вымывание из понятия «свобода» духовного содержания, сохранялось только социальное и политическое значение данной ценности. Необходимо отметить, что большинство трактовок понятия «свобода» современными молодыми гражданами России с одной стороны, вполне соотносятся с традиционными русскими смыслами, однако, с другой стороны, один из важнейших традиционных смыслов, а именно христианское понимание свободы, как свободы от греха, в их политическом сознании фактически отсутствует[23].

Понятие **«суверенитет»** в русских источниках XI — XVII вв. отсутствует. Ближе всего к нему стоят понятия **«самодержец/самодержавие».** В русском понимании самодержец — это богоизбранный независимый полновластный правитель православного государства, власть которого имеет особый сакральный статус[24]. Таким образом, самодержавие (или «самодержавство») — это и принцип политического устройства государства, и само государство, которым владеет самодержец, обладающий, по воле Господа, всей полнотой власти. В таком случае источником суверенитета (самодержавия, независимости) государства является независимость богоданного государя (самодержца)[25]. В XVIII в., несмотря на ак-

[20] Страхов А. Б., Боронин А. Р. Аксиологические основы российской государственности: свобода и правда в идейно-политическом дискурсе XI — XVII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 49 — 62.

[21] Перевезенцев С. В., Боронин А. Р. К вопросу о формировании ценностных ориентиров российской цивилизации в духовно-политической мысли XVIII в // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2024. № 1. С. 80 — 96.

[22] См.: Сорокопудова О. Е., Миронов Д. В. Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2023. № 2. С. 455 — 470; Перевезенцев С. В., Сорокопудова (Пучнина) О. Е., Страхов А. Б., Боронин А. Р. Русские ценности в духовно-политическом дискурсе XI — начала XX века. Статья первая: «Бог есть самая правда» // Тетради по консерватизму. 2025. № 3. С. 51 — 76.

[23] Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С. В. Перевезенцева, А. В. Селезневой. М., 2024. С. 622.

[24] Источником подобного понимания является Священное Писание, см.: 1 Цар. 8 — 10.

[25] См. подробнее: Перевезенцев С. В., Сорокопудова (Пучнина) О. Е., Страхов А. Б., Боронин А. Р. Русские ценности в духовно-политическом дискурсе XI — начала XX века. Статья вторая: «Российское самодержавство» // Тетради по консерватизму. 2025. № 3. С. 77 — 108.

тивное освоение западноевропейской интеллектуальной традиции, в российских источниках термин «суверенитет» также еще не используется. Наиболее близким по содержанию и значению было понятие **«независимость»**, которое рассматривалось в двух значениях: «государственная независимость» (государственный суверенитет) и «личная независимость» (частный суверенитет). Идея «государственной независимости» традиционно передавалась через понятия «самодержец/самодержавие», которые одновременно и тоже традиционно сохраняли значение «полноты власти монарха». В том же значении идея «самодержца/самодержавия» сохранялась и в XIX в., впрочем, постепенно по мере духовного оскудения российского общества теряя в общественно-политическом сознании свои положительные черты. В то же время в либерально-революционных кругах носителями «независимости» в значении «государственный суверенитет» стали считаться не монархи, но избранные представители народа или весь народ. В XX в. в отечественное общественно-политическое сознание, наконец, проникает и утверждается понятие «суверенитет» в его традиционном для рационального миропонимания смысле — самостоятельность, независимость и верховенство государственной власти во внешних и внутренних делах. Важно отметить, что понятия народного суверенитета и государственного суверенитета различны, но не противопоставлены друг другу, поскольку в первом случае раскрывается вопрос о высшей власти в государстве, а во втором — вопрос о верховности власти самого государства. Впрочем, в отечественном общественно-политическом сознании не исчезла и идея «самодержца» как главы независимого государства, преобразовавшись в персонификацию власти, то есть в идею «сильного правителя»[26].

Идея **служения** тесно переплетена с понятиями «самодержавие» — «независимость» — «суверенитет». Ценности идеи служения формировала не только практика «служилого государства», каковым Российское государство стало еще в конце XV в., но, в первую очередь, православная культура. Само слово «служение» с древности имеет в русском языке значительные религиозные ассоциации (служение Господу). В рамках православного понимания сути взаимоотношений отдельной личности и общества с государством служение каждого человека и общества в целом государю понималось как часть служения Господу, потому что власть государя воспринималась как данная ему от Самого Бога.Российские государи, правившие страной в XVIII – XIX вв., понимали и принимали тот факт, что власть им дана от Самого Господа. Однако, в духе того времени, они смотрели на собственную деятельность более прагматически, заявляя в качестве личных целей и целей своих подданных более широкие смыслы служения: служение не только Богу и государю во имя спасения души, но также служение государству и Отечеству во имя обеспечения благополучия народа.Идея служения сохранялась и в XX столетии, утратив при этом свое духовное содержание. В сознании большинства советских граждан она приобрела форму исполнения задачи построения «нового коммунистического общества». В 1990-е гг., когда в российском обществе стали насаждаться

[26] См. подробнее: Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С. В. Перевезенцева, А. В. Селезневой. М., 2024. С. 184 – 194, 648 – 651.

идеи индивидуализма и отказа от общественных идеалов, идея служения оказалась практически маргинальной. Лишь в последние годы идея служения вновь стала приобретать традиционный для русского духовно-политического сознания смысл.

Слово **«патриотизм»** появилось в русском языке лишь в XVIII в. Известна даже относительно точная дата первого употребления слова «патриот» в значении не просто «земляк», а именно «сын Отечества» — 1716 — 1717 гг.[27] С этого времени слово «патриот» в значении «человек, любящий свое Отечество» закрепляется в общерусском лексиконе и становится общеупотребимым. Однако **любовь к Отечеству** вполне отчетливо прослеживается уже в XI — XVII вв. В русском духовно-политическом сознании Отечество имело троякий смысл: личное унаследованное имущество; родная страна, страна отцов; Небесное Отечество, то есть Царство Небесное. И хотя первое и третье значения преобладали, в том числе в политическом плане, в XII — XVII веков можно встретить памятники, в которых понятие «отечество» присутствует в значении «Родина», «родная земля»[28]. В XVIII в. по инициативе царя Петра I в государевых указах появляется формулировка «слуга своему государю и Отечеству», подчеркивающая факт того, что всякий «государев» человек теперь служит не только царю, но и своей Родине, Отечеству. О том, что всякий подданный русского государя должен быть патриотом, то есть любить, приносить пользу и служить Богу, государю и Отечеству, писали практически все мыслители XVIII — XIX вв. Продолжается эта тенденция и позднее. Более того, идея патриотизма («любви к Отечеству») становится основополагающей в отечественном общественно-политическом сознании и духовно-нравственном миропонимании, сохраняя подобное значение до сих пор. Впрочем, нужно иметь в виду важный факт: идеи «служения Отечеству» и «служения государству» периодически противопоставляются, ибо далеко не во всех случаях соответствуют друг другу.

***

Современное российское общество, несмотря на произошедшие за последнее столетие кардинальные социально-политические и экономические перемены, продолжает с большим вниманием относиться к традициям и традиционным ценностям. Можно утверждать, что базисные традиционные ценности существовали в сознании и жизненной практики жителей нашей страны на протяжении всей многовековой отечественной истории несмотря на смену политических режимов, общественно-политических и экономических укладов, ту или иную коррекцию духовных ориентиров[29]. При этом они сосуществуют в политическом сознании

[27] Шафиров П. П. Разсуждение о причинах Свейской войны. СПб., 1717. С. 2.

[28] Перевезенцев С. В., Пучнина О. Е., Страхов А. Б., Шакирова А. А. «Отечество находится не в географии...»: К вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 263 — 283.

[29] Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С. В. Перевезенцева, А. В. Селезневой. М., 2024. С. 374.

и гражданском самосознании с относительно «новыми» для нашей культуры ценностями (например, комфорта), что порождает определенные противоречия в общественно-политическом сознании жителей России.

Именно поэтому в процессе практической реализации важнейших стратегических документов по утверждению традиционных ценностей возникло несколько проблем. Во-первых, стало понятно, что на сегодняшний день в российском обществе нет общепринятого понимания сущности традиционных ценностей. Так, для кого-то обращение к традиционным ценностям ограничивается ценностями советского периода истории. Их оппоненты, наоборот, настаивают на обращение к возрожденным ценностям более ранних времен. Во-вторых, отдельные группы наших сограждан стали призывать к жизни в качестве ценностной основы древние языческие культы, другие же обратились к практике культур, никогда не имевших влияния в отечественной истории и не могущие считаться традиционными в России (пример — никабы). Наконец, и это в-третьих, сам процесс реализации важнейших стратегических документов по утверждению традиционных ценностей нередко излишне формализуется, что приводит к утрате самой сущности российских ценностей и вовсе не способствует формированию общероссийской цивилизационной идентичности. А разрушение системы значимых для сообщества ценностей приводит к кризису идентичности.

Будем надеяться, что данные проблемы — это «болезнь роста», ведь мы все находимся только в начале пути.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 1. М., 1994.

2. Евгеньева Т. В., Палитай И. С., Селезнева А. В. К вопросу о возможностях и ограничениях разработки и реализации аксиологической модели российской государственности // Тетради по консерватизму. 2025. № 3. С. 40—50.

3. Перевезенцев С. В. Гуманизм или консерватизм? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 115—143.
4. Перевезенцев С. В. Духовность как фактор мировой политики // Тетради по консерватизму. 2019. № 3. С. 148—170.

5. Перевезенцев С. В., Ананьев Д. А. Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 21—37.

6. Перевезенцев С. В., Боронин А. Р. К вопросу о формировании ценностных ориентиров российской цивилизации в духовно-политической мысли XVIII в // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2024. № 1. С. 80—96.

7. Перевезенцев С. В., Пучнина О. Е., Страхов А. Б., Шакирова А. А. «Государствуем от великаго Рюрика...»: К вопросу о формировании единого духовно-политического аксиологического комплекса «Русская земля — Российское государство — Российское царство» // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 245—262.

8. Перевезенцев С. В., Пучнина О. Е., Страхов А. Б., Шакирова А. А. «Отечество находится не в географии...»: К вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 263—283.

9. Перевезенцев С. В., Пучнина О. Е., Страхов А. Б., Шакирова А.А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 113—133.

10. Перевезенцев С. В., Сорокопудова О. Е., Страхов А. Б., Боронин А. Р. К вопросу о принципах построения аксиологической модели российской государственности // Тетради по консерватизму. 2025. № 3. С. 15—39.

11. Перевезенцев С. В., Сорокопудова (Пучнина) О. Е., Страхов А. Б., Боронин А. Р. Русские ценности в духовно-политическом дискурсе XI — начала XX века. Статья первая: «Бог есть самая правда» // Тетради по консерватизму. 2025. № 3. С. 51—76.

12. Перевезенцев С. В., Сорокопудова (Пучнина) О. Е., Страхов А. Б., Боронин А. Р. Русские ценности в духовно-политическом дискурсе XI — начала XX века. Статья вторая: «Российское самодержавство» // Тетради по консерватизму. 2025. № 3. С. 77—108.

13. Пересветов И. С. Большая челобитная // БЛДР. Т. 9. СПб., 2000. С. 432—451.

14. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. Л., 1926—1928.

15. Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С. В. Перевезенцева, А. В. Селезневой. М., 2024.

16. Селезнева А. В., Перевезенцев С. В., Сорокопудова О. Е., Страхов А. Б. Российская государственность: концептуализация понятия и определение возможностей моделирования // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2025. № 1. С. 7—29.

17. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1977; Вып. 5. М., 1978; Вып. 18. М., 1992.

18. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 2000. С. 206—224.

19. Сорокопудова О. Е., Миронов Д. В. Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 2. С. 455—470.

20. Страхов А. Б., Боронин А. Р. Аксиологические основы российской государственности: свобода и правда в идейно-политическом дискурсе XI—XVII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 49—62.

21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М., 2008.

22. Шафиров П. П. Разсуждение о причинах Свейской войны. СПб., 1717.

23. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, 1959 [Электронный ресурс] URL: http://www.proto-slavic.ru/dic-pokorny/rusl-z.htm (дата обращения: 15 ноября 2025 г.).

Общество: справедливость, солидарность, воля, свобода

ORCID: 0000-0003-2437-5002
Почта: mestr81@outlook.com

Теcля Андрей Александрович

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник НОЦ «Центр исследования русской мысли», доцент Высшей школы философии, истории и социальных наук, Калининград, Россия.

Andrey A. Teslya, Cand.Sc. (Philosophy), Senior Research Fellow at the Research and Education Center "Center for the Study of Russian Thought", Associate Professor at the Higher School of Philosophy, History and Social Sciences, Kaliningrad, Russia.

23

Аннотация

Ценности современного общества базируются на исторических основаниях — последние обусловливают первые, поскольку реакция (не суть важно, творческая или консервативная) на перемены формируется в границах, сформированных предшествующим (и тем самым делает целый ряд логически возможных вариантов невозможными в действительности). В статье анализируются исторические основания современного понимания таких ценностей русского общества, как воля, справедливость и солидарность. Особенное внимание уделяется двум обстоятельствам: во-первых, акцентируется разнородность исторического опыта и множественность понимания этих ценностей на протяжении истории (что, помимо прочего, создает возможности для вариативной актуализации тех или иных элементов исторического наследия); во-вторых, на условиях формирования ценностных представлений и установок модерна — когда определяющими, модельными становятся ценности, присущие высшим сословиям. Происходит одновременно (a) распространение их на другие слои и группы общества и (b) модификация ценностей в процессе этого распространения. В свою очередь, сами ценности высших слоев общества претерпевают более или менее существенную трансформацию в условиях национализации — когда они начинают претендовать на выражение национального сознания (с одновременным отведением в рамках романтического мировоззрения «народу» роли «мирочувствования», где «националь-

ное тело» предполагает и аналогичный анализ «национальной/народной души»). Отдельно акцентируется, что общественные ценности — это не дескрипция наличного, а, напротив, долженствование, — и, следовательно, ценности во многом формулируются от противного, их роль — побуждать, стимулировать тот род сознания и поведения, недостаток которого присущ соответствующему обществу. Так, особенный акцент на солидарности, коллективности и т. п., характерный для русского сознания, оказывается «зеркальным» многократно описанному и проанализированному индивидуализму русского крестьянства.

Ключевые слова

Общественное сознание, солидарность, коллективизм, модерн.

Abstract

The values of modern society are based on historical foundations — the latter determine the former, since the reaction (it does not matter whether creative or conservative) to change is formed within the boundaries formed by the previous one (and thus makes a number of logically possible options impossible in reality). The article analyzes the historical foundations of the modern understanding of such values of Russian society as freedom, justice and solidarity. Special attention is paid to two circumstances: firstly, the heterogeneity of historical experience and the multiplicity of understanding of these values throughout history is emphasized (which, among other things, creates opportunities for the variable actualization of certain elements of historical heritage); secondly, on the conditions of the formation of value ideas and attitudes of modernity — when values become defining, model values inherent in the upper classes. There is a simultaneous (a) dissemination of them to other strata and groups of society and (b) modification of values in the process of this dissemination. In turn, the values of the upper strata of society themselves undergo a more or less significant transformation in the context of nationalization — when they begin to claim to express national consciousness (while simultaneously assigning the role of "world feeling" to the "people" within the framework of the romantic worldview, where the "national body" presupposes a similar analysis of the "national soul"). It is emphasized separately that social values are not a description of what is available, but, on the contrary, a duty — and, consequently, values are largely formulated from the opposite, their role is to encourage, stimulate the kind of consciousness and behavior that is lacking in the relevant society. Russian consciousness's particular emphasis on solidarity, collectivity, etc., turns out to be a "mirror image" of the individualism of the Russian peasantry, which has been repeatedly described and analyzed.

Андрей Тесля

Keywords

Social consciousness, solidarity, collectivism, modernity.

От Древней Руси к XIX в.

Прежде всего необходимо напомнить, что Древняя Русь была **традиционным аграрным обществом.** Разумеется, данная характеристика предельно общая — достаточно сказать, что в ту же группу попадают такие разные общества, как древнекитайское и германское, древнеегипетское и византийское. Так что сама по себе эта характеристика мало что дает, но ее необходимо иметь в виду, поскольку она задает совсем немногие, но важные параметры, остающиеся константами на протяжении множества веков.

Во-первых, это оседлость, привязанность к земле — то, что в дальнейшем вырастает в формулировку Глеба Успенского о «власти земли»[30], под чем подразумевались свойства русского крестьянина, который мыслился скорее порождением земли, производным от нее, чем формирующим и модифицирующим ее.

Здесь требуется сделать важную оговорку: со времен формирования московской исторической школы, в особенности с «Курса...» В. О. Ключевского, широкое распространение получила формулировка о сути русской истории, заключающейся в процессе колонизации. Ключевский во II лекции настаивает: «Колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты», — и прямо увязывает с колонизацией не только прошлое, но и буквально настоящее на тот момент, завершая рассмотрение колонизации описанием освоения Сибири, строительства Транссибирской магистрали и переселенческой политикой П. А. Столыпина[31]. Однако не менее важно, что речь идет именно о земледельческой, крестьянской колонизации, придающей и самому процессу характер своего рода движения моря, то медленно подмывающего берег, то устремляющегося со всей мощью в открывшийся путь, попутно расширяя и сами врата.

Но аграрный характер русского общества имеет и свою специфику, а именно: преобладающий характер земледелия не требовал регулярных усилий централизованного правления и вместе с тем нуждался в нем: государство было необходимостью, но именно необходимостью **внешней**, обеспечивающей внешний контур, защиту от вторжений, возможность безопасного от вторжения соседей земледельческого освоения. Но само это освоение не нуждалось или слабо нуждалось в централизованном государстве — для хозяйственного освоения Курска и Орла нужны были засечные черты, для освоения Новороссии — прежде всего исчезновение

[30] См. одноименный очерк Г. И. Успенского (Отечественные записки. 1882. № 1 – 3). Цит. по: Успенский Г. И. Собрание сочинений. В 9 тт. Т. V / Под общ. ред. В. П. Друзина. М.: ГИХЛ, 1956.

[31] Ключевский В. О. Собрание сочинений. В 9 тт. Т. 1 / Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1987. С. 49 – 50.

угрозы в лице Крымского ханства, для заселения Волги (и постепенного обращения ее в «русский Нил») — замирение башкир и построение Оренбургской черты. В большей степени нужда в государстве осознавалась для установления внутреннего мира, от соперничающих властей — в меньшей, поскольку эта цель в ядре Московского великого княжения была достигнута в целом уже в XV в. и тем самым рано стала восприниматься как норма.

Отсюда — специфика понимания свободы. Власть выступала в двух ипостасях: прежде всего, **необходимой защиты от вторжения извне**, той общей рамки, что позволила бы на закрытом от вторжения пространстве возделывать земли, — и как **помехи, вторжения в повседневность**, никакой нужды в котором, практической надобности со стороны своей жизни крестьянин не видел. Это, кстати, обеспечило ту особенность, которая будет устойчивой по меньшей мере вплоть до конца XIX в., — слабое проникновение центральной власти в местные отношения: так, государственный аппарат еще в 1860-е гг. фактически заканчивался на уровне уезда; необходимость хоть какого-то присутствия власти на более низком уровне вызовет введение института земских начальников уже в 1880-е, и показательно, что дебаты о «мелкой земской единице» будут продолжаться без прямого практического результата вплоть до самого конца империи. Здесь важна не только многократно отмеченная «недоуправляемость» империи[32], но то обстоятельство, что при очевидном для всех участников недостатке она продолжала достаточно эффективно действовать.

В России сформировалась специфическая ситуация — свобода воспринималась в первую очередь (а) **внутри государства** и (б) **от государства**, тогда как государственная свобода, свобода государства в обычном положении вещей не выступала в качестве ценности (рефлексивной). Это связано с тем, что Россия — одна из немногих стран в мире, которая не лишалась своего суверенитета на протяжении более 400 лет, то есть с точки зрения исторического восприятия и самооценки это практически тождественно **«вечности»**. Тем самым вопрос о свободе государства оказывался стандартно неактуальным, свобода виделась именно как нечто само собой разумеющееся, и тем острее этот вопрос выступал в ситуации кризиса (в том числе как ценность, внезапно осознаваемая в момент испытания, как нечто, поставленное под угрозу уничтожения, из принадлежащего к самой сущности).

XIX в. даст парадоксальное на первый взгляд, но глубоко понятное по сути соединение двух идеалов — к тому же тем более прочное, что будет выработано в плотном взаимодействии дворянского патриархального и крестьянского, в их анархистской составляющей. Это идеал мира, в котором по большому счету остаются непонятными, занятыми, в сущности, чем-то ненужным, если не прямо вредным, все остальные: чиновники, купцы, обыватели (мещане) больших городов — то есть те, кто уже разорвал связь с крестьянским миром. Выражением этого взгляда стали, в разных ракурсах, весьма разные авторы — от Льва Толстого до Михаила Бакунина, от Константина Аксакова до Александра Герцена. При всем даже не просто различии, а зачастую радикальном несходстве

[32] См. работы Б. Н. Миронова, в частности, новейшее обобщающее изложение его исследований: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х тт. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2018.

названных фигур, перечень которых легко увеличить, важно, что все они — выходцы не просто из русского дворянского мира[33], а из старого русского барства. Свобода здесь окажется в единстве с «волей», совпадая со следованием естественному порядку, противостоящему искусственному, — одновременно и (а) воплощением дворянской мечты, во многом ставшей явью в период с дарования Манифеста о вольности дворянской в 1761 г. и Жалованной грамоты дворянству 1785 г. и до отмены крепостного права в 1861 г., возможностью создать собственный усадебный мир, почти не соприкасающийся ни с какими большими порядками, и (б) крестьянского идеала вольного обладания своей землей, в свободе от государства, помещика, а по возможности — и от «мира», сельской сходки.

Своеобразие перехода к современным ценностям, формирования ценностного мира высокого модерна в России во многом затруднительно для анализа в силу сложности нахождения/выработки адекватного языка. На первом уровне этот переход можно описать как движение **от сословного к гражданскому** миру — то есть ситуации, когда ценности носят сословный характер[34]. Однако в русской истории практически не сложилась сословная система — о сословиях в смысле корпораций можно говорить de facto лишь с грамот Екатерины II дворянству и городам (1785). А уже вторая половина XIX в. — время быстрого перехода к бессословному обществу (процесс, который юридически завершится лишь в 1937 г., с принятием «сталинской» Конституции СССР, где будет утвержден принцип гражданского равноправия). Сословия («состояния», говоря языком Свода Законов, который здесь русифицировал французское état) в юридическом смысле оставались весьма условными[35], а Российская империя отличалась высокой (особенно в сравнении с синхронными западноевропейскими обществами) социальной мобильностью, где и в конце XIX в. не редкостью был, например, генерал, вышедший из солдат, в которые попал еще по рекрутчине. Напротив, для целого ряда юридических дворян их правовой статус оказывался проводящим слабое отличие от выходцев из других слоев, занимавшихся сходным, с чем связано столь широкое употребление с 1840-х гг. понятия «разночинец», типом которого справедливо почитался В. Г. Белинской, с юридической точки зрения являвшийся потомственным дворянином (но, что также весьма показательно, сильно сомневавшегося, стоит ли ему выправлять в герольдии дворянский диплом и запрашивать бумаги

[33] Который был очень разнороден, и само общее понятие «дворянство» способно скорее затемнять суть отношений, чем прояснять его, — достаточно напомнить, что и основные герои петербургских повестей Достоевского, и романов Толстого — дворяне, но миры, в которых обитают, с одной стороны, Макар Девушкин, а с другой — Пьер Безухов или Наташа Ростова, не имеют между собой почти ничего общего.

[34] Эта ситуация хорошо известна по многочисленным медиевистским исследованиям Западной и Центральной Европы: ценностный мир клириков очень отличен от мира крестьян, ценности рыцарей никак не являются лишь компромиссом с ценностями церкви, а иной реальностью, обнаженным контрастом этики и этоса. См. выдающуюся работу М. Осовской: Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987.

[35] Так, все консервативные попытки (достаточно вспомнить рекомендации Карамзина Александру I установить порядок дарования дворянства только по высочайшему повелению) отменить автоматическую связь чинов и дворянства, установленную Табелью о рангах, оказались малорезультативными, вызывав лишь повышение чиновного порога возведения в дворянство при Николае I, но сохранив саму автоматическую логику службы и дворянства. Примечательно, что духовенство предприняло попытки сословного оформления уже в 1870-е гг., то есть в ситуации разрушения и того очень условного сословного строя, что существовал в империи.

из родного Чембара или же остаться вне формально подтвержденного дворянского статуса).Описанная ситуация вела к тому, что справедливость воспринималась исторически во многом как **равная** — то есть одна для всех слоев обществ. Если сословный идеал рассекал разные понимания справедливости, автономизировал области их применения, то в России широкое распространение получил демократический идеал, порождающий напряжение, — поскольку из него вытекало, что люди и сообщества в самых разных положениях и обстоятельствах должны в идеале руководствоваться одним и тем же пониманием справедливости и, более того, практиковать ее примерно одинаковым образом.

Сформировавшееся понимание справедливости может быть описано самыми широкими штрихами как ключевое условие принимаемого нарушения воли/свободы: воля может быть ограничена, но справедливо (и что особенно важно — не только индивидуально справедливо, но и справедливо в смысле отношений к другим). То есть само по себе стеснительное ограничение воспринимается как допустимое, понятное — в той мере, в какой оно является общим, распространяющимся не только на тебя, но и на «всех»[36].

Общество высокого модерна

28

Общий (в смысле стандартный, обычный) путь ценностей — сверху вниз. Одной из особенностей русской культуры и русского общества, роднящей их с такими европейскими, как французская, немецкая или английская, стало то обстоятельство, что русская культура высокого модерна оказалась представлена «полной» общественной структурой. Понять значение этой особенности проще от обратного, от примера «плебейских» наций (по обороту, который, например, активно использовал Михаил Драгоманов) — таких, как украинская или болгарская. В этих случаях высшие сословия, высшие слои общества, шляхта («благородные») не принадлежали к основной массе населения, а относились к другому культурному целому — и тем самым национальное (в случае если проект нациестроительства вообще оказывался более или менее успешным) приходилось выстраивать с опорой на народную культуру в соединении городских интеллигентов с крестьянской массой.Ключевые с точки зрения современного состояния дел исторические эпохи — это XIX и XX вв., последнее столетие Российской империи и «советский век». На XIX в. приходится процесс постепенного складывания/выстраивания русского национального сознания и выработка культурного канона, а XX в. стал и эпохой широкого тиражирования уже выработанных элементов, и перехода от все еще по преимуществу аграрного, крестьянского мира — к городской цивилизации. Это обусловило характерное смещение, благодаря которому многие ценности начинают восприниматься как «традиционные» в специфическом смысле, а именно как принадлежащие к той общности, которая мыслится как «своя» в историческом смысле и вместе с тем как та, формы жизни кото-

[36] Здесь примечательно, насколько популярной в русском общественном сознании оказалась концепция русской истории как истории закрепощения, а затем раскрепощения сословий — позволяющая в том числе воспринимать самый ход истории как справедливый.

рой непосредственно невоспроизводимы — и потому стремление к ним требует соответствующего переосмысления[37].

XIX в. вырабатывает культуру и несомую ею систему ценностей высших и средних слоев общества, при этом (см. выше) ориентированную на высшие слои, — **основой становится культура русского дворянства**, давно перешедшая от стадии поверхностной европеизации не просто к складыванию собственных цельных форм, но и их глубокой (прежде всего художественной) рефлексии. Дворянская культура этой эпохи (ориентированная, в свою очередь, на золотой век, на формулировки, отчеканенные в 1810 — 1830-е гг.) постулирует:

1) основание свободы на принципе личности — внутренней связности мыслей, действий и поступков, представлении о подлинной свободе прежде всего как внутреннем единстве;

2) свобода как служение — то, что придает личности смысл (посвящение чем-то, что выше тебя). При этом служение может быть династии, стране, отечеству, идее, народу и т.д. — решение оказывается конкретным, но независимо от того, каким оно оказывается, оно отделяет «честных», «достойных» от иных (что позволяет говорить о «достойном враге» или, напротив, заподозривать неприятное тебе направление или человека, указывая на несоответствие этой логике служения);

3) соответственно, идеал свободы, ее полнота, совпадает в этой логике с полнотой служения, не идущей (и не вынужденной идти — и в это случае блаженство) ни на какие компромиссы.

При этом уже с 1840 — 1850-х гг., а повсеместно — в ближайшие последующие десятилетия, утверждается и другая составляющая (тесно связанная с дворянской культурой): осознание своей отъединенности от «народа», потребность преодолеть этот разрыв. «Народ» становится вместилищем идеалов и надежд — от «народа» поздних славянофилов 1880 — 1900-х гг., полного благочестия и любви к государю, со смирением принимающего своего положение, до народнического «народа», воплощающего идеал простой трудовой жизни, цельного, лишенного гибельной рефлексии и разрыва между стремлениями и ведомой жизнью. В этой конструкции важно то, что **«народ» — это всегда нечто внешнее по отношению к говорящему/сознающему**, можно переживать свой трагический разрыв с ним или надеяться на слияние, но невозможно самому говорить и сознавать от его лица — самое большее, некто может быть опознан извне как его представитель.

Отсюда, из соединения ценностных перспектив дворянства и крестьянства, следует кратко отмеченная выше **антимещанская** направленность понимания свободы и воли, которая будет вновь и вновь оживать в самых разнообразных спорах и столкновениях с середины XIX в. и до наших дней. Дворянское противопоставление себя мещанину здесь совершенно уживается с такой же противопоставленностью крестьянина (и упрек духовенству в обмирщении). Как угроза этой свободе-служению предстают и сам по себе налаженный быт, и семья, и избыточная забота о себе телесном, выходящем за пределы гигиены. Здесь понимание сво-

[37] Характерным в этом плане эпизодом стало появление в конце 1960 — 1970-е гг. «деревенщиков» как сознательно обращенных к еще наличествующему, но уже явно уходящему миру и стремящихся показать те устои, на которых зиждется этот мир и которых лишена современность

боды тяготеет к радикально-аскетическому, а отношение к любым привязанностям — как к тому, что оказывается оковами, способно препятствовать исполнению своего назначения, — и так же понятно, что в умеренных (moderata) версиях это трактуется как отведение всему названному и подобного ему надлежащего места, не-скованность им. Вместе с тем слабость иерархий, акцент на противопоставлениях (свобода/неволя, свобода/рабство) ведет к максимализму, в том числе к склонности расценивать любую уступку именно как измену принципу, отречение от него (и, в свою очередь, возвращение требует радикального искупления).

Нация рабочих-солдат[38], созданная в XX в., выстраивалась на основе массовизации ценностей высшего и среднего круга предшествующего столетия: школа, в основу которой легла упрощенная, схематизированная, но вполне узнаваемая гимназическая программа начала века, литературный канон, в который не просто практически целиком вошел канон, выработанный к 1917 г., но который и продолжался, и пополнялся с постоянной оглядкой на те же образцы (достаточно вспомнить постоянные поиски «советского Толстого»).Свобода и солидарность оказались (к чему, как мы отмечали, были многочисленные предпосылки выше) противопоставлены темпорально и в то же время диалектически объединены:

1) солидарность оказалась тесно связана с моментами мобилизации, чрезвычайной ситуации — как преодоление обыденной разъединенности, которая одновременно представала и как свобода (невмешательство в свои дела, возможность жить по своему усмотрению);

2) и вместе с тем способность к солидарности оказывалась и выходом из бытовой свободы как невмешательства — проявления лучших, высших свойств, **свободы теперь уже как забвения себя**. Справедливость же понималась в тесной связи с солидарностью, но имеющей выход за пределы чрезвычайного — а именно в первую очередь в общем несении бремени, как дающем доступ к правам и благам, и очевидности этого бремени для остальных. Жертва давала основание к воздаянию, при этом избыточность жертвы делала притязание бесспорным, то есть когда вклад был очевидно меньше требуемого вознаграждения — и это оказывалось основанием логики «общего дела» (где вклад каждого в идеале оказывался больше возвращаемого, и тем самым возникал некий «общий фонд» заслуг).

В заключение отметим, что ценности — это далеко не всегда утверждение наличного или идеализированного варианта существующего, но нередко утверждение того, в чем ощущается **потребность**, принципа, который должен преодолеть наличное. Отсюда — характерное постоянное подчеркивание ценностей, связанных с солидарностью (соборности, мира, коллективизма). Примечательно, что один из древнейших памятников русской литературы, «Повесть временных лет», начинается с подчеркивания разъединенности племен и их внутренней розни и бедствий, проистекающих из него. Это один из рефренов русской истории — где и славянофильское любование «миром», видение в мирском

[38] См.: Юнгер Э. Рабочий: Господство и гештальт. М.: Наука, 2002. Показательно, что и в советской иконографии национального многообразия «русский» в семье советских народов выступал облаченным в униформу (или ее разновидность для клерка: городской костюм), в отличие от национальных костюмов прочих — то есть выступал воплощением универсальной современности.

устроении отблеска незримой Церкви, выражает тоску по идеалу, отсутствующему в реальности мирского устройства, описанного Энгельгардтом («Письма из деревни»), где крестьянская община в своем реальном функционировании оказывается — в том числе к потрясению самого автора, проникнутого народническими воззрениями, — миром индивидуалистическим, с отчетливой фиксацией вклада каждого, постоянным соизмерением сделанного и полученного и т.п. В этом смысле плодотворно (и, думается, не только исторически) в разговоре о ценностях выделять и те, что являются идеальным выражением наличного (и которые, например, иллюстрируются образцовыми героями, выражением «типического», доведенным до совершенства), и те, что, напротив, являются требованием от противного, призванными если не преодолеть, то уменьшить реально существующую противоположную тенденцию или состояние вещей.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Собрание сочинений. В 9 тт. Т. 1. М.: Мысль, 1987.

2. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х тт. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2018.

3. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987.

4. Успенский Г.И. Собрание сочинений. В 9 тт. Т. V. М.: ГИХЛ, 1956.

5. Юнгер Э. Рабочий: Господство и гештальт. М.: Наука, 2002.

Человек (личность): добро, правда, созидание, знание

ORCID: 0000-0001-7767-1441
Почта: spatha@mail.ru

Светлов Роман Викторович

Доктор философских наук, профессор Балтийского федерального университета, директор НОЦ «Центр исследования мировой философии», Санкт-Петербург, Россия.

Roman V. Svetlov, Dr.Sc. (Philosophy), Professor at the Baltic Federal University, Director of the Research and Education Center "Center for the Study of World Philosophy", Saint Petersburg, Russia.

33

Аннотация

Данный материал был подготовлен в качестве интервью для Философского клуба «Цивилизационное будущее России» в ноябре 2025 года. В нем говорится о некоторых базовых универсалиях российского самосознания и культуры. Об их природе ведутся споры, но нет сомнений, что внимательное исследование употребления слов, выражающих эти универсалии, их прагматики и семантики, позволяет проследить специфику ценностного горизонта, преставлений об истории и чаяния о будущем России. Смысл слова, выражающего универсалию, — регулятив как межчеловеческой коммуникации, так и нашей деятельности. В интервью прежде всего обсуждались универсалии «правда», «знание», «добро», «созидание» в их человекомерном контексте.

Ключевые слова

Российская цивилизация, универсалии русской культуры, добро, истина, знание, правда.

Abstract

This material was prepared as an interview for the intellectual club "The Civilizational Future of Russia" in November 2025. It discusses some of the fundamental "universalia" of Russian consciousness and culture. Their nature is debated, but there is no doubt that a careful study of the using of words expressing these concepts and their semantics allows us to trace the specifics of Russia's value horizon, understanding of history, and aspirations for Russian future. The meaning of a word expressing an universalia regulates both interpersonal communication and our activities. The interview primarily discussed the concepts of "veracity", "knowledge", "goodness", and "creation" in their human context.

Keywords

Russian civilization, universals of Russian culture, goodness, truth, knowledge, truth.

Ценности выражаются в действиях и в нашем языке, маркирующем телеологию поступков, стратегий жизни. При этом семантика слова может не совпадать с ценностными ориентациями (то есть с реальными формами воплощения ценностей), последние всегда многообразнее: жизненные практики показывают нам разнообразные формы адаптации ценностного горизонта, то есть должного, к конкретике сущего. Однако смысл слова — это регулятив и межчеловеческой коммуникации, и нашей деятельности. Впервые регулятивная важность языка стала понятна еще египетским Птолемеям, которые, занимаясь «критикой Гомера», то есть уточнением исходного, собственно «гомеровского» варианта великих эпических поэм, по сути, корректировали и основы греческого литературного языка (основанного на Гомере), выступая главными носителями и пользователями этой «мягкой силы» на всем пространстве эллинистического мира. В XIX столетии, когда идея нации и исключительной важности для нее собственного языка становятся «общим местом» для европейских государств, мы видим своего рода «гонку словарей», соревнование в скорости и качестве создания академических толковых словарей английского, немецкого, русского языков. Это было не только соревнование в учености, но и в уточнении и структурировании семантики ценностного горизонта национальных культур. А потому речь о ценностях, — это во многом речь о словах, выражающих наши намерения, регулятивы, стоящие за ними, и, в конечном итоге, телеологию наших поступков.

Сразу должен сказать, что все слова, которые обозначают указанные ценности, достаточно давно, как минимум с XIX в., являются предметами обсуждения. Очень интересно почитать, например, что о **«правде»** пишется в словаре Владимира Даля. Рекомендую

обратиться к Далю всем, кто интересуется «археологией слова», кому интересно, как многозначность термина указывает на смысловые горизонты, стоящие за ним.

Действительно важно то, что и «правда», и «знание», и «добро» сохраняют определенную множественность смыслов даже при смене исторических эпох. Их сохраняющаяся неоднозначность — это факт, вшитый в геном отечественной культуры, точнее, проистекающий из него. Поэтому можно говорить об определенного рода преемственности семантики, а значит, и онтологии ценностей в отечественной культуре.

Безусловно, самое показательное слово здесь — «правда». По поводу него довольно много говорили и писали наши литераторы и философы, а также отечественные богословы («правда Божия»). «Правда», концепт, который, казалось бы, должен быть скоординирован с концептом **истины**, в том числе в его научном изводе, показывает более широкий смысловой контекст в сравнении с последним.

Обратите внимание: мы не говорим «научная правда», к науке имеет отношение истина; правда — это о чем-то ином, точнее, бóльшем, о том, что научной истиной не исчерпывается.

Все мы помним идею соотнесенности, координации мышления и бытия, выражающуюся в так называемой корреспондентской концепции истины. Мысль устойчива в своем соответствии бытию, это соответствие и выражает ее бытийность — как возможность самого установления такого соответствия для бытия, — его мыслимость. Здесь все довольно очевидно, и эта очевидность для большинства современных ученых, не занятых излишним мудрствованием по поводу природы истины, является основанием для верификации ими своей деятельности как научной.

Достаточно популярные социологическая и прагматическая теории истины усложняют картину, строго говоря, расширяют ее понимание в рамках традиционной европейской научной рациональности. Но и та, и другая все равно говорят о корреспондировании нашей мысли (концептов, понятий, суждений) некоторому набору обстоятельств, который дан в человеческом опыте.

Однако когда мы говорим «правда», то подразумеваем нечто, что связано не просто с состоянием нашего мышления и знания, а с состоянием бытия в целом. Правда — это то, что укоренено в самом «сущем». Поэтому жить по правде — это не просто жить по закону, это жить в соответствии с какими-то фундаментальными основаниями бытия.

Знаменитая «Русская правда» — это не плод юридического эмпиризма, не свод законов, опирающийся на общественный консенсус, традицию, здравый рассудок. Она не была и не воспринималась как трансляция «Дигест» Юстиниана или византийского церковного права, хотя испытала влияние византийского законодательства. «Русская правда» — свод уложений, базирующийся на божественном законе; здесь слово «правда» указывает на связь правового устройства русской земли и мирового порядка.

Когда русский человек ищет правду, он ищет то, как всё устроено и как все есть на самом деле, некую подлинность, то, что никак и никоим образом неопровержимо и неотменяемо, даже если правда приходит в нашу жизнь не сразу и даже если эта правда совсем неприятна для нашего сердца и ума. Отсюда неизбывное правдоискательство, выраженное в отечественном фольклоре,

литературе, искусстве, в социальном поведении, порой принимающем крайние формы (восстания Степана Разина, Емельяна Пугачева, да и революции 1917 г.). Поиск правды — это и странствия, от раскольничьих бегств в места дальние, но Богу близкие, до казачьего освоения огромной Сибири, и даже советская фантастика с ее воспеванием коммунистических звездных странников «Полдня XXII века» — это про то же самое, про правду.

С научной концепцией истины в этом смысле наша правда не тождественна. Это куда более экзистенциально фундаментальное понятие, имеющее отношение к персональности, к экзистенциальному взгляду на человека, к самому способу существования русской культуры.

Думаю, никого не удивит ассоциация с древними греками и их понятием истины (Ἀλήθεια). Само по себе оно было довольно сложным, о чем нам в свое время напомнил Мартин Хайдеггер. И первоначально, похоже, его смысл вполне соотносим с тем, что мы говорили о «правде». Тем не менее в какой-то момент истина все-таки стала приниматься в корреспондентском (Платон, особенно Аристотель) и даже социологическом (Протагор) смысле. Но в Элладе было еще одно понятие «правды» — «дике» (Δίκη), правда-справедливость, которое тоже указывало на фундаментально правильное построение дел, верное выстраивание человеческих отношений друг с другом, а также на божественный закон, в конечном итоге приводящий все события в мире к должному итогу (Гесиод).

Мне кажется, здесь мы вольно или невольно перенимаем греческую традицию. Хотя трудно сказать о путях конкретной исторической преемственности, если не обращаться к рассуждениям Константина Леонтьева об «осколках византизма»...

Теперь о различии этих ценностей, например, в нашей культуре и в западной. Сразу отмечу, что, вероятно, некоторые мои суждения будут умозрительными. Западная культура тоже сложна. Она не одна и та же. Континентальное, европейское сознание, несмотря на все влияния аналитического англосаксонского умозрения, еще не растворилось в нормах и правилах Соединенных Штатов — этого мирового жандарма. Но и Америка совсем не одинаковая. Там куда больше региональных различий, например, между Севером и Югом.

Но если оставить это, нужно сказать, что для Запада все в большей степени характерно представление о том, что истина связана с научным типом знания, а также с текущим здравым смыслом («общими мнениями») большинства. И в этом смысле истина правильна, она и есть правда. Ведь научная модель мира достаточно успешно завоевала себе место в общественном сознании, изрядно потеснив религиозную. А наука в своем технологическом, прикладном значении вообще является драйвером современного общества.

При этом истина как своего рода окончательность, заверенная, эксплицируемая в верифицируемая в серии аргументов, эмпирических и умозрительных, как то, где мы ставим точку и дальше никуда уже не идем, — это скорее регулятивный принцип, цель, к которой человечество стремится. Это касается всего: физики, математики, в которой строятся виртуальные миры, столь же разнообразные, сколь миры, создаваемые писателями-фантастами, истории, социологии, антропологии и т.д.

37

Однако научность и ценности научной истины все равно диктуют нам нормы языка и даже способы формирования концептов. В итоге научные суждения начинают приобретать характер оценочных высказываний. Эти нормы, например, запрещают многим «когнитивистам», занимающимся проблемами сознания, говорить о нем в картезианском духе.

Таким образом, истина оказывается соответствием нашего мышления реальности, которая постоянно преобразуется в нашей познавательной и практической деятельности. Когда же мы обращаемся к политическому, социальному, моральному быту, то для западного сознания важна сторона юридического позитивизма. Состояние наших взаимоотношений принимается за определенного рода эмпирическую данность. Конечно, эта данность видоизменяется в процессе пересборок общественного договора и общественного мнения. Например, в Соединенных Штатах до последних десятилетий было своеобразное общественное согласие по поводу темы Гражданской войны 1861 — 1865 гг. Согласие в том, что и северяне, и южане были заложниками трагического поворота судеб, собственных представлений о правах и чести, а вся Гражданская война — необходимая драма-испытание американского народа, превратившая его в великую нацию. Сейчас общественный договор изменился: статус южан резко снижен, Линкольн превращается в охотника на вампиров, память о Юге пересматривается, статуи вождей Юга убираются из общественного пространства.

Карл Поппер полагал, что наука, как и общественный договор — это метод проб и ошибок, метод гипотез, которые сменяют друг друга. С его точки зрения, мы никоим образом не можем, особенно в сфере общественной жизни, говорить об универсальном общеисторическом законе (не должны капитулировать перед очарованием «историцизма»), потому что тогда это будет, по мнению Поппера, насилием над человеком, должного над сущим...

Когда мы обсуждаем историю нашего Отечества, которая богата проектами вестернизации, то, как кажется, наиболее ярким примером данного процесса (вестернизации), являются даже не реформы Петра I или Александра II, а победа коммунистической (большевистской) революции. В свое время Тойнби назвал большевизм «западной ересью». И эта «ересь» пришла в Россию в полном соответствии с ценностями критикуемого Поппером историцизма: как обещание правды, общей для всех, правды обеспеченной научностью марксистского истины, в том числе истины естественно-исторического закона: закона, который гарантирует человечеству в скором будущем процветание, счастье и правду.

Сейчас в России ищут (или припоминают) собственный цивилизационный путь развития. При этом на самом деле ищется что-то универсальное — ведь при всех конкретных различиях между цивилизациями они (различия) выражены в универсальных и необходимых структурах, которые, собственно, и превращают конкретную совокупность граждан, общественных институтов во что-то своеобразное. Дабы понять собственное своеобразие (формационное ли, цивилизационное ли), нужно найти критерии, по которым мы сравниваем Себя с Другим. Только определив их, мы будем способны понять, кто мы такие, какова наша правда, какой бы неприятной она ни была. И это процесс радикально отличается от принятого на Западе сочетания юридического позитивизма, историофобии (ведь история при попперовском отказе

от «историцизма» становится зоной научных, мировоззренческих, нравственных ошибок — а значит, зоной социального греха перед будущими поколениями людей) и апелляций к постоянно эволюционирующему общественному мнению.

Может быть, это звучит не очень оптимистично для того, кто ориентирован на нормы современного правового сознания, но русский человек всегда будет искать возможность ускользнуть от слишком тяжелых объятий права. Но не потому, что он хочет совершить преступление, нарушить закон, а потому, что ищет что-то другое, что стоит за внешней оболочкой юридизма.

Эволюция каждой из ценностей — это бесконечная тема, а потому я смогу привести лишь какие-то отдельные суждения. Начнем с того, что российское сознание, поскольку оно связано с христианством, не может не помнить о том, что Господь — Путь, Истина и Жизнь. Истина — нечто вполне живое, как и правда, и в таком случае она оказывается не неким набором обстоятельств, научных консенсусов или даже метафизических законов. В этом отношении русская «правда» вполне соотносима с такой религиозной Истиной.

Почему правда связана с онтологией? Потому что правда — это про то, как все, о чем мы заботимся, **есть** на самом деле. Оттого-то ее и ищут или добиваются, что она не формальна, а реальна. Наверное, в этом смысле бытие для отечественного сознания — это не «что», но живой и универсальный закон, который можно нежданно узреть и в научных суждениях, и в красоте заката, и в чьем-то поступке, и в произведении искусства, и даже во внутреннем настрое.

Понятно, что россиянин и христианин в наше время — далеко не одно и то же. Далеко не все россияне были, есть и будут христианами, но в любом случае бытие в каком-то важном смысле этого слова остается «живым». Поэтому правда может олицетворяться и в чьей-то личности. Например, часть наших предков правду видели в Стеньке Разине или Емельяне Пугачеве, который «взаправду» якобы был Петром III. Такого же рода правдой оказались большевики во время Гражданской войны. Сейчас мы понимаем, те события — Революции, а потом Гражданской войны — были вызваны комплексом разнородных причин. И то, что произошло в истории России, а потом Советской России в 1917 — 1920 гг., стало результатом прохождения нескольких точек бифуркации. Но несомненно, что какая-то часть городского и не только городского населения пошла за большевиками, потому что увидела в них свою правду, облаченную в мессианский облик. Владимир Ленин, Лев Троцкий — вот «живая правда» тех лет, и не только большевистской пропаганды, но и внутреннего мировидения множества россиян. И без этого внутреннего мировидения не было бы СССР.

Наверное, точно так же правда как-то виделась на берегах Волги осенью и зимой 1943 г. (Сталинградская битва). Точно так же эту правду (пусть, возможно, и обманчивую) видели в эпоху перестройки — в том числе в лице Михаила Горбачева, который в какой-то момент начал говорить о невозможности жить в том неправедном варианте государственности, который у нас был.

Правда выступает не просто набором норм и законов, управляющих нашим миром, но и чем-то, глубинно соотносящим нас с самой сутью вещей и с судьбой.

Истина же во внерелигиозном смысле этого понятия непосредственно вовлечена в семантический, языковой оборот, связанный с научной деятельностью. А правда требует некого социального и одновременно собственного, личного согласия, чутья, если можно так выразиться, инсайта — понимания того, **как** всё устроено. И поэтому правду лучше всего показать и продемонстрировать, а не описать в виде какого-то научного нарратива. Мне кажется, что это понимание ценности правды сохраняется и в настоящий момент.

Отдельных размышлений заслуживает проблема постправды. Мы живем в эпоху деструкции некоторых экзистенциально важных для предшествующих поколений, предшествующей эпохи концептов и понятий. История постправды — это попытка избавиться от давления больших нарративов, от больших рамок, в которых живут люди. Казалось бы, это освобождение может подвести человека к чему-то более свойственному ему — если вообще существует природа человека (а с точки зрения постмодернистского мировоззрения вряд ли она существует), — а потому оно должно позволить ему реализовать себя. Однако если для современного человека личные убеждения и эмоции (якобы) важнее объективного положения дел, то это говорит не о каком-то этапе в эволюции человека, а скорее о навязываемой и воспитываемой беззащитности перед довольно простыми формами пропаганды, особенно свойственными западному миру.

Заметьте, даже само выражение, которое мы с вами рассматриваем — «эпоха постправды» (не «постистины» и не «постзнания», а именно «постправды») — говорит о том, что само слово «правда» для отечественного уха оказывается более важным, чем какие-то другие термины.

Здесь будет логично перейти к ценности **знания**. Хотя в 809-м указе о российских традиционных ценностях оно прямо не упомянуто как отдельная ценность, но контекстуально «упаковано» в общую их систему.

Если говорить о ведании, знании в древней истории России, то понятно, что в первую очередь развивается христианский контекст этого слова, церковный концепт этой ценности. Потому что в первую очередь знания — это знания о христианских доктринах, христианское учение о спасении, знание о Христе, христоцентричность внутреннего мира и внешней деятельности. Не будем вспоминать языческий период, эпоху двоеверия и т.д., тем более у нас имеется не так уж и много информации на эту тему. Я скорее начну с Московской Руси. Там знание в первую очередь было знанием о святости, о нормах, которые ей соответствуют. Пусть оно и не имело глубинного, мистического, схоластического или какого-то еще характера, но мы с вами помним, в чем специфика феномена Московской Руси конца XV, XVI и XVII вв., — это, по сути, специфика самовосприятия будущей глубинной России. История Глубинной России — это история осознания себя как Руси Святой. Почему Русь Святая? Потому что это единственная православная держава в ту эпоху, которая сохранила православие, уклонилась от искусов унии и мусульманства.

В XVI в. Москва стала приобретать черты Вечного Города — возрожденного Константинополя, а также Иерусалима. Да, в России XVI в. тоже был Ренессанс, но это был Ренессанс Византии, Второго Рима. В этих условиях восприятие Руси как Руси Святой —

это прежде всего знание о святости, которое в какой-то момент стало требовать точности. Что правильнее, сугубая или трегубая «аллилуйя»? Как правильно (праведно, а ведь праведность — исток мудрости) писать имя Иисус? Как креститься? Носить иерею длинные волосы или нет? Как правильно печатать богослужебные тексты? Все это приводит в XVII в. к расколу, потому что обе стороны — и Никон, и его противники — искали точного знания в русской святости.

Такое знание, знание в религиозном контексте, во многом перекликается с концептом правды. Но в том же XVII в. происходят процессы вестернизации России. Знание начинает связываться с академически-богословскими истинами, так как в Россию приходит высшее образование, первоначально основанное на католической модели университетов (Киево-Могилянская Коллегия и ее влияние). Вслед за этим наступает период Просвещения в протестантском духе этого слова (петровская и постпетровская эпоха). Затем приходит период знания в научно-просветительском духе. В XIX столетии четко и ясно осознается дилемма «вера — знание». Это осознание приходит вместе с научными практиками, новыми формами образования, новыми фокусами общественного интереса, расцветом конкретных наук, которые демонстрировали свою силу и эффективность.

Вера, религия начинают соотноситься с эмоциональным и экзистенциальным опытом, с личным и неповторимым, а знание — с четко сформулированным и универсальным. Это очень хорошо видно на примере великой русской литературы. Под знанием в России начинают понимать то же самое, что и на Западе, связывая его с наукой и научностью, как она понимается в Европе. Но какая научность была свойственна России XX в. после Октябрьской революции? Марксизм, который представлял себя как высшую форму научного знания, был на самом деле метафизикой — вместе с концептом естественно-исторического процесса, с телеологизмом (телеологией исторического развития) и с некоторыми базовыми принципами, онтологическими обязательствами, которые следовали из данного учения.

Если я принимаю марксистское знание, значит, я не просто вижу мир через эту точку сборки, — я через нее же действую сам. И моя жизнь в этом случае положена на алтарь всемирной истории — жертва ради жизни грядущих поколений, ради светлого будущего, потому что марксистская жертвенность, революционная жертвенность — это, по сути, отражение жертвенности религиозной ради будущего спасения (только не на небесах, а на земле). И спасаюсь не я — спасается все человечество в лице будущих поколений.

В таком плане позитивное знание, пришедшее с Запада, в России каким-то удивительным образом оказывается переработанным если не в религиозном, то в метафизическом ключе — по сути, снова во имя той «правды», о которой мы говорили выше. То есть это знание экзистенциальное, фундаментальное, которое обязывает меня быть таким, и никаким иначе. Знание, необходимое мне для того, чтобы быть праведным, — неважно, в советском духе или в религиозном смысле.

Если мы говорим о ценности знания сейчас, то здесь, на мой взгляд, очень непростая история. С одной стороны, знание действительно является чем-то само собой разумеющимся, важным и для индивидуума, и для социума. Но давайте вспомним популярное

разделение на hard и soft skills в современной воспитательно-образовательной системе? «Твердые», то есть профессиональные, навыки, действительно, нужны человеку в какой-то определенной сфере. Но является ли важным для современного молодого человека то, что лежит за рамками профессиональных знаний? Зачем мне знать Декарта, если я не философ, а программист? Или читать Достоевского, если я инженер-строитель?

Правда, это касается не только России — всего мира. Все мы согласны с тем, что знание исполняет функцию не только конкретно-научную, но и в некотором роде мировоззренческую, синтезирующую. Оно как бы сцепляет различные фрагменты нашего сознания на основании общих для всех установок. Однако в современном мире знания с великой легкостью начинают уходить от форм, выстроенных по меркам рациональности, зачастую при этом дрейфуя не в сторону религиозного знания, а в сторону вполне мифологических концептов и представлений. Это касается не только «рептилоидов», якобы создавших «жидкий чип», каковым нас с вами чипировали во времена ковида (все мы, думаю, хорошо помним этот бред, наполнявший социальные сети). Данная мифология касается чего угодно, вплоть до политических, экономических, общественных событий, сколь-либо значимых для нас.

41

Никогда не было такого количества мифов о человеке, о истории России, в том числе совершенно превратных и фантастических, которые мы встречаем последние пару десятилетий. Поэтому структура знания как чего-то совершенно устойчивого, ясного и определенного, сформированная эпохой Модерна, в современных практиках девальвируется. Очевидно, что требуется пересборка данного понятия для того, чтобы оно действительно выступило устойчивой ценностью и вновь стало центром мировоззренческих сцепок мышления современного человека.

Теперь о ценности **добра**. Добро в нашем языке (и практике) — это то, что полезно человеку. «Полезность» касается и духовного, научного творчества, и материальной пользы. Помните высказывания типа: «Куда мне все это добро девать?» «...И вот я со всем своим добром приехал в столицу». Добро вполне может быть выражено вещественно, телесно, оно может быть абсолютно невещественно и абсолютно бестелесно. Это и вещь, и слово, и дело. Эта ценность касается всего, что связано с человеческой жизнью, а в принципе и с универсумом, настолько, насколько наша человеческая жизнь связана с универсумом в контексте человечества.

Христианский аспект темы добра связан с одним фундаментально важным моментом. Христианство — религия спасения, а потому добро относится ко всему, что способствует спасению человека. Естественно, подразумевается не только аскеза, отвержение мира. Добро необходимо человеку и в контексте Страшного суда, но также и ради его разумного благополучия здесь и сейчас. Достоинство, свобода, личностное самоопределение человека — все те стороны человеческого существования, на которое отчетливо указывает христианство, также требуют попечения.

Естественное право, которое ведет свое происхождение от античной философии, от римской системы права, от стоиков и Цицерона, было преобразовано христианством исходя из понимания человека как образа и подобия Божия. Отсюда — идея достоинства человека, необходимость создания условий, которые позволяли бы ему реализовывать свои человеческие способности, свою природу,

имеющую и биологический (телесный), и социальный (душевный), и духовный характер. Поэтому добро — это все то, что способствует реализации человека в Божьем замысле о нем. Быть добрым — это быть тем, кто способен поддержать, понять другого человека, не отринув его, и позволить ему двигаться дальше.

Но и вне христианского контекста добро — очень широкое понятие, касающееся человека, человеческой жизни, достоинства и человеческой деятельности, в первую очередь в плане межличностной коммуникации.

Кто способен делать добро другому? Еще Аристотель говорит нам, что хорошим другом может быть лишь тот, кто является другом самому себе. Ведь другой — это другое «я», а отношение к нему является зеркалом отношения к себе. Мне кажется, что в российском самосознании жертва и самоотвержение в отношении Другого часто становятся оправданием небрежения к себе. Между тем лишь тот, кто способен быть собой, знать себя, находиться в постоянной практике сборки своей природы, может творить подлинное добро. Чтобы заботиться о другом, необходимо позаботиться о самом себе, понять, кто ты такой, каково твое предназначение, какова твоя цель.

В контексте сказанного важно рассмотреть соотношение **добра и милосердия**. Начну с, возможно, неожиданной стороны. Вспоминаю ковидные времена, наших коллег, в том числе молодых, которые занимались различным бизнесом. Когда они подавали в государственные органы заявку на помощь, связанную с обстоятельствами пандемии, то все их заявки оказывались учтены. Это удивило многих из них. Оказывается, наше государство вполне дееспособно и, более того, заботится о малом бизнесе. Этот видимый факт заботы, то есть доброго отношения, крайне ценен. Для многих из них это стало одним из шагов к ценностям уже иного рода, в частности патриотизма. Патриотизм начинается с того, что человек понимает: государство его ценит, оно делает добро по отношению к нему. Ну, или перефразируя, патриотизм — это взаимное служение государства и граждан: друг другу и своей Родине.

Ковид, к слову, стал причиной для выстраивания горизонтальных связей — именно в тот момент, когда они разрывались навязываемой по гигиеническим обстоятельствам социальной дистанцией. Это касалось и цифровой среды, и физической помощи. Собственно, именно в тот момент многие начинали понимать, что такое волонтерство и в каких, порой не самых очевидных, формах оно осуществляется. Следующим этапом для этого явления стала СВО: волонтерское движение, в том числе среди молодежи, здесь является отдельной темой.

Что мешает этому? С одной стороны, мы живем в стране, для которой в большей степени характерен коллективизм, чем индивидуализм, что является хорошей базой для различных форм благотворительности. С другой — как раз «горизонтальное» доверие у нас в России страдает, и не только в результате ковидных ограничений или современных форм удаленного социального общения. Думаю, что это вызвано не самой природой российского общества, а скорее какими-то очень травматическими процессами конца 1980 — 1990-х годов. Культура горизонтального доверия, выстраивание здоровых горизонтальных связей — той самой ткани, на которой строится общество и государственность, — оказалось затруднено. Сейчас с этим пытаются справиться. Мы можем показать, как

это работает, приучить молодого человека к естественности социального служения, однако выработать внутренний императив сложнее, чем дать внешний навык. Если мы увидим выстраивание уровня доверия на должном уровне, тогда многое из того, о чем мы с вами выше говорили, станет естественным и возможным.

У нас в «списке» осталась ценность **созидания**, говорить о которой вне соотношения с ценностями **труда и творчества** вряд ли можно. И отсюда — новый «модный» вопрос, об искусственном интеллекте.

Но для начала вспомним Обломова Ивана Гончарова. Это персонаж, который символизирует совсем не деятельность и не созидание. Скорее он описывает основанное на ностальгии и мечте одновременно состояние гомеостазиса, к которому так часто стремится Россия. По большому счету, в России идея созидания активно проявляется, лишь когда есть одно из двух внешних и одновременно внутренних условий.

Первое — когда Россия начинает обретать историческое сознание и осмысливает собственное положение в историческом пространстве. Это очень драматический сюжет, связанный, например, с XIX в., с восприятием философии истории в духе Гегеля, и попыткой включения России в гегелевскую, а потом марксистскую модели исторического процесса. В итоге созидание в России часто оказывалось связано с попытками ускорить историю. Революция — как раз подобная попытка сделать движение времени стремительным, радикально изменить текущий российский хронотоп.

Второе условие — это «открытие» персональности, обращение к человеку как к персоне, как к личности. Имею в виду персоналистскую мысль, особенно литературу: Достоевский, Чехов, Толстой, серебряный век. В этой литературе персонализм сочетается с очевидными экзистенциальными мотивами, что в дальнейшем получает выражение в философии Николая Бердяева и в целом экзистенциального направления российской мысли. Воспевание творчества, созидания, как того, в чем человек способен приблизиться к Богу, оказаться рядом с Ним, критически важно для отечественного сознания. Позже, в «марксистское» время, творческий труд также воспринимался как одно из высших выражений существа человека.

Но в целом созидание и творчество в России все же чаще становятся актуальными и востребованными ценностями во время испытаний. В случае если речь идет о творчестве деятеля искусства, художника, — это, прежде всего, личная эсхатология. В случае если речь идет о совместном, общественном созидании ради будущего, тогда это некая эсхатология всей российской цивилизации, когда она оказывается на пороге крушения — так было в 1917-м, в 1941 г., так было при сборе земских ополчений во времена Смуты. Если же речь идет о нашем времени, то оно тоже кризисное. И любой непредвзятый человек согласится, что в последние годы видит немало примеров созидательного труда.

Что касается искусственного интеллекта, то мое общение с творческими людьми приводит к не слишком утешительному выводу о том, что нет четкого понимания, как будет происходить симбиоз с этим «инопланетянином», особенно в условиях, когда мы пожинаем последствия постмодернистской деструкции. Сейчас еще нет общего консенсуса, ни правового, ни технического, ни этического относительно решения этой проблемы.

В завершение я бы сказал, что всё у нас всегда было и будет непросто. Нет единого национального пространства, в котором обсуждающиеся ценности реализовались бы целокупно и синергийно. Но это нормально, потому что Россия — не национальная, а многонациональная страна, к тому же страна имперского типа. Империя в смысле не колониальных империй — британской или испанской, — а более старых государств евразийского типа. Поэтому хронотопы (пространственно-временные и культурно-социальные контексты) в различных ее регионах могут существенно отличаться друг от друга.

Но постоянно сохраняется несколько «универсалий», на некоторые из которых мы обратили внимание. Взять хотя бы **правду**, которую мы обсуждали выше. Ее поиск связан и с познанием смысла сущего (универсального, исторического, конкретного), и с поиском смысла собственного существования. Вне всякого сомнения, этот поиск имеет прямое отношение к тематике **знания**. И в какие-то периоды отечественной истории поиск правды сопровождается попыткой реализовать ее на земле. Примеров этого немало — от перезапуска российской государственности в конце эпохи Смуты до революции 1917 г. и до трудовых подвигов первых пятилеток или освоения целины. Созидательная деятельность в таком случае становится исключительно важной ценностью.

Другое дело, что Россия — такая страна, которая живет от одного эсхатологического периода к другому. Способность творить погружается в ностальгическую истому имени Обломова, пока не наступает время для очередного прыжка в будущее. Похоже, мы существуем сейчас в именно такой период, в период очередного прыжка. И, быть может, в этот раз нам удастся закрепить этот навык, больше уже не забывать о нем.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: 1990.

2. Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.

3. Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права. Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов... Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 221 — 240.

4. Красицкий Я. Борьба за правду (Бердяев, Кант и другие) // Соловьевские исследования. Вып. 2 (42). 2014. С. 108 — 127.

5. Лукин В.А. Концепт истины и слово ИСТИНА в русском языке // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 63 — 86.

6. Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде / / Сочинения. В 6 т. Т. 4. СПб., 1897.

7. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991.

8. Огурцов А.П. Благо и истина: линии расхождения и схождения // Благо и истина: классические и неклассические ориентиры. М.: Ин-т философии РАН, 1998. С. 14—38.

9. Огурцов А.П. Экзистенциальность правды или объективность истины: конфликтность установок творческой личности // Междисциплинарный подход к исследованию научного творчества. М.: Наука, 1990. С. 83—105.

10. Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: «Юна», 1995.

11. Рачков П.А. Правда-справедливость // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1996. № 1. С. 14—33.

12. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М.: Юридическая литература, 1988.

13. Соловьев В.С. Сочинения. В 2. т., Т. 1. Оправдание добра. М.: Мысль, 1988.

14. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. М.: Директ-Медиа, 2012.

15. Соловьев В.С. Спор о справедливости // Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989.

16. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.

17. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.

18. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996.

19. Черников М.В. Философия Правды в русской культуре. Воронеж, 2002.

20. Шестов Л. Достоевский и Ницше (философия трагедии) // Шестов Л. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 15—175.

21. Шестов Л.И. Что такое истина? (Об этике и онтологии. Ответ на статью Jean Hering) // На весах Иова. Париж: YMCA-PRESS, 1975. С. 351—387.

22. Эрн В.Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В. Ф. Сочинения. М.: «Правда», 1991. С. 71—108.

Космос внутри: духовные ценности в истории русской культуры сквозь призму русской философии

ORCID: 0000-0001-9019-1901
Почта: kmatsan@gmail.com

Мацан Константин Михайлович

Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Konstantin M. Matsan, Cand.Sc. (Philosophy), Senior Lecturer at the Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Аннотация

В статье предпринята попытка концептуализировать и конкретизировать феномен духовных ценностей, выявив специфику их осмысления русскими (преимущественно религиозными) философами. Различаются духовные ценности в широком смысле («открытость» и «всеохватность») и в узком смысле (вера и религиозная традиция). «Открытость» рассматривается на трех уровнях: 1) открытость другой личности (философия любви В. С. Соловьева, философия диалога С. Л. Франка, М. М. Бахтина, персонализм); 2) открытость другим культурам (идея «всемирной отзывчивости» русского народа у Ф. М. Достоевского); 3) открытость космосу в его пространственном и метафизическом смысле (пространство, красота «земли» как топос русской средневековой мысли, идея «пейзажного мышления» у Д. С. Лихачева, космизм Н. Ф. Федорова, «святая Русь» как космическая категория в оценке С. С. Аверинцева и др.). Вера рассматривается через диалектику «опытного богообщения» и его «иного» (отвлеченного богословия и номинальной религиозности) в трудах И. В. Киреевского, С. Л. Франка, С. И. Фуделя и др. Делается вывод, что в контексте истории русской мысли духовные ценности можно концептуализировать через категорию экзистенциалов.

Ключевые слова

Космос, диалог, другой, личность, «всемирная отзывчивость», пространство, красота, «святая Русь», вера, религиозный опыт, веротерпимость.

Abstract

The essay attempts to conceptualize and concretize the phenomenon of "spiritual values" in the history of Russian culture, identifying the specific ways in which Russian philosophers (primarily religious) conceive them. A distinction is made between spiritual values in the broad sense ("openness" and "allness") and in the narrow sense (faith and religious tradition). "Openness" is considered at three levels: 1) openness to another person (the philosophy of love of Vladimir Soloviev, the philosophy of dialogue of Semyon Frank, Mikhail Bakhtin, personalism), 2) openness to other cultures (the idea of the "universal sympathy" of the Russian people in Fyodor Dostoevsky and its criticism), 3) openness to the cosmos in its spatial and metaphysical sense (space, the beauty of the "earth" as a topos of Russian medieval thought, the idea of "landscape mind" in Dmitry Likhachev, cosmism of Nikolay Fedorov, "Holy Russia" as a "cosmic" category in the assessment of Sergey Averintsev). Faith is considered through the dialectic of "experienced communion with God" and its "alter" (abstract theology and nominal religiosity) in the works of Ivan Kireevsky, Semyon Frank, Sergey Fudel. It is concluded that in the context of the history of Russian thought, the notion of spiritual values can be conceptualized through the category of "existentials".

Keywords

Space, dialogue, other, person, "universal sympathy", space, beauty, "Holy Russia", faith, religious experience, religious tolerance.

Введение

Задача настоящего эссе — предложить примеры формирования, бытования и осмысления духовных ценностей в истории русской культуры и описать их сквозь призму истории русской философии. В целях конкретизации зонтичного понятия «духовные ценности» мы разделим их на две группы: 1) ценности духовного измерения в широком смысле — открытость космосу в его природном (пространственном) и метафизическом значении, всеохватность; 2) ценности духовного измерения в собственном смысле — вера и религиозная традиция. Хотя, как будет видно, непереходимой

границы между этими двумя группами, конечно же, нет, и взаимопроникновение значительно.

1. Открытость и всеохватность

«Человек — народ — человечество» — на такую триадическую структуру в образе мира метко указал Николай Бердяев в 1917 г., говоря о переживании искусством катастрофы Первой мировой войны: «Вся задача в том, чтобы в этом мировом вихре сохранились образ человека, образ народа и образ человечества для высшей творческой жизни»[39]. Кажется уместным методологически опереться на триаду Бердяева, чтобы рассмотреть три уровня открытости: человеку, народу, человечеству. К тому же слова о «мировом вихре» вполне сочетаются с реалиями сегодняшнего дня.

Ценность открытости *другому человеку* заставляет вспомнить то значение, которое в русской мысли имел философский персонализм[40] и особенно мотивы философии диалога. «Два принципиально различных, но соотнесенных между собой ценностных центра знает жизнь: себя и другого, — писал М. М. Бахтин, — и вокруг этих центров распределяются и размещаются все конкретные моменты бытия»[41]. А. П. Козырев, описывая разнообразные лики русской философии диалога в XX в. (С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, В. И. Иванов и др.), метко назвал творчество Бахтина «теорией соотносительности», что применимо едва ли не ко всем диалогистам: «Я нуждается в Другом, Другой утверждает мое бытие, ценностно завершает его», «без бытия Другого меня в полном смысле слова еще нет»[42]. Этический смысл же этого «ценностного противопоставления я и другого», по Бахтину — «абсолютное себя-исключение»[43] ради Другого или любовь. И если любовь — высшая ценность, то и Другой — высшая ценность, ведь для любви требуется инаковость, не-я, ближний[44].

Философия любви, по определению, связанная с философией Другого, — существенная часть русской мысли. В середине XIX в. А. С. Хомяков намечал учение о соборной или «церковной гно-

[39] Ср.: Бердяев Н. А. Кризис искусства. М.: СП Интерпринт, 1990. С. 23.

[40] Половинкин С. М. Русский персонализм. М.: СИНАКСИС, 2020. 1156 с.

[41] Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003. С. 67 – 68.

[42] Козырев А. П. Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М. М. Бахтина // Семинар «Русская философия (традиция и современность): 2004 – 2009. М.: Русский путь, 2011. С. 308, 324.

[43] Бахтин М. М. К философии поступка. С. 67 – 68.

[44] Христианский императив «возлюбить ближнего своего как самого себя» (Мф 22:39) Бахтин трактует особым образом, указывая, что любовь к себе и любовь к ближнему — при общности слова «любовь» — по смыслу принципиально различны и несводимы друг к другу: «Нельзя любить себя как другого, непосредственно. Если я забочусь о себе и так же забочусь о любимом мною другом человеке, то отсюда нельзя делать вывод об общности эмоционально-волевого отношения к себе и другому, то есть что я себя люблю как другого: эмоционально-волевые тона, приводящие в обоих случаях к одним и тем же действиям заботы, коренным образом различны. Нельзя любить ближнего как самого себя или, точнее, нельзя самого себя любить, как ближнего, можно лишь перенести на него всю ту совокупность действий, какие обычно совершаются для себя самого». См.: Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 74.

сеологии» (выражение Бердяева[45]) и рассматривал любовь как ценность этико-гносеологическую: божественная истина одна для всех и потому открывается не познающему разуму в его отдельности, но общине верующих, «соединенных нравственным законам взаимной любви»[46]: «недоступная для отдельного мышления, истина доступна только совокупности мышлений, связанных с любовью»[47]. В конце XIX в. В. С. Соловьев в цикле статей «Смысл любви» (1892 – 1894) утверждал, что «коренной» ее смысл — «в признании за другим существом безусловного значения», а возможным это становится благодаря «триединой вере»: вере в Бога как источник бытия, вере в собственную личность, имеющую безусловное значение как творение Божье, и вере в личность другого, за которой по аналогии признается то же безусловное значение[48]. И снова любовь — открытость Другому — выступает как неотвлеченная ценность, потому что любящий утверждает не только безусловное значение другой индивидуальности, но «через это и безусловное значение своей собственной»[49], тем самым любовь не только «утверждает в субъективном чувстве», но и оправдывает «в действительности» это безусловное значение, «действительно избавляет нас от неизбежности смерти и наполняет абсолютным содержанием нашу жизнь»[50].

В первой половине XX в. С. Л. Франк в книге «Непостижимое» (1938) развивал своего рода онтологию любви, окрашенную в тона философии диалога: «никакого готового сущего-в-себе „я“ вообще не существует до встречи с „ты“», «форма бытия „есмь“ становится подлинным, полноценным „я есмь“, лишь поскольку она имеет себя в нераздельно-неслиянном единстве с соотносительной ей формой бытия „ты еси“»[51]. Реальность «Ты» не схватывается отвлеченным познанием в понятиях, но переживается в ситуации «встречи»[52], и «только одно» понятие подходит для описания соотношения «я» и «ты» — это понятие «откровения»[53] (взятое не в специально религиозном, но в широком философском смысле): «ты» (и конечно же, Бог как логико-онтологически изначальное «перво-Ты»[54]) раскрывает себя навстречу моему «я», которое даже для меня самого впервые возникает лишь так — «озаренным и согретым лу-

[45] Бердяев Н. А. О характере русской религиозной мысли XIX века // Современные записки. 1936. LXII. С. 332.

[46] Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: 1900. С. 148.

[47] Хомяков А. С. По поводу отрывков, найденных в бумагах И. В. Киреевского // Хомяков А. С. Указ. соч.. С. 283.

[48] Соловьев В. С. Смысл любви // Соловьев В. С. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 531 – 532.

[49] Там же. С. 519.

[50] Там же. С. 521.

[51] Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Человек и Бог. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. С. 283.

[52] Там же. С. 281.

[53] Там же. С. 279.

[54] Там же. С. 419.

чами „ты“»[55]. Неслиянно-нераздельное единство «я» и «ты» Франк рассматривал как «бытие „мы“»[56], и для раскрытия его содержания не находил лучшего термина, чем, опять же, «любовь», в которой «я не вбираю „ты“ в себя», но, «напротив, я сам вступаю в него, „переношусь“ в него» неизъяснимым сверхрациональным актом[57] так, что «ты» «становится „моим“ на тот лад, что я сам сознаю себя принадлежащим ему»[58]. Размышляя о ценности «открытости», хочется особо подчеркнуть это однокоренное понятие «откровения»: открытость — еще и открытость откровению другого и Другого.

Во второй половине XX в. митрополит Сурожский Антоний (Блум) развивал многие указанные выше мотивы, а также подхватывал отмеченное Бердяевым[59] и В. Н. Лосским[60] противоположение понятий «личность» и «индивид». Есть два пути самопознания, подчеркивал Антоний в одноименной работе[61]: познание себя как «индивида» или же как «личности». Как «индивид» — далее неделимый, предел дробления, особь, эгоистически замкнутый частный экземпляр общей человеческой природы, присваивающий себе свою часть, — я постигаю себя через «противоположение»[62] другим и значит, психологически утверждаю себя в бытии за счет отрицания других. Но тем самым «самоутверждение индивидуума есть и отказ от самой способности любить»[63]. И если любовь и открытость снова — ценность, то востребован иной способ самопознания: обнаружение в себе «личности». «Личность» каждого онтологически единственна, несопоставима и потому не требует противоположения, но, напротив, может раскрыться лишь в общении взаимной любви и потому открыта навстречу Другому.

Философский термин «личность» у большинства русских персоналистов отмечает — эксплицитно или имплицитно — необходимость указать на невыводимое «снизу», из природы, трансцендентное начало в человеке: духовную сущность или «образ Божий». Эта категория, если воспользоваться выражением Зеньковского, «философски выгодна»[64]: она позволяет мыслить все человечество связанным в единство, поскольку Бог един, и одновременно обеспечивает абсолютную неповторимость каждой личности, ведь мыслить в категориях подобия и различия можно только индивидов с их эмпирически измеряемыми психосоматически качествами; ду-

[55] Там же. С. 283.

[56] Там же. С. 309.

[57] Ср.: «Любовь есть явление чудесное — некое таинство». Там же. С. 305.

[58] Там же. С. 306.

[59] Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. ариж: YMCA-Press, 1939. С. 31 – 32.

[60] Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 92 – 94.

[61] Антоний, митрополит Сурожский. Самопознание // Антоний, митрополит Сурожский. Труды. Т. 1. М.: Практика, 2012. С. 291 – 303.

[62] Там же. С. 292.

[63] Там же. С. 295.

[64] Зеньковский В. В. Основы христианской философии // Зеньковский В. В. Собрание сочинений. Т. 4. М.: Русский путь, 2011. С. 297.

ховные же сущности, каковы личности[65], эмпирически несоизмеримы, не-подобны и потому уникальны, или в буквальном смысле слова бесподобны. «Не сравнивай: живущий несравним», — писал Мандельштам[66].

Ценность «открытости» *другим народам* и культурам заставляет вспомнить Пушкинскую речь (1880) Ф. М. Достоевского и его идею, что «главнейшая способность» русской национальности — «способность всемирной отзывчивости»[67]. Пушкин, по Достоевскому, сумел без изъяна воплотить в своих произведениях «поэтические образы других народов», и если «даже у Шекспира его итальянцы почти сплошь те же англичане», то у Пушкина — «перечтите Дон-Жуана» — вы никогда не подумали бы, что «это писал не испанец»[68]. Пушкинский дар — «в перевоплощении своего духа в дух чужих народов», и этим поэт выражает, по Достоевскому, черту общенациональную, «ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности?»[69] Достоевский подчеркивал, что в Пушкинской речи говорил о черте «нравственной», «не экономической»[70], не военно-политической, а о «братстве людей», о «всемирности», приобретаемой «не мечом», а «силой стремления к воссоединению людей»[71]. Справедливость требует упоминания и едкой критики в адрес идеи русского «всечеловечества» со стороны, например, Л. А. Тихомирова, который обращал внимание, что всемирная открытость — это еще и открытость всему отрицательному, что есть в опыте других культур, а значит, «злополучная идея» всечеловечества «приглашает Россию пережить все духовные болезни прочих народов»[72]. В ситуации дня сегодняшнего, на фоне тяжелого военного конфликта ценность «открытости», понятая как «склонность ко всемирной отзывчивости и к всепримирению»[73], очевидно, проходит испытание на прочность. В то же время дискурс многополярности, активно заявляющий о себе в текущей политической повестке, входит в резонанс с тем, как Достоевский раскрывал нравственное содержание «всемирности»: «заключать в себе способность не ненавидеть чужие народы за то, что они непохожи на нас», «иметь желание не укрепляться от всех в своей национальности, чтоб ей только одной все досталось, а другие национальности считать только за лимон, который можно вы-

[65] Ср.: «Дух нужно понимать прежде всего персоналистически». Бердяев Н. А. Дух и реальность // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 370.

[66] Мандельштам О. Э. Не сравнивай: живущий несравним… // Мандельштам О. Э. Собрание сочинений. Т. 3. Стихи и проза 1930 – 1937. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. С. 111.

[67] Достоевский Ф. М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26. СПб.: Наука, 1984. С. 145.

[68] Там же. С. 145 – 146.

[69] Там же. С. 147.

[70] Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу речи о Пушкине // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочиненийСС Т. 26. С. 131.

[71] Достоевский Ф. М. Пушкин. С. 147.

[72] Тихомиров Л. А. Духовенство и общество в современном религиозном движении. М.:, 1892. С. 17. Благодарю Ю. В. Пущаева за указание на это высказывание Тихомирова.

[73] Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу речи о Пушкине. С. 131.

жать»[74]. Обращает на себя внимание также и точность словоупотребления у Достоевского: «*способность* всемирной отзывчивости», «*склонность* ко всемирной отзывчивости». «Способностью» можно не воспользоваться, «склонность» — не развить. Эти слова указывают не на данное, но на заданное. Чтение Достоевского заставляет думать, что открытость другим народам как «всемирная отзывчивость» — ценность, которая одновременно уже наличествует в национальном самосознании и до которой при этом каждый раз заново предстоит дорастать.

Ценность открытости *человечеству* как совокупности всех народов и культур, с одной стороны, уже отчасти описана в предыдущем параграфе. Однако, с другой стороны, открытость человечеству означает также и открытость космосу в его пространственном и метафизическом измерении. Иными словами — такую ценность как всеохватность.

П. А. Флоренский подчеркивал, что «миропонимание — это пространствопонимание»[75] и неслучайно пространство — одна из исторически значимых категорий русской культуры с самого ее зарождения. Как замечал историк и публицист Ф. В. Разумовский, «русский мир — в отличие от европейского — был заквашен не на этничности, не на родовом кровном родстве, не на сугубо национальном материале, он был заквашен на идее Русской земли, он был собран через пространство»[76]. На особую роль пейзажа в формировании национального самосознания указывал академик Д. С. Лихачев[77]. Вслед за ним Ф. В. Разумовский назвал это древнерусским «пейзажным мышлением»: в отсутствие оригинального «схоластического» богословия средневековая Русь знала особое «пространственное богословие»[78]. Характерно, что в одном из древнейших литературных памятников «Слово о погибели земли русской» (XIII в.) катастрофа татаро-монгольского нашествия с первых строк осмысляется через пространственную категорию — названа гибелью именно «земли», а уже потом княжества. «О светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты...»[79] — начинает свое повествование автор «Слова» и являет пример древнерусского «эстетического сознания»[80]: русская земля — пространство красоты, которая и подвергается

[74] Там же. С. 132.

[75] Флоренский П. А. Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П. А. История и философия искусства. М.: Академический проект, 2020. С. 384.

[76] Мацан К. М. Феликс Разумовский: История новомучеников — не о сопротивлении, а о любви // Фома. 2014. № 2. С. 46 – 47.

[77] Ср.: «Пейзаж страны — это такой же элемент национальной культуры, как и все прочее. Не хранить родную природу — это то же, что не хранить родную культуры. Она — выражение души народ» (Лихачев Д. С. Письма о добром. М., СПб.: Наука, Logos, 2006. С. 147).

[78] Мацан К. М. Феликс Разумовский: История новомучеников — не о сопротивлении, а о любви. С. 47. Ср.: «Странным и загадочным, но именно потому красноречивым контрастом с медленным развитием самостоятельной мысли в (средневековой. — К.М.) России является изумительное развитие в ту же эпоху русской иконописи... В этом творчестве перед нами манифестация Логоса — иконы насыщены богословскими интуициями» (Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. С. 39).

[79] Слово о погибели земли русской // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М.: Художественная литература, 1981. С. 131.

[80] Термин В. В. Бычкова. См., например: Бычков В. В. Своеобразие древнерусского эстетического сознания // Традиционная культура. 2003. № 2. С. 3 – 13.

поруганию. Красоту пространства русский книжник созерцает «духовными очами». По мысли В. В. Зеньковского, «с самого начала русские люди с особой силой воспринимали на Руси христианство в его красоте»[81]. Знаменитый рассказ «Повести временных лет» передает впечатления послов князя Владимира от православного богослужения в константинопольском храме Святой Софии: «И не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как рассказать об этом, — знаем только, что пребывает там Бог с людьми… Не можем забыть красоты такой, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького»[82]. «Слово „красота“ повторяется вновь и вновь, — комментировал это повествование С. С. Аверинцев, — и переживание красоты служит решающим теологическим аргументом в пользу присутствия неба на земле»[83]. Красота — еще одна ценность одновременно пространственная и метафизическая, космическая и духовная. Открытость пространству и географическому простору означала в русской мысли приобщение красоте. Включая в наше размышление такую ценность, как «всеохватность», приведем еще одно характерное свидетельство. Венгерский филолог-славист Илона Киш, переводившая А. П. Чехова, М. А. Булгакова, П. А. Флоренского, признавалась: «Есть некоторые слова, которые как понятия равны для меня русской культуре. Например, „тоска“. Возьмите героев Чехова — они все время по чему-то тоскуют. По чему-то иному — духовному. На меня произвел огромное впечатление фильм „Степь“ по повести Чехова. Отчетливо запомнился один эпизод: необъятная степь, а в степи человек — раскинул руки в стороны, наподобие креста, и кричит: „Тоска, тоска!..“ В венгерском языке такого слова — „тоска“ — вообще не существует, потому что нет этого состояния духовной жажды, ожидания чего-то… такого»[84]. Следуя напрашивающимся здесь строкам из пушкинского пророка («Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился…»), мотив духовной тоски «об ином» — особенно на фоне географического простора — не потерялся по дороге из XIX в. в наше время:

Дом стоит, свет горит,
Из окна видна даль.
Так откуда взялась печаль?
И вроде жив и здоров, И вроде жить не тужить.
Так откуда взялась печаль? —

пел Виктор Цой в песне «Печаль». Необъяснимая, казалось бы, печаль о чем-то большем — особенно ввиду внешней бытовой обустроенности («и вроде жить не тужить») — объяснима в свете религиозно-христианских коннотаций. То же чувство выражено

[81] Зеньковский В. В. История русской философии. С. 39.

[82] Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в. М.: Художественная литература, 1978. С. 123 – 125.

[83] Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Тысячелетие введения ристианства на Руси. ЮНЕСКО, Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 117.

[84] Мацан К. М. Русский «Иконостас» глазами венгерского филолога // Фома. 2006. № 7. С. 83. Ту же мысль — об отсутствии адекватного французского слова для перевода русского слова «тоска» в этом его духовном значении — мне подтвердил в частном разговоре французский славист Жерар Коньо в мае 2024 г.

старцем Силуаном Афонским словами «скучание о Боге»: «Скучает душа моя на земле и желает небесного»[85]. «Светлой печалью» протопресвитер Александр Шмеман обозначал настроение богослужений Великого Поста[86]. Как видно, даже необъятное пространство, русская «даль» не спасают сердце от тоски о чем-то большем. А вернее, сама необъятность пространства лишь подчеркивает неотступность такой устремленности — «только этого мало» (по Тарковскому) — выйти за предел необъятного пространства к чем-то еще большему, абсолютно необъятному. Шмеман подчеркивал в схожем контексте «максимализм» русской культуры как одну из характерных ее черт[87].

Открытость космосу в его собственно астрономическом значении также дала обильные всходы в истории русской мысли. Проективная философия космизма, развитая Н. Ф. Федоровым в XIX в., вбрасывала идею освоения «небесных обителей» и переселения людей на другие планеты в свете исполнения религиозного долга воскрешения отцов. Воскрешение понималось не столько духовно или эсхатологически — как некое предстоящее событие в «жизни будущего эона»[88], сколько в виде нравственной и научной задачи обозримого будущего: «собирание частиц», которые «рассеянны в пространстве Солнечной системы»[89], и телесное восстановление предыдущих поколений. Утопичность идеи свидетельствовала о дерзании духа: воскрешенному человечеству не хватит пространства Земли, и нужно осваивать другие планеты. «Долг воскрешения требует такого открытия, — писал Федоров, — ибо без обладания небесным пространством невозможно одновременное существование поколений»[90]. В последующем русском космизме (К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский и др[91].) религиозно-утопический аспект значительно сбалансирован научно-технологическим, но коренной ценностью остается сама открытость космическому пространству и попытка превозмочь его недоступность. В причудливый резонанс с этим войдет и такой образец ранней советской пассионарности, как «Авиамарш» (1923) с его устремленностью «преодолеть пространство и простор», «чтоб сказку сделать былью».

Наконец, одно из ключевых самоопределений русской культуры — «святая Русь» — «категория едва ли не космическая», по выражению Аверинцева. За ней стоит «отнюдь не национальная идея, не географическое и не этническое понятие»[92]. В русских духовных стихах — важнейшем источнике для реконструкции русского средневекового самосознания[93] — в единый духовный космос

[85] Софроний (Сахаров), схиарх. Преподобный Силуан Афонский. СТСЛ, 2011. С. 300.

[86] Шмеман А., прот. Великий Пост. М.: Московский рабочий, 1993. С. 25 – 27.

[87] Шмеман А., прот. Основы русской культуры. М.: Издательство ПСТГУ, 2025. С. 81 – 89.

[88] Ср. в никео-цареградском Символе веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Ср. так же у апостола Павла в Первом послании к Коринфянам: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1Кор 15:44).

[89] Федоров Н. Ф. Философия общего дела // Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. С. 419 – 421.

[90] Там же. С. 360.

[91] См.: Русский космизм: антология философской мысли / Сост. Семенова С. Г., Гачева А. Г. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.

[92] Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Аверинцев С. С. Другой Рим. Избранные статьи. СПб.: Амфора, 2005. С. 328.

включены разные географические пространства: русские земли, Палестина времен евангельских событий и даже рай[94]. И было бы «нестерпимо плоским», по Аверинцеву, понять идею «святой Руси» как «выражение племенной мании величия»[95]. В том-то и дело, что «у Святой Руси нет локальных признаков», «у нее только два признака: первый — быть в некоторым смысле всем миром, вмещающим даже рай; второй — быть миром под знаком истинной веры»[96]. В некоторым смысле идея Достоевского о «всемирности» русского духа типологически близка этой интуиции.

Важен и еще один аспект. В знаменитом «Стихе о голубиной книге» говорится о Белом царе — «нашем», русском, который «над царями царь», но «единственное основание его прерогатив» — это то, что он «царь христианский»[97]. Подчеркнем: единственное. «Святость» русской земли — как и ранее рассмотренная «всемирная отзывчивость» — скорее задана, чем дана. Святость понимается не как неутрачивамое свойство народа или культуры, но как регулирующий идеал, в свете которого оценивается социальный образ жизни. «Святость» — предельная ценность и оттого конституирующий признак «святой Руси» как социальной общности, и если это место «святости» занимает что-то другое (например, идеал материального благосостояния или державности), то вести речь о «святой Руси» всецело проблематично. «Быть миром под знаком истинной веры» — задача, успешное выполнение которой никогда не гарантировано.

2. Вера и религиозная традиция

В течение предыдущего изложения — в контексте ценностей космического измерения — тема религиозной веры уже была отчасти отрефлексирована: между ценностями, аналитическими, различаемыми в мышлении, нет непереходимых перегородок в действительности. Нужно по необходимости кратко посмотреть на религиозную веру теперь не в космическом, а в персональном измерении — тоже как на своего рода открытость, но уже не вовне, а внутрь самого себя. «Не выходи вне себя, а сосредоточься в самом себе, ибо истина живет во внутреннем человеке; найдешь свою природу изменчивой — выйди за пределы и самого себя. Стремись туда, откуда возжигается самый свет разума»[98], — как выразил это

[93] См.: Федотов Г. П. Стихи духовные. М.: «Прогресс», «Гнозис», 1991.

[94] ...Прекрасное солнце
В раю осветило
Святорусскую землю...
...Посылает Ирод-царь посланников
По всей земле святорусской...
...Ходила Дева по Святой Руси,
Искала Сына своего...
(цит. по: Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. С. 329).

[95] Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. С. 329.

[96] Там же. С. 331.

[97] Там же.

[98] Августин, блаж. Об истинной религии // Августин, блаж. Творения. Т. 1. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. С. 441 – 442. Перевод изменен.

блаженный Августин. Несмотря на столь древний исток, сама постановка вопроса о вере как поиске опытной встречи с Абсолютом внутри себя не столь тривиальна. Одна из тем, которую напряженно продумывали русские философы и богословы в XIX и особенно в первой половине XX в.[99], — диалектика опытного богообщения и его «иного»: отвлеченного богословия и номинальной религиозности. Красноречиво название брошюры М. А. Новоселова «Забытый путь опытного богопознания» (1902). Забыта церковность как «ощутимо начавшееся богообщение»[100] (С. И. Фудель), ее то и дело стремится подменить церковность как внешнее следование обрядовому благочестию, для которой современный язык выработал слово «обрядоверие». На месте «веры сердечного ощущения» возникает «вера рефлекса», по выражению Фуделя[101]. Представления о двух типах вер в середине XIX в. формулировал И. В. Киреевский: вера есть «свидетельство из сердца», «действительное событие внутренней жизни», а не «доверенность к чужому уверению»[102]. Эту же оппозицию — «вера-доверие» и «вера-достоверность» — глубоко феноменологически продумывал С. Л. Франк в работе «С нами Бог» (1941): вера как доверие внешнему авторитету — например, авторитету традиции — проблематична, если не основывается на вере-достоверности как персональном религиозном опыте — на «сознании встречи человеческой души с самой реальностью Бога»[103], благодаря чему свидетельство традиции и опознается как истинное. Традиция как таковая при этом не обесценивается, но, напротив: универсальные истины предания становятся содержанием внутреннего мира персонального Я.

В контексте истории русской культуры говорить о ценностях космического и духовного порядка уместно на примере христианства в силу принадлежности к нему подавляющего большинства авторов, входящих в канон русской философии и литературы. В то же время один из них, Л. П. Карсавин, предложил ценнейшую рефлексию о том, как сочетаются субъективная верность своей традиции и открытость к иной: «Религиозная терпимость не может довести до признания одинаковой ценности всех, даже противоположных религиозный учений. Тогда она стала бы из религиозной терпимости нерелигиозным равнодушием. О догматически-теоретической веротерпимости говорить совершенно бессмысленно. Можно говорить лишь о нравственно-практической терпимости, т.е. о принципиальном воздержании от насилия в применении к инаковерующим»[104]. Усилим тезис Карсавина и подчеркнем, что о нравственно-практической терпимости говорить не только «лишь можно», но и безусловно должно.

[99] Среди них С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, С. И. Фудель, святой Иоанн Кронштадтский, преподобный Алексей Мечев и др. См.: Антонов К. М. Как возможна религия? М.: Издательство ПСТГУ, 2020. Ч. 1. С. 522—556; там же. Ч. 2. С. 240—265; Хондзинский П., прот. Богословские портреты. М.: Издательство ПСТГУ, 2021. С. 263—302.

[100] Фудель С. И. У стен Церкви // Фудель С. И. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русский путь, 2001. С. 144.

[101] Фудель С. И. Наследство Достоевского // Фудель С. И. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Русский путь, 2005. С. 9.

[102] Киреевский И. В. Отрывки // Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1911. С. 281, 279.

[103] Франк С. Л. С нами Бог // Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 228.

[104] Карсавин Л. П. Католичество. Пг.: «Огни», 1918. С. 52.

Заключение

Если согласиться, что ценности в принципе невыводимы и принимаются актом иррационального согласия, чтобы затем уже лечь в основу построения социального образа жизни, то к духовным ценностям это относится par excellence[105]: они экзистенциалы, смыслы личного существования. И оттого они лишь отчасти выразимы в научно-определенных категориях. Как указывал М. Хайдеггер, выкристаллизовавший термин «экзистенциал», «есть вещи, которые я вообще не схватываю, если превращаю их в предмет понятийного представления»[106]. И уже упоминавшийся Хомяков высказывал — на несколько десятилетий раньше — нечто типологически схожее: «Вера не только мыслится или чувствуется, но, так сказать, мыслится и чувствуется вместе; словом — она не одно познание, но познание и жизнь»[107]. Сциентистски разлагать жизненно важную, ценностную, личностную проблематику, по замечанию авторитетного современного исследователя, было бы контрпродуктивным[108]. И все предыдущее изложение по необходимости несло на себе печать некоторой «барочности», фрагментарности: ведь, если верить романтикам, фрагмент в его свободной незавершенности, напоминающей саму жизнь, — «наиболее правдивый способ художественного выражения»[109]. Как видно, для осмысления духовных ценностей в истории русской культуры понадобились не столько понятия, сколько мыслеобразы — «космос», «простор», «красота», «любовь»», «встреча». Говорить об экзистенциальном слишком наукообразно значило бы упустить самое главное в заявленной теме. Размышление об истории бытования духовных ценностей на русской почве уместно завершить метким замечанием Д. С. Лихачева: «Не стоит увлекаться. Национальные черты нельзя преувеличивать, делать их исключительными. Национальные особенности — это только некоторые акценты, а не качества, отсутствующие у других. Национальные особенности сближают людей, заинтересовывают людей других национальностей, а не изымают людей из национального окружения других народов, не замыкают народы в себе. Народы — это не окруженные стенами сообщества, а гармонично согласованные между собой ассоциации»[110].

[105] Здесь: тем более (*фр.*).

[106] Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: ЕГУ, 2012. С. 197.

[107] Хомяков А. С. Несколько слов православного христианин о западных исповеданиях по поводу брошюры г-на Лоранси // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1886. С. 63.

[108] Визгин В. П. Экзистенциализм и богословская мысль Георгий Флоровского // Философский журнал. 2014. № 2. С. 26.

[109] Берковский Н. Я. Эстетические позиции немецкого романтизма // Берковский Н. Я., сост. Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934. С. 40.

[110] Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 134.

Список литературы

1. Августин, блаж. Об истинной религии // Августин, блаж. Творения. Т. 1. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. С. 394—498.

2. Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Аверинцев С. С. Другой Рим. Избранные статьи. СПб.: Амфора, 2005. С. 315—357.

3. Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Тысячелетие введения христианства на Руси. ЮНЕСКО, Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 112—120.

4. Антоний, митрополит Сурожский. Самопознание // Митр. Антоний Сурожский. Труды. Т. 1. М.: Практика, 2012. С. 291—303.

5. Антонов К. М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX—XX веков. М.: Издательство ПСТГУ, 2020. Ч. 1, 608 с.; ч. 2, 368 с.

6. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 9—226.

7. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003. С. 7—68.

8. Бердяев Н. А. Дух и реальность // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 364—462.

9. Бердяев Н. А. Кризис искусства. М.: СП Интерпринт, 1990. 48 с.

10. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. Париж: YMCA-Press, 1939. 222 с.11. Бердяев Н. А. О характере русской религиозной мысли XIX века // Современные записки. 1936. LXII. С. 309—343.

12. Берковский Н. Я. Эстетические позиции немецкого романтизма // Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934. 336 с.

13. Бычков В. В. Своеобразие древнерусского эстетического сознания // Традиционная культура. 2003. № 2. С. 3—13.

14. Визгин В. П. Экзистенциализм и богословская мысль Георгий Флоровского // Философский журнал. 2014. № 2. С. 24—37.

15. Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу речи о Пушкине // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26. СПб.: Наука, 1984. С. 129—136.

16. Достоевский Ф. М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т.26. СПб.: Наука, 1984. С. 136—149.

17. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. 880 с.

18. Зеньковский В. В. Основы христианской философии // Зеньковский В. В. Собрание сочинений. Т. 4. М.: Русский путь, 2011. С. 213 — 468.

19. Карсавин Л. П. Католичество. Пг.: «Огни», 1918. 151 с.

20. Киреевский И. В. Отрывки // Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. Т.1. М., 1911. С. 265 — 282.

21. Козырев А. П. Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М.М. Бахтина // Семинар «Русская философия (традиция и современность): 2004 — 2009. М.: Русский путь, 2011. С. 307 — 330.

22. Лихачев Д. С. Письма о добром. М., СПб.: Наука, Logos, 2006. 268 с.

23. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. 288 с.

24. Мандельштам О.Э. Не сравнивай: живущий несравним... // Мандельштам О.Э. Собрание сочинений. Т. 3. Стихи и проза 1930 — 1937. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. С. 111 — 112.

25. Мацан К. М. Русский «Иконостас» глазами венгерского филолога // Фома. 2006. № 7. С. 82 — 86.

26. Мацан К. М. Феликс Разумовский: История новомучеников — не о сопротивлении, а о любви // Фома. 2014. № 2. С. 42 — 49.27. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в. / Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, сост. М.: Художественная литература, 1978. С. 23 — 278.

28. Половинкин С. М. Русский персонализм. М.: СИНАКСИС, 2020. 1156 с.

29. Слово о погибели земли русской // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Художественная литература, 1981. С. 131.

30. Соловьев В. С. Смысл любви // Соловьев В. С. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 493 — 547.

31. Софроний (Сахаров), схиарх. Преподобный Силуан Афонский. СТСЛ, 2011. 530 с.

32. Семенова С. Г., Гачева А. Г., сост. Русский космизм: антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.

33. Тихомиров Л. А. Духовенство и общество в современном религиозном движении. Москва, 1892. С. 34. Федоров Н. Ф. Философия общего дела // Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. С. 53 — 606.

35. Федотов Г. П. Стихи духовные. М.: «Прогресс», «Гнозис», 1991. 192 с.

36. Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Человек и Бог. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. С. 77 — 524.

37. Франк С. Л. С нами Бог // Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 217 — 404.

38. Флоренский П. А. Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П. А. История и философия искусства. М.: Академический проект, 2020. С. 237 — 402.

39. Фудель С. И. Наследство Достоевского // Фудель С. И. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Русский путь, 2005. С. 5 — 176.

40. Фудель С. И. У стен Церкви // Фудель С. И. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русский путь, 2001. С. 111 — 222.

41. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 405 с.

42. Хомяков А. С. Несколько слов православного христианин о западных исповеданиях по поводу брошюры г-на Лоранси // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1886. С. 27 — 92.

43. Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: 1900. С. 143 — 176.

44. Хомяков А. С. По поводу отрывков, найденных в бумагах И.В. Киреевского // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: 1900. С. 263 — 286.

45. Хондзинский П., прот. Богословские портреты. М.: Издательство ПСТГУ, 2021. 336 с.

46. Шмеман А., прот. Основы русской культуры. М.: Издательство ПСТГУ, 2025. 430 с.

47. Шмеман А., прот. Великий Пост. М.: Московский рабочий, 1993. 111 с.

Социологический анализ отражения приоритетных ценностей в массовом сознании

ORCID: 0009-0007-3494-6127
Почта: Sspartak@yandex.ru

Спартак Сергей Андреевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры философии языка и коммуникации философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Sergey A. Spartak, Cand.Sc. (Political Science), Associate Professor at the Department of Philosophy of Language and Communication, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Аннотация

В статье анализируется отражение приоритетных ценностей в массовом сознании россиян на материале социологических исследований 2022—2025 гг. Цель исследования состоит в выявлении степени общественной поддержки базовых ценностных блоков, определяющих устойчивость российского ценностного консенсуса, а также внутренних противоречий их восприятия в разных социально-демографических группах. Методологическую основу составляют анализ данных всероссийских опросов, фокус-групп и исследований правовой культуры, медиапотребления и образов будущего, проведенных ВЦИОМ, НИЦ «ЭОН», ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА» и др. Показано, что наиболее устойчивой поддержкой обладают ценности семьи, патриотизма, государственности и сильного государства; они образуют нормативное ядро массового сознания и выступают основой общественной легитимации суверенного политического порядка. Ценности свободы, справедливости и солидарности также сохраняют высокую значимость, однако проявляются более амбивалентно: свобода чаще понимается как личная автономия, справедливость — как сочетание правового порядка и морального чувства, солидарность — как латентный ресурс, актуализирующийся в ситуации внешнего вызова. Ценности правды, знания, добра, созидания, открытости, веры и всеохватности признаются значимыми, но демонстрируют менее однородную поддержку и больший запрос на институциональное и символическое подкрепление. Научная

новизна работы состоит в сопоставлении интегрального уровня поддержки ценностных блоков с общественным запросом на их дальнейшую артикуляцию и практическое закрепление. Вывод работы заключается в том, что российское общество сохраняет устойчивое ценностное ядро, тогда как основные риски связаны не с отрицанием базовых ориентиров, а с разрывом между их декларацией и практической реализацией. Перспективой дальнейшей работы выступает адресная имплементация ценностей с учетом поколенческих, образовательных и региональных различий.

Ключевые слова

Массовое сознание, ценности, ценностный консенсус, традиционные ценности, семья, патриотизм, справедливость, солидарность, российское общество, социология ценностей.

Abstract

The article examines how priority values are reflected in the mass consciousness of Russians on the basis of sociological data from 2022—2025. Its purpose is to identify the level of public support for the main value clusters that sustain Russia's value consensus and to reveal contradictions in their perception across socio-demographic groups. The study is based on a secondary analysis of nationwide surveys, focus groups, and studies of legal culture, media consumption, and images of the future conducted by VCIOM, the EON Research Center, and the New Era Center. The findings show that family, patriotism, statehood, and the idea of a strong state enjoy the most stable support; together they form the normative core of mass consciousness and legitimize the sovereign political order. Freedom, justice, and solidarity also remain highly significant, but their meanings are more ambivalent: freedom is interpreted mainly as personal autonomy, justice as a combination of legal order and moral intuition, and solidarity as a latent resource activated under external threat. Truth, knowledge, goodness, creativity, openness, faith, and universality are recognized as important, yet they show less homogeneous support and a stronger demand for institutional and symbolic reinforcement. The article's novelty lies in comparing the overall support for value clusters with the public demand for their further articulation and practical consolidation. It concludes that Russian society retains a stable value core, while the main risks stem from the gap between declared values and their everyday implementation.

Keywords

Mass consciousness, values, value consensus, traditional values, family, patriotism, justice, solidarity, Russian society, sociology of values.

Сергей Спартак

65

Современный мир переживает период глобальной турбулентности, когда устоявшиеся системы ценностей подвергаются серьезным испытаниям. В таких условиях базовые приоритеты общества — нравственные, культурные, идеологические — приобретают особое значение как духовный каркас, способный удержать социальную целостность. Философия ценностей учит, что ценности выступают не только личными ориентирами, но и коллективными «скрепами» общества. Еще классики социальной мысли, от Э. Дюркгейма до М. Вебера, подчеркивали: именно разделяемые большинством ценностные нормы формируют коллективное сознание и обеспечивают интеграцию. Сегодня, в эпоху быстрых перемен, мы наблюдаем трансформацию массового сознания — переоценку ценностей под влиянием как внутренних процессов, так и внешних вызовов. Россия не является исключением: с одной стороны, стране приходится отвечать на вызовы глобального мира (геополитическая нестабильность, культурная конкуренция, информационные потоки), с другой стороны, идет поиск внутринационального идеологического синтеза — попытка соединить традиционные духовно-нравственные основания с требованиями современной эпохи. В отечественной интеллектуальной традиции издавна обсуждается «русская идея» — особый ценностный код народа, который мог бы стать основой национального единства. Эти поиски обострились в наше время: общество стремится опереться на проверенные временем идеалы семьи, справедливости, патриотизма, одновременно осознавая необходимость их обновления и переосмысления под реалии XXI в. В этом контексте чрезвычайно актуально понять, как провозглашаемые приоритетные ценности отражены в массовом сознании россиян: действительно ли они укоренены в убеждениях и поведении людей, равно ли поддерживаются разными социальными группами, какие противоречия сопровождают их восприятие. Для ответа на эти вопросы в статье предпринимается социологический анализ ценностных ориентаций на основе новейших данных 2022 – 2025 гг.[111] Результаты исследования дадут эмпирическую картину поддержки ценностей и станут основой для философско-социологического анализа сохранения ценностного единства в условиях плюралистичной и динамичной современности, а также выработки шагов, необходимых для успешного идеологического синтеза в России.

[111] В основу настоящего анализа легли новейшие социологические исследования (2022 – 2025 гг.), подготовленные ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА», НИЦ «ЭОН», АЦ «ВЦИОМ». Исследования ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА»: Образ России у молодежи (2023), Восприятие семьи молодежью России (2024), Проблема молодежных объединений и групп: молодежная коммуникация и солидарность (2024). ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА» совместно с НИЦ «ЭОН»: Современные ценностные установки и ориентиры жителей регионов России» (2022). АЦ «ВЦИОМ»: Традиционные ценности: ожидание и реальность (08.07.2025), День России — 2025 (11.06.2025), Религия и общество: мониторинг (09.06.2025), Фронт и тыл на четвертом году СВО (21.10.2025), Социальная справедливость: мониторинг (07.05.2025), Социальная справедливость: мониторинг (27.02.2024), Семья в системе российских ценностей (22.11.2024); ФОМ. Новостная информация и телевидение (29.11.2024), Доверие в России: мониторинг (21.08.2024), День России — 2024 (11.06.2024); ВЦИОМ. Конституция и жизнь (12.12.2023), Традиционные ценности, современные цели (30.11.2023), «Нужно доверять друг другу! Или нет?» (29.06.2023), Выборы в России: участие, легитимность, доверие (15.11.2023), Ценности молодежи (14.12.2022). Дополнительные непубличные материалы: Социально-политическая ситуация в Москве: безопасность, тревожность и протестные настроения (2024), Перспективы развития коммунистической идеологии: сильные и слабые стороны партийного строительства (2024), Формирование толерантности: риски национальных-этнических, религиозных и межклассовых напряжений (2024), Правовая культура и социально-культурная коммуникация москвичей: политический и электоральный эффект (2025), Социально--коммуникативная ситуация в Москве: проблемы миграции (2025), Социально--профессиональные ориентации и трудовые стратегии московской молодежи (2025).

Общий уровень поддержки приоритетных ценностей

Первая группа (государство, семья, патриотизм, служение, сила) — ценности традиционалистского характера — пользуется в целом самой широкой поддержкой и бесспорно занимает центральное место в системе ценностей россиян: более 68% называют крепкую семью главной жизненной ценностью (см. рис. 1).

ВЫБЕРИТЕ ЦЕННОСТИ, КОТОРЫЕ ЯВЛЯЮТСЯ НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМИ ДЛЯ ВАС. ВЫ МОЖЕТЕ ВЫБРАТЬ ДО ПЯТИ ОТВЕТОВ.

(закрытый вопрос, до 5 ответов, в % от всех опрошенных)

	2023	2024	2025
Крепкая семья	68	67	68
Историческая память и преемственность поколений	31	32	33
Гордость за страну	31	37	30
Жизнь, достоинство, права и свободы человека	29	34	30
Единство народов России	28	34	29
Дружба	29	33	27
Милосердие, гуманизм	26	27	25
Самореализация	27	22	22
Развитие	21	19	20
Приоритет духовного над материальным	18	20	19
Созидательный труд	13	16	15
Коллективизм	7	9	8
Другое	5	7	6

Рис. 1[112]. Традиционные ценности: ожидание и реальность (ВЦИОМ, 08.07.2025 г.)
Результаты всероссийского опроса о традиционных ценностях. Топ-3 главных ценностей россиян: крепкая семья (68 %), историческая память и преемственность поколений (33 %), гордость за страну, а также права и свободы человека (по 30 %).

Семья воспринимается как незаменимая опора и «тихая гавань» в нестабильные времена. В том же опросе ВЦИОМ «Главные ценности россиян» идеал полной, дружной семьи с детьми разделяет большинство: в представлениях 57% идеальная семья — это семья с детьми, где царят любовь и поддержка[113].

Патриотические ценности также представлены весьма ощутимо. Гордость за свою страну входит в число ведущих ценностных ориентаций: около 30 – 33% опрошенных относят гордость за страну и историческую память к числу главных ценностей (см. рис. 1[114]). По данным опроса к Дню России 2025 г., 80% граждан согласны с тем, что Россия — великая страна с особой миссией (см. рис. 2).

[112] Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ – Спутник» проведен 21.06.2025 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95% не превышает 2,5%. Подробнее см.: Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 08.07.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (дата обращения: 10.11.2025 г.) (Далее — ВЦИОМ. 08.07.2025 г.).

[113] См.: ВЦИОМ. 08.07.2025 г.

[114] См.: ВЦИОМ. 08.07.2025 г.

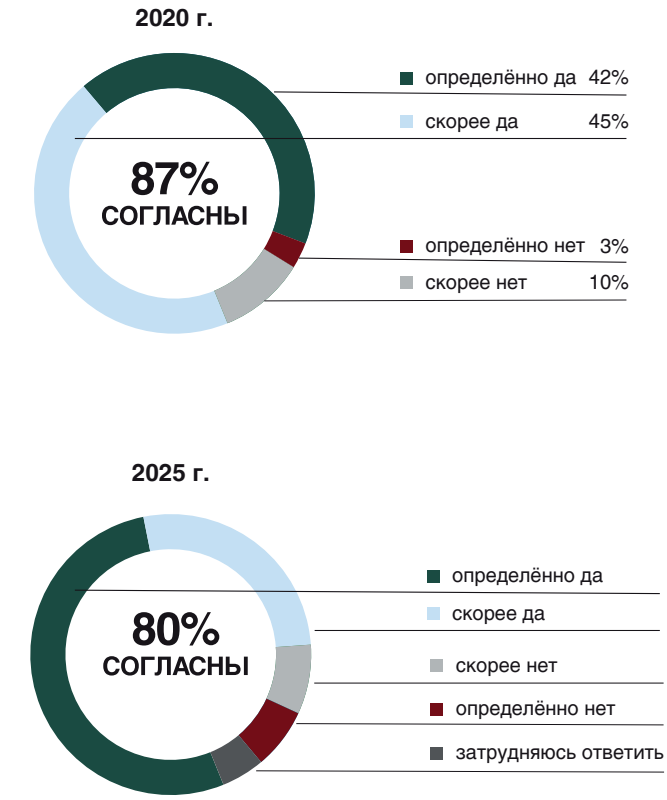


Рис. 2[115]. День России — 2025 (ВЦИОМ, 11.06.2025 г.)
Результаты опроса россиян, приуроченного к Дню России. Величие России: 80 % согласны с тем, что Россия — великая страна с особой миссией.

Тот же опрос показывает, что патриотизм и образ Родины вызывают у людей преимущественно позитивный эмоциональный отклик: в ассоциациях со словом «Россия» на первом месте стоят патриотизм и гордость у 40% опрошенных (см. рис. 3).

Это свидетельствует, что ценность патриотизма и лояльности Родине укоренилась в массовом сознании (см. рис. 2 и 3).

Понятие силы в массовом сознании часто связывается с идеей единства и сплоченности: согласно данным политико-ценностных исследований, респонденты подчеркивают, что «сила — в единстве взглядов», и значительная часть верит, что появление объединяющей национальной идеи сплотило бы общество и усилило страну (см. рис. 4).

На этом фоне массовые установки в современной России заметно смещены в сторону идеи сильного государства и управляемого порядка: в ценностных профилях фиксируется предпочтение приоритета национального законодательства и роли государства как главного гаранта безопасности (см. рис. 5).

[115] Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ – Спутник» проведен 25.05.2025 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Подробнее см.: День России — 2025 // ВЦИОМ. 11.06.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-rossii-2025 (дата обращения: 10.11.2025 г.) (Далее — ВЦИОМ. 11.06.2025 г.).

Эмпирические данные опросов подтверждают эту тенденцию: 73 % респондентов считают, что государственный суверенитет пошел стране во благо[116], 80 % доверяют армии и гордятся ее мощью, при этом 69 % готовы к личным ограничениям ради обороны страны[117]. В совокупности эти установки и показатели свидетельствуют о высокой легитимности монополии государства на применение силы, приоритете безопасности как ключевой общественной ценности и устойчивом общественном запросе на дальнейшее укрепление государственности, суверенитета и общественного единства.

Служение обществу — более сложная для восприятия ценность — не относится к числу личных приоритетов для большинства, однако примерно треть россиян (особенно среди молодежи) все же придает значение идее «быть полезным людям» и вкладу в общее дело (см. рис. 6). То есть наряду с доминированием личных и семейных ориентиров существенная доля населения разделяет ценность общественного долга.

ТОП–3 АССОЦИАЦИЙ СО СЛОВОМ «РОССИЯ»

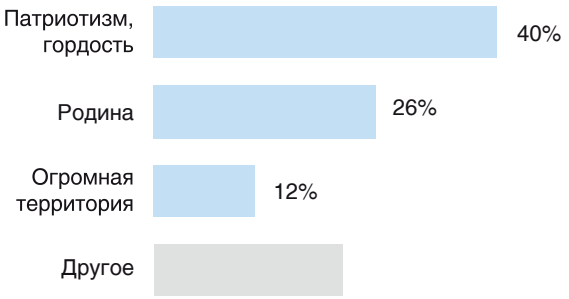


Рис. 3[118]. День России — 2025 (ВЦИОМ, 11.06.2025 г.)

Результаты опроса россиян, приуроченного к Дню России. Величие России: 80 % согласны с тем, что Россия — великая страна с особой миссией.

[116] «12 июня — день принятия декларации о суверенитете России в 1990 году, день независимости России. Как вам кажется, суверенитет пошел во благо или во вред России?»: «Определенно во благо» (2024) — 36 %, «Скорее во благо» (2024) — 37 %. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ – Спутник» проведен 31.05.2024 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Подробнее см.: День России — 2024 // ВЦИОМ. 11.06.2024 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-rossii-2024 (дата обращения: 20.11.2025 г.) (далее — День России — 2024 // ВЦИОМ. 11.06.2024 г.).

[117] «В целом Вы доверяете или не доверяете Российской армии?» / «Могли бы Вы сказать о себе, что гордитесь сильной армией, военной мощью страны?» / «Я чувствую ответственность за свою страну и готов экономить, ограничивать свои потребности ради ее защиты»: «Доверяю» — 80 % / «Скорее да» — 80 % / «Согласен» — 45 %, «Скорее согласен» — 24 %. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ – Спутник» проведен 15.10.2025 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Подробнее см.: Фронт и тыл на четвертом году СВО // ВЦИОМ. 21.10.2025 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/front-i-tyl-na-chetvertom-godu-svo (дата обращения: 20.11.2025 г.) (далее — Фронт и тыл на четвертом году СВО // ВЦИОМ. 21.10.2025 г.).

[118] См.: ВЦИОМ. 11.06.2025 г.

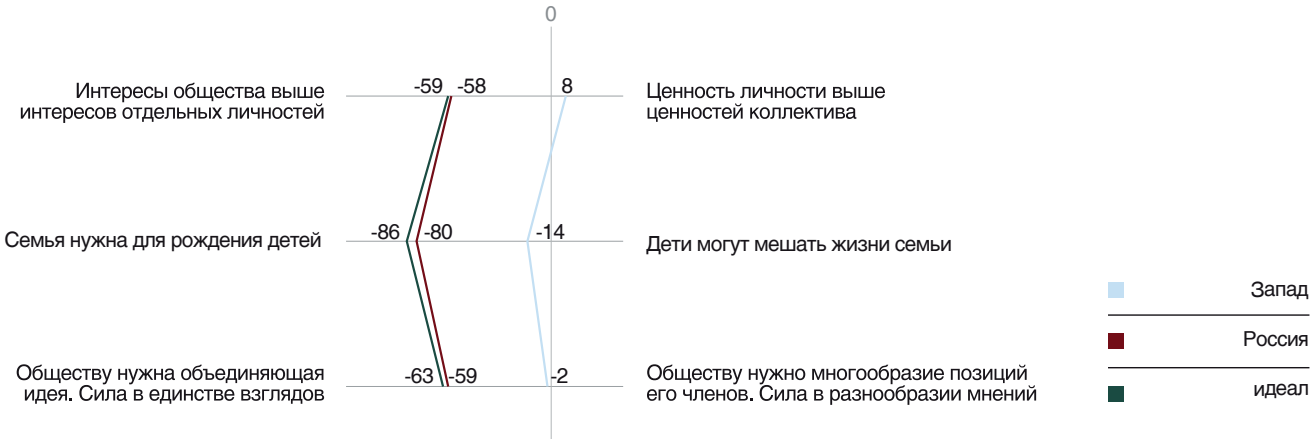


Рис. 4[119]. Профили ценностей: идеал, Россия, Запад глазами россиян (отклонение >60%). С. 12 — НИЦ «ЭОН», ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА», 2022 г.

Исходя из расчета баланса оценок (синий — идеал, красный — Россия, серый — Запад), показатель «— 63» по России отражает, что большинство респондентов выбирает тезис «сила — в единстве взглядов» по сравнению с альтернативой. Более того, между идеалом и Россией по этому пункту расхождения минимальны: методологически это индикатор того, что данный тезис входит в «ядро» представлений о собственной норме.

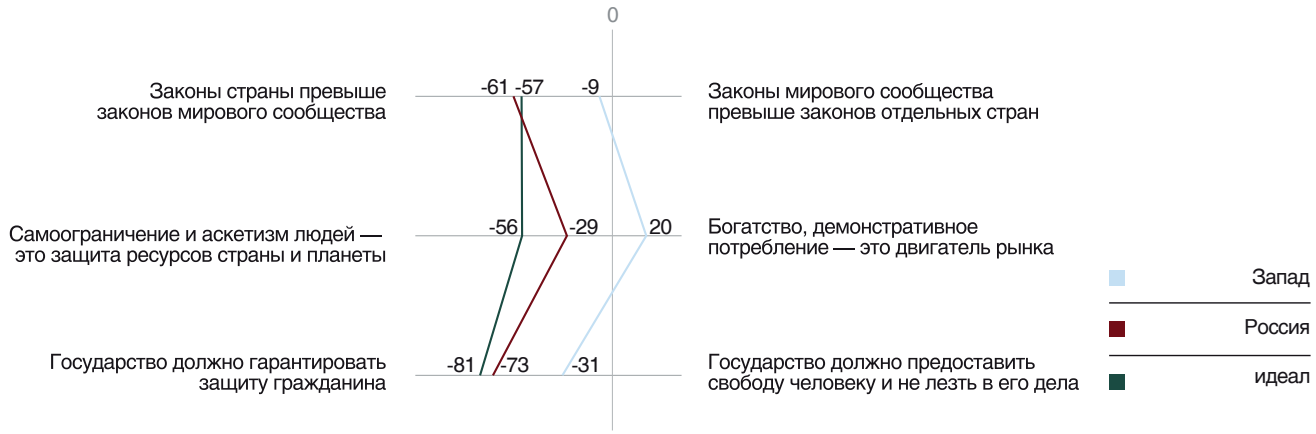


Рис. 5[120]. Профили ценностей: идеал, Россия, Запад глазами россиян (отклонение 30–60%). С. 13 — НИЦ «ЭОН», ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА», 2022 г.

Исходя из расчета баланса оценок (синий — идеал, красный — Россия, серый — Запад), показатель «— 61» и «—73» по России отражает, что большинство респондентов поддерживает тезис «законы страны превыше законов мирового сообщества» и «государство должно гарантировать защиту гражданина» по сравнению с альтернативой. Более того, между идеалом и Россией по этому пункту расхождения минимальны: методологически это индикатор того, что данный тезис входит в «ядро» представлений о собственной норме.

[119] С. № 12. Профили ценностей: идеал, Россия, Запад глазами россиян (отклонение >60 %). По каждому параметру был рассчитан баланс оценок — разность между показателями согласия (согласны и скорее согласны) с правым тезисом и показателями согласия (согласны и скорее согласны) с левым тезисом. При положительности итогового баланса по тому или иному параметру можно говорить о преимущественном согласии с правым тезисом, отрицательности — о преимущественном согласии с левым тезисом, при близости к нулю — о неоднозначности восприятия, поляризации мнений по данному смысловому аспекту, при (синий — идеал, красный — Россия, серый — Запад). Подробнее см.: Психосемантическое исследование. Современные ценностные установки и ориентиры жителей регионов России: социокультурный и социополитический выбор — 2022 г. // НИЦ «ЭОН», ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2022 г. Метод сбора информации — Face-to-face интервью. Инструмент сбора информации — анкета. Выборка — 3004 респондента в возрасте 18 лет и старше, постоянно зарегистрированных на территориях опроса. Отбор велся в соответствии с квотами по полу и возрасту. Сбор информации в рамках исследования осуществлен в Нижегородской, Новосибирской и Белгородской областях. С. 12 (Далее — НИЦ «ЭОН», ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2022 г.).

[120] С. № 13. Профили ценностей: идеал, Россия, Запад глазами россиян (отклонение 30 – 60%). По каждому параметру был рассчитан баланс оценок — разность между показателями согласия (согласны и скорее согласны) с правым тезисом и показателями согласия (согласны и скорее согласны) с левым тезисом. При положительности итогового баланса по тому или иному параметру можно говорить о преимущественном согласии с правым тезисом, отрицательности — о преимущественном согласии с левым тезисом, при близости к нулю — о неоднозначности восприятия, поляризации мнений по данному смысловому аспекту, при (синий — идеал, красный — Россия, серый — Запад). Подробнее см.: НИЦ «ЭОН», ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2022 г.

ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ

Вопрос респондентам: «Насколько для Вас важны следующие аспекты Вашей жизни?»

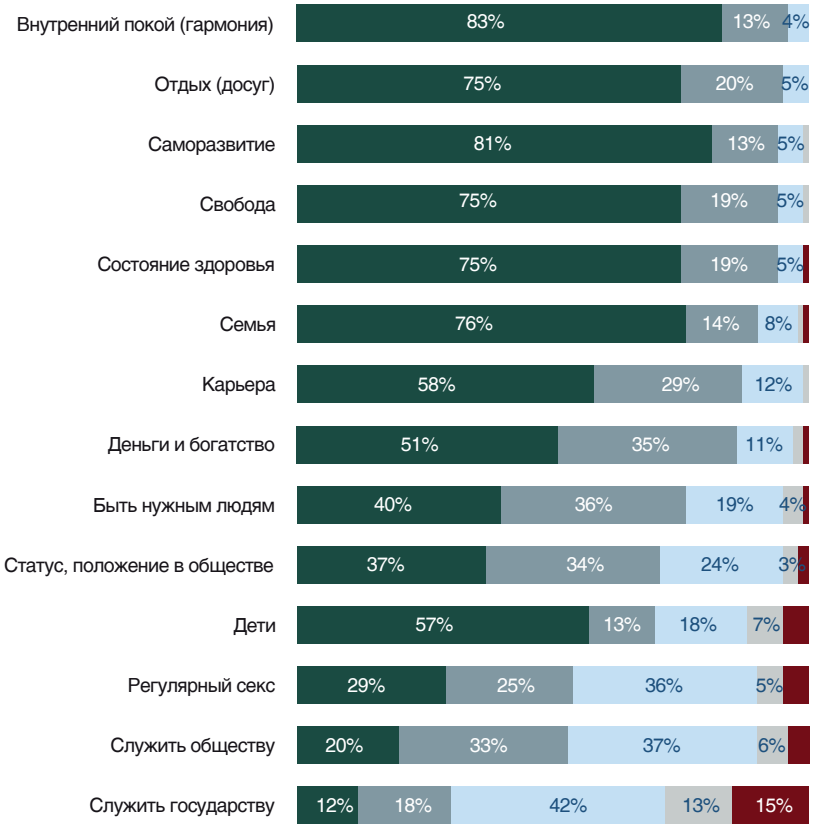


Рис. 6[121]. Ценности молодежи. «Насколько для Вас важны следующие аспекты Вашей жизни?», *где синий — «в первую очередь», голубой — «скорее да», серый — «затрудняюсь ответить», розовый — «скорее нет», красный — «ни в коем случае». С. 4 — ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА», 2024 г.*

Для большинства позиций наверху шкалы («внутренний покой», «саморазвитие» и др.) доминирует именно темно-синий цвет: значительная часть молодежи относит их к тому, что важно «в первую очередь». На этом фоне ценности, связанные с общественным служением, выглядят более сложными и отодвинутыми на периферию жизненных планов. По позиции «служить обществу» темно-синий сегмент («в первую очередь») составляет лишь около 20 %, по установке «служить государству» значимость еще ниже: около 12 % относят ее к безусловным приоритетам, 18 % — к «скорее важным», тогда как почти половина респондентов колеблется или отвечает отрицательно. В то же время формула «быть нужным людям» воспринимается молодежью заметно ближе: здесь 40 % выбирают вариант «в первую очередь» (темно-синий), еще 36 % — «скорее да» (голубой), то есть в сумме около трех четвертей опрошенных видят в этом ценность, а доля явных отрицаний минимальна.

[121] С. № 4. Ценности молодежи. Вопрос респондентам: «Насколько для Вас важны следующие аспекты Вашей жизни?», где синий — «в первую очередь», голубой — «скорее да», серый — «затрудняюсь ответить», розовый — «скорее нет», красный — «ни в коем случае». Подробнее см.: Восприятие семьи молодежью России // ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2024 г. Исследование восприятия семьи и семейных отношений молодежью России в возрасте 18 – 35 лет. Метод — анкетирование. Количество респондентов — 2000: Москва (17 %), Республика Хакасия (14 %), Ставропольский край (10 %), Санкт-Петербург (8 %), Нижегородская область (7 %), Ростовская область (5 %), Татарстан (5 %) и др. (далее — Восприятие семьи молодежью России. 2024 г.).

Таким образом, ценности первого блока — государственность, семья, патриотизм, служение, сила — в целом имеют высокий легитимный статус. Семья и патриотизм занимают вершину ценностного рейтинга; идею сильного государства и порядка поддерживает большинство; несколько меньшая, но заметная доля людей разделяет ценности служения и коллективного единства.

Вторая группа (воля, справедливость, солидарность) отражает социально-этические ценности, значимые для чувства свободы и общественного договора. Свобода личности как ценность признается россиянами, но нередко подразумевается не политическая свобода, а именно воля — независимость в личной жизни, право самому делать выбор. Индивидуальная свобода важна прежде всего для молодых поколений и городских слоев. По данным июльского исследования ВЦИОМ, около 29 % россиян среди ключевых ценностей называют права и свободы человека, причем в возрастной группе 18 – 24 года значимость свободы и самореализации заметно выше, чем у старших (см. рис. 1)[122]. Таким образом, ценность «свободы-воли» в массовом сознании присутствует довольно отчетливо, особенно у молодежи, хотя и не доминирует над остальными жизненными приоритетами (она уступает семье, материальному благополучию, но все же входит в число значимых факторов личного комфорта).

Ценность справедливости имеет для российского общества фундаментальное значение. Идеи социального правосудия, равенства перед законом, искоренения коррупции неизменно получают массовую поддержку. В то же время эмпирические данные показывают, что представления о справедливости структурированы сложнее. Как видно по результатам исследования правовой культуры москвичей 2025 г., на уровне концептуальных установок преобладает убеждение, что закон должен выполняться неукоснительно всеми членами общества, обходить его недопустимо, а сами законы важнее частных представлений о справедливости (см. рис. 7).

Именно здесь возникает коллизия между моральной справедливостью и правовым порядком. С одной стороны, значительная часть граждан готова согласиться с тезисом, что «законы можно нарушать, если они противоречат здравому смыслу и чувству справедливости». С другой стороны, эта готовность не отменяет общей ориентации на верховенство закона как нормы: большинство декларирует приоритет закона перед частными моральными интуициями, но одновременно допускает коррекцию правовых требований под ситуацию, если текущая правоприменительная практика воспринимается как несправедливая. В результате справедливость остается одной из наиболее поддерживаемых и мобилизующих ценностей, но реализуется она в поле постоянного напряжения между требованием строгого исполнения законов и легитимацией их точечного нарушения там, где граждане видят разрыв между «буквой» и «духом» права.

Ценность солидарности и общности в повседневной жизни тоже понимается неоднозначно. С одной стороны, многие россияне считают, что сейчас в обществе не хватает сплоченности: по данным опроса, в 28 % случаев люди называют «единство народов России»

[122] См.: ВЦИОМ. 08.07.2025 г.

(см. рис. 1)[123] среди важных ценностей, но при этом 73 % полагают, что в отношениях между людьми нужно соблюдать осторожность[124]. В массовом восприятии в целом распространено мнение о разобщенности: свыше половины населения (56 %) убеждены, что окружающие думают только о собственных интересах[125]. Эти числа указывают на дефицит доверия и низкий уровень повседневной солидарности, хотя в том же опросе почти каждый четвертый (24 %) заявил, что большинству людей можно доверять, — пусть это меньшая доля, но она отражает существование ядра доверия[126]. С другой стороны, исторический опыт и социология чрезвычайных ситуаций показывают, что при возникновении внешней угрозы или общей беды россияне способны быстро сплачиваться. Например, исследования НИЦ «ЭОН» и ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА» показывают, что респонденты нередко отмечают: «Россияне внешне разрозненны, но в случае опасности могут быстро сплотиться» (см. рис. 8).

Этот феномен коллективной мобилизации проявлялся и в прошлом (например, единение в военные годы, взаимопомощь при чрезвычайных происшествиях). Таким образом, ценность солидарности находится как бы в латентном состоянии: в обычное время россияне больше ориентированы на семью и личный круг, однако идеал единения народа не утрачен и может актуализироваться под воздействием сильных факторов (см. рис. 9).

Здесь мы видим, как переживается солидарность и какие смысловые режимы она принимает в сознании молодежи. Материалы фокус-групп на рис. 9 показывают, что в молодежном восприятии солидарность распадается как минимум на две модальности. Первая — солидарность-испытание, солидарность как общее бремя, подчеркивая коллективное усилие как ресурс преодоления испытаний и выживания. Вторая — солидарность-выбор, солидарность как защита: образы «Три богатыря», «Воззвание Минина» и др., где солидарность описывается как совместное усилие ради безопасности и будущего (см. рис. 9А).

[123] См.: ВЦИОМ. 08.07.2025 г.

[124] «Как Вы думаете, большинству людей можно доверять или во взаимодействии с другими людьми нужно соблюдать осторожность?»: «Во взаимодействии с другими людьми нужно соблюдать осторожность» — 73 % (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных). Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ – Спутник» проведен 28.07.2024 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Подробнее см.: «Доверие в России: мониторинг» // ВЦИОМ. 21.08.2024 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-v-rossii-monitoring (дата обращения: 10.11.2025 г.) (далее — «Доверие в России: мониторинг» // ВЦИОМ. 21.08.2024 г.).

[125] «Как Вы думаете, люди чаще всего стремятся быть полезными другим или они думают только о себе?»: «Думают только о себе» — 56 % (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных). Подробнее см.: Доверие в России: мониторинг // ВЦИОМ. 21.08.2024 г.

[126] «Как Вы думаете, большинству людей можно доверять или во взаимодействии с другими людьми нужно соблюдать осторожность?»: «Большинству людей можно доверять» — 24 % (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных). Подробнее см.: Доверие в России: мониторинг // ВЦИОМ. 21.08.2024 г.

ТЕЗИСЫ СЛЕВА (—)	<<<	<<	БАЛАНС *	>>>	>>	ТЕЗИСЫ СПРАВА (+)
Законы страны превыше законов мирового сообщества	29%	34%	**–42%**	13%	8%	Законы мирового сообщества выше законов отдельных стран
Законы должны выполняться неукоснительно всеми членами общества	32%	33%	**–41%**	15%	9%	Возможно отступление от закона во имя справедливости
Законы необходимо соблюдать неукоснительно	30%	32%	**–38%**	17%	7%	Иногда можно обходить закон
Закон должен быть настроен на защиту всех малых групп, «меньшинств» в обществе	10%	17%	**29%**	31%	25%	Закон должен быть ориентирован на защиту интересов большинства общества
Закон должен защищать прежде всего права и свободы каждого отдельного человека	25%	30%	**–25%**	17%	12%	Закон должен прежде всего защищать интересы всего государства
Закон должен ориентироваться на защиту интересов отдельной личности	20%	26%	**–9%**	21%	16%	Закон должен защищать прежде всего семью

*По каждому параметру был рассчитан баланс оценок – разность между показателями согласия (согласны + скорее согласны) с правым тезисом и показателями согласия (согласны + скорее согласны) с левым тезисом. При положительности итогового баланса по тому или иному параметру можно говорить о преимущественном согласии с правым тезисом, отрицательности — о преимущественном согласии с левым тезисом, близок к нулю — о неоднозначности восприятия, поляризации мнений по данному смысловому аспекту

Установки социально-правовой устойчивости

Опасные правовые установки

Рис. 7[127]. С. № 6–7. Ценности, формирующие основания правовой культуры. Концептуальное восприятие закона и права (6) / Ценности, формирующие основания правовой культуры. Закон и правоприменение (7), *где синяя рамка — «установки социально-правовой устойчивости», красная рамка — «опасные правовые установки».*

Около 60 % респондентов прямо фиксируют, что закон подлежит строгому исполнению и любые попытки его исказить можно рассматривать как обман государства. Однако в этих же рядах ответов обнаруживается важный разрыв: примерно треть опрошенных признает, что использование и гибкое толкование закона «в своих интересах» является обычной и широко распространенной практикой; чуть более половины склонны считать обходящих закон людьми непорядочными, но около 30 % характеризуют их скорее как «умных и находчивых».

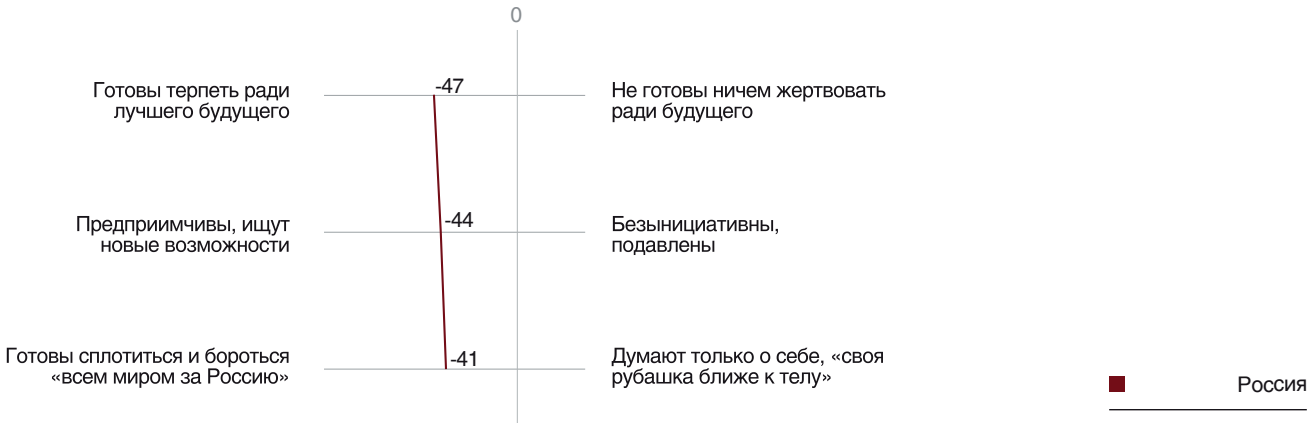


Рис. 8[128]. С. № 6. Социально-психологическое восприятие окружающего социума: интеграция или аномия — НИЦ «ЭОН», ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА», 2022 г.

Исходя из расчета баланса оценок (при положительности итогового баланса по тому или иному параметру можно говорить о преимущественном согласии с правым тезисом, отрицательности — о преимущественном согласии с левым тезисом), показатель «– 41» по тезису «Готовы сплотиться и бороться „всем миром" за Россию» отражает, что большинство респондентов его поддерживает по сравнению с альтернативным «Думают только о себе, «своя рубашка ближе к телу».

[127] С. № 6 – 7. Ценности, формирующие основания правовой культуры. Концептуальное восприятие закона и права (6) / Ценности, формирующие основания правовой культуры. Закон и правоприменение (7), где синяя рамка — «установки социально-правовой устойчивости», красная рамка — «опасные правовые установки». По каждому параметру был рассчитан баланс оценок — разность между показателями согласия (согласны и скорее согласны) с правым тезисом и показателями согласия (согласны и скорее согласны) с левым тезисом. При положительности итогового баланса по тому или иному параметру можно говорить о преимущественном согласии с правым тезисом, отрицательности — о преимущественном согласии с левым тезисом, при близости к нулю — о неоднозначности восприятия, поляризации мнений по данному смысловому аспекту. Правовая культура и социально-культурная коммуникация москвичей: политический и электоральный эффект. 2025 г. Метод сбора информации: Face-to-face интервью. Инструмент сбора — анкета. 6400 респондентов старше 18 лет, проживающих на территориях 16 избирательных округов ГД РФ на территории Москвы (по новой территориальной нарезке — не менее 400 респондентов из каждого ИО). Сбор информации: с 12 по 29 марта 2025 г. (далее — Правовая культура. 2025 г.).

[128] С. № 6. Социально-психологическое восприятие окружающего социума: интеграция или аномия. По каждому параметру был рассчитан баланс оценок — разность между показателями согласия (согласны и скорее согласны) с правым тезисом и показателями согласия (согласны и скорее согласны) с левым тезисом. При положительности итогового баланса по тому или иному параметру можно говорить о преимущественном согласии с правым тезисом, отрицательности — о преимущественном согласии с левым тезисом, при близости к нулю — о неоднозначности восприятия, поляризации мнений по данному смысловому аспекту, при (синий — идеал, красный — Россия, серый — Запад). Подробнее см.: НИЦ «ЭОН», ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2022 г.

Рис. 9[129]. С. № 41:«Если Россия сейчас — картинка, то какая?» — «Образ России у молодежи» // ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2023 г. *(Результаты фокус-групп, 101 респондент).*

Латентность ценности солидарности прекрасно отражена в результатах исследования ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА» 2023 г., где образ нынешней России респонденты связывают с картинами «Бурлаки на Волге» и «Три богатыря», которые подтверждают тезис — в условиях общего испытания идеал солидарности, совместного единения и преодоления невзгод актуализируется в сознании молодежи. Проективные ответы демонстрируют две модальности солидарности в восприятии молодежи. Образ «Бурлаки на Волге» фиксирует солидарность-испытание — совместное вынесение общей тяжести (в интерпретациях присутствует амбивалентность: «рабство», «подчиненность» и т.д.). Образ «Три богатыря» и др. отражают солидарность-выбор, солидарность-защита — добровольную сплоченность и действие сообща ради безопасности и перспектив страны. Тем самым визуальный материал не нормирует принуждение, а эмпирически показывает напряженное (двойственное) переживание солидарности как ценности и как практики.

ПРОЕКТИВНЫЕ ОБРАЗЫ (РОССИЯ СЕЙЧАС)

выбранные маркеры солидарности, %

Источник: ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА», «Образ России у молодежи», фокус-группы (n=101)

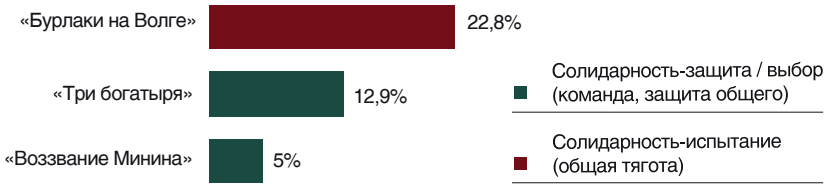


Рис. 9А[130]. Рисунок сделан на основе С. № 41: «Если Россия сейчас — картинка, то какая?» — Образ России у молодежи // ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2023 г. *(Результаты фокус-групп, 101 респондент).*

Визуальные образы используются как проективные маркеры и фиксируют различающиеся смысловые режимы солидарности. «Бурлаки на Волге» отражают солидарность как совместное вынесение тяготы, тогда как «Три богатыря» и «Воззвание Минина» маркируют солидарность как добровольную сплоченность и коллективную защиту общего.

[129] С. № 41: Если Россия сейчас — картина, то какая? Подробнее см.: «Образ России у молодежи» // ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2023 г.: Результаты фокус-групп. Число респондентов: 101. Состав: выпускники (30,7 %), студенты (66,3 %), молодые ученые (3 %). Гендер мужской (60,4 %) и женский (39,6 %), города: Москва (55,4 %), Челябинск (12,9 %), Махачкала (7,9 %) и др. (далее — Образ России у молодежи // ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2023 г.).

[130] Рисунок сделан авторами-экспертами Философского клуба «Цивилизационное будущее России» на основе С. № 41: «Если Россия сейчас — картина, то какая?» Подробнее см.: Образ России у молодежи // ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2023 г.

Принципиально, что по образу «Бурлаки на Волге» фиксируется и альтернативная, критическая трактовка, которая показывает амбивалентное восприятие солидарности: она мыслится одновременно и как национальный ресурс сплочения в трудные периоды, и как зона риска утраты субъектности, когда «общая тяжесть» переживается как «безысходность». Такое разведение смыслов точнее фиксирует структуру представлений: в обществе устойчиво присутствует готовность объединяться «всем миром» ради сохранения страны и преодоления внешних вызовов, но язык повседневной солидарности и доверия остается для части аудитории проблемным и требует содержательной проработки в ценностной коммуникации.

Третья группа ценностей — правда, знание, добро, созидание — в российском контексте описывает духовно-интеллектуальное ядро общества. Для многих россиян честность, открытость и порядочность — не частные качества, а норма общественной жизни: отдельно фиксируется стремление «чувствовать себя честным и нравственным человеком» как значимая жизненная цель[131]. Опрос ВЦИОМ 2023 г. показывает, что именно честность и искренность воспринимаются главными основаниями доверия, тогда как ложь и лицемерие — ключевыми барьерами[132]. Отсюда высокий запрос к государству: когда власть открыто говорит о трудностях, честно объясняет свои решения и демонстрирует готовность разделить ответственность с обществом, граждане готовы терпеть временные лишения ради страны, а взаимное доверие усиливается. В этом смысле ценность правды выполняет прогосударственную функцию — выступает ресурсом национального единства и моральной легитимации российской политики.

Знание и просвещение традиционно уважаются в российской культуре. Исторически образование, наука, интеллектуальное развитие ценились как средства личного, так и национального прогресса. В социологических опросах ценность «образования и культуры» нередко упоминается среди важных (например, в ряду жизненных ориентиров молодежи около 71 % отмечают значение творческой

[131] С. № 10. «Иерархия ценностей жизни человека». Среди ценностей самовыражения перечислены несколько, среди которых есть и «чувствовать себя честным и нравственным человеком» с показателем «14» серого цвета (серый цвет — ценности с невысоким уровнем значимости), где наивысшая ценность самовыражения «иметь возможность путешествовать и видеть мир» («26», темно-синего цвета), а наименьшая — «заниматься саморазвитием и самосовершенствованием» («10», красного цвета — ценности с низким уровнем значимости). Подробнее см.: НИЦ «ЭОН», ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2022 г.

[132] «Как Вы думаете, что способствует доверию между людьми?»: на первом месте «Честность, правдивость, искренность, откровенность» — 24 % (открытый вопрос, любой количество ответов, в % от всех опрошенных, представлены ответы, набравшие 2 % и более) / «А что мешает людям доверять друг другу?»: на первом месте «Ложь, обман, лицемерие» — 15 % (открытый вопрос, любой количество ответов, в % от всех опрошенных, представлены ответы, набравшие 2 % и более). Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ — Спутник» проведен 18.06.2023 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Подробнее см.: «Нужно доверять друг другу! Или нет?» // ВЦИОМ. 29.06.2023 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nuzhno-doverjat-drug-drugu-ili-net? (дата обращения: 10.11.2025 г.) (далее — «Нужно доверять друг другу! Или нет?» // ВЦИОМ. 29.06.2023 г.).

самореализации и образования[133]). Однако в прямых рейтингах главных ценностей знания редко выходят на первые позиции, уступая семье, здоровью, материальному успеху (см. рис. 1)[134]. Скорее знание и мудрость воспринимаются как базовая основа для достижения иных целей. Тем не менее в рамках нашего ценностного блока просвещение, интеллектуальное развитие, поиск истины — все это находит отражение в массовом сознании через высокий престиж образования и науки, уважение к выдающимся ученым и интерес к технологическому прогрессу (см. рис. 10).

Государственные риторики о движении вперед, инновациях и создании «экономики знаний» получают общественную поддержку и резонируют с убеждением, что передовые технологии — благо для общества и что без знаний и правды невозможно развитие. Обращаясь к уже известному исследованию «НОВОЙ ЭРЫ», мы можем дополнительно проследить эту связь (см. рис. 11).

Добро и гуманизм — моральные ценности, которые россияне обычно включают в понятие «традиционных». По данным опросов, люди рассматривают доброту, милосердие, уважительность как неотъемлемую часть национального характера. Понятия совести, чести, взаимопомощи также входят в обиходный кодекс: 34 % считают, что религия нужна прежде всего для поддержания моральных норм, а многие нерелигиозные люди при этом все равно разделяют ценности добра и сострадания на светской основе[135].

В массовом сознании устойчиво присутствует представление о России как о носителе духовности и человечности; оно поддерживается и классической культурой, и литературной традицией, и современным обращением к «традиционным ценностям». В этом контексте ценность добра и добродетельности фактически выступает общепризнанным нравственным стандартом. Практики, апеллирующие к гуманности — помощь нуждающимся, благотворительные инициативы, волонтерство, — получают высокий уровень общественного одобрения и воспринимаются как естественное продолжение национальной этической традиции. Вместе с тем в обществе сохраняется трезвый, самокритичный взгляд на собственное состояние: при декларируемой доброжелательности многие отмечают рост индивидуалистических настроений[136]. Это

[133] «Скажите, пожалуйста, насколько для Вас важны следующие стороны Вашей жизни?» (закрытый вопрос, один ответ по каждой строке, в % от всех опрошенных): «Возможности для творческой самореализации» — 71 % «скорее важно». Подробнее см.: Ценности молодежи // ВЦИОМ. 14.12.2022. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi (дата обращения: 10.11.2025 г.). Онлайн-опрос 29.06 – 08.07.2022 г. В опросе приняли участие граждане РФ в возрасте от 14 до 35 лет — 1592 опрошенных.

[134] См.: ВЦИОМ. 08.07.2025 г.

[135] «Лично для Вас религия в первую очередь — это...»: «Следование моральным и нравственным нормам» — 34 % (закрытый вопрос, до двух ответов, в % от всех опрошенных). Первое место — «Национальная традиция, вера предков» — 35 %. Подробнее см.: Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 09.06.2025 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025 (дата обращения: 10.11.2025 г.). Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ – Спутник» 12.05.2025 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. (далее — «Религия и общество: мониторинг» // ВЦИОМ. 09.06.2025 г.).

[136] «Как Вы думаете, люди чаще всего стремятся быть полезными другим или они думают только о себе?»: «Думают только о себе» — 56 % (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных). Подробнее см.: Доверие в России: мониторинг // ВЦИОМ. 21.08.2024 г.

ЕСЛИ ИДЕАЛЬНАЯ РОССИЯ БУДУЩЕГО — ЗДАНИЕ, ТО КАКОЕ?

Рис. 10[137]. С. № 69: «Если идеальная Россия будущего — здание, то какое?» — Образ России у молодежи // ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2023 г. ***(Результаты фокус-групп, 101 респондент).***

В фокус-группах идеальный образ будущей России молодежь связывает прежде всего с развитием, знаниями, прогрессом. На первых местах мы видим «Небоскреб» и «Университет (библиотека)».

77

ЕСЛИ ИДЕАЛЬНАЯ РОССИЯ БУДУЩЕГО — ОТРАСЛЬ, ТО КАКАЯ?

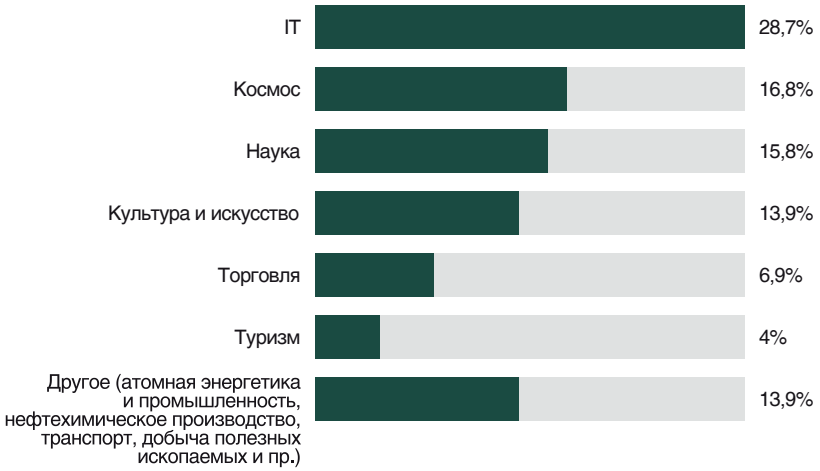


Рис. 11[138]. С. № 67. «Если идеальная Россия будущего — отрасль, то какая?» — Образ России у молодежи // ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2023 г. ***(Результаты фокус-групп, 101 респондент).***

В фокус-группах идеальный образ будущей России неразрывно связан с технологическим развитием, просвещением, творчеством.

[137] С. № 69: «Если Россия — здание, то какое?» Подробнее см.: Образ России у молодежи // ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2023 г.

[138] С. № 67: «Если идеальная Россия будущего — отрасль, то какая?» Подробнее см.: Образ России у молодежи // ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2023 г.

не столько подрывает значимость идеала, сколько подчеркивает существование ценностной задачи — сократить дистанцию между желаемым образцом и реальными практиками.

Ценность созидания (созидательного труда, творчества) в современной России претерпевает трансформацию. По данным опросов, около 15 % респондентов сегодня прямо называют созидательный труд одной из ключевых жизненных ценностей (см. рис. 1)[139], формируя устойчивое ядро носителей трудовой этики. В отличие от советского периода, когда идеал ударного труда задавался как массовый культ, нынешние поколения чаще интерпретируют труд через призму личного благополучия и профессиональной самореализации. При этом созидание в широком смысле — как стремление улучшать повседневную среду, развивать страну, вкладываться в будущее — в общественном сознании сохраняет однозначно позитивный статус. Поддержка модернизации инфраструктуры, участие в волонтерских и проектных инициативах, локальных гражданских практиках возникает там, где люди видят конкретный, осязаемый результат.

ЕСЛИ ИДЕАЛЬНАЯ РОССИЯ БУДУЩЕГО — СКУЛЬПТУРА, ТО КАКАЯ?

Рис. 12[140]. С. № 6. «Если идеальная Россия будущего — скульптура, то какая?» — Образ России у молодежи // ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2023 г. ***(Результаты фокус-групп, 101 респондент).***

В фокус-группах идеальный образ будущей России тесно связан с темой покорения космоса и скульптурой «Покорителям космоса». Это демонстрирует запрос в обществе, особенно среди молодежи, на «большую мечту», общенациональную цель и коллективное созидание.

Одновременно в массовых ожиданиях фиксируется запрос на «большую мечту» — на образ национального развития, который консолидировал бы общество и позволял соотносить личные усилия с долгосрочными целями страны. В этом качестве россияне нередко называют освоение космоса, технологический прорыв, построение

[139] См.: ВЦИОМ. 08.07.2025 г.

[140] С. № 6: «Если идеальная Россия будущего — скульптура, то какая?» Подробнее см.: Образ России у молодежи // ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2023 г.

более справедливого и солидарного общества (см. рис. 12) — те направления, с которыми связывается традиционная для России установка на созидательный труд и коллективное усилие.

Через эту связку ежедневного труда и образа желаемого будущего становится понятной логика четвертой группы ценностей (открытость, вера, всеохватность). Всеохватность как ценностное понятие связана с идеей великой цели, которая объединяет народ и придает смысл существованию страны — условной «русской мечты». Эта ценность наиболее трудно измерима социологически: в явном виде она фиксируется через запрос на национальную идею, однако в косвенной форме присутствует во многих значимых для россиян ориентирах — в ценности сильной семьи, справедливого и заботливого государства, уважения к истории и служения Родине. Во всех этих мотивах присутствует интуиция общей судьбы и общего будущего, которая выступает неотъемлемым элементом единого ценностного пространства, объединяющего различные социальные группы и регионы страны.

Содержательно четвертая группа отражает два дополняющих друг друга взгляда на место России в мире. С одной стороны, значимая часть граждан воспринимает страну как неотъемлемую часть большой цивилизации, открытую к культурному обмену, научно-технологическому сотрудничеству и участию в международных проектах. Для этой аудитории естественна установка: Россия использует мировое пространство как ресурс развития, перенимая лучшее и при этом оставаясь самостоятельным центром притяжения. С другой стороны, столь же заметна позиция, в фокусе которой — особый путь России, ее цивилизационная самобытность и право опираться на собственные ценности, а не на заимствованные модели. Здесь на первый план выходят мотивы суверенности, защиты культурного кода и сохранения традиционного уклада от унифицирующего давления глобализма. В результате идея всеохватности проявляется и как открытость к миру, и как забота о целостности собственной цивилизации: обе линии сходятся в ожидании сильной, уважаемой и ответственной России, задающей свои правила участия в глобальных процессах.

Социологические данные показывают, что ориентации на открытость и на особый путь распределяются не хаотично, а в привязке к социально-демографическому профилю. Установки на большую внешнюю открытость чаще артикулируются молодежью, высокообразованной частью общества и представителями креативных индустрий, тогда как старшие и более консервативные группы сильнее акцентируют традиционализм и закрытость. При этом обе позиции сходятся в общем ожидании: Россия должна оставаться сильным, уважаемым и самостоятельным участником мировых процессов, выстраивая диалог «на своих правилах», а не в роли зависимого ведомого игрока (см. рис. 13, 14).

Рис. 13 фиксирует важный для рассматриваемой группы момент: вера в будущее связана прежде всего с собственной активностью граждан и с российскими институтами — семьей, образованием, государством, армией, а внешние акторы (помощь других стран, международные организации) занимают периферийное место. Тем самым идея открытости миру не противоречит, а, напротив, дополняет установку на опору на собственные силы.

В аналитическом плане это означает, что есть общая установка: Россия в перспективе не только сохранит, но и усилит свои пози-

ТОП–5

Аспекты, с которыми связывают надежды на лучшее будущее, %

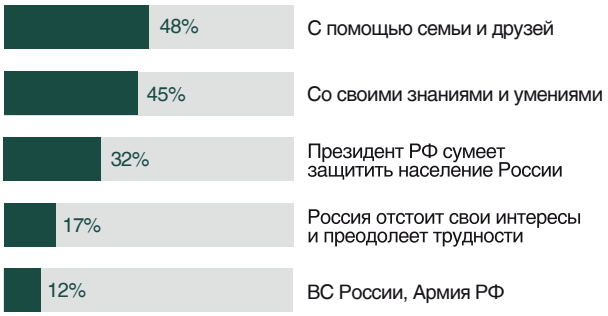
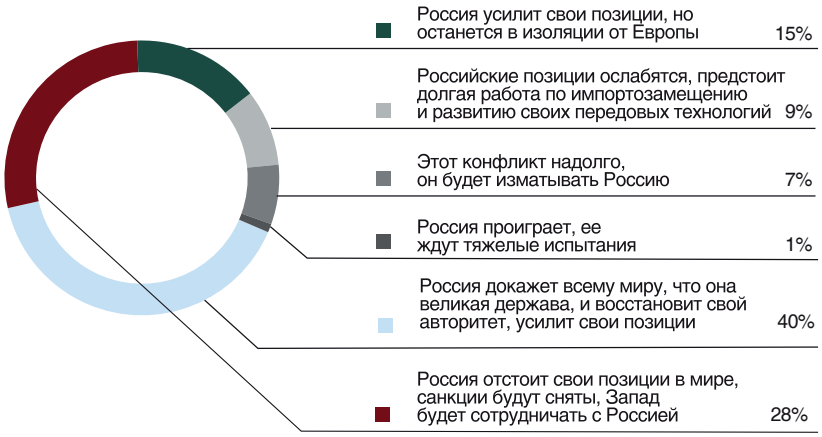


Рис. 13[141]. С. № 7. «Представление о будущем и его драйверах» — НИЦ «ЭОН», ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА», 2022 г.

Слайд демонстрирует, что общий эмоциональный фон по отношению к будущему преимущественно позитивен: 45 % респондентов смотрят вперед «с надеждой на улучшение», еще 20 % — «с оптимизмом, видя хорошие перспективы», тогда как доля откровенно пессимистичных настроений невелика. Основные источники надежд связаны с внутренними ресурсами российского общества: поддержкой семьи и друзей (48 %), собственными знаниями и умениями (45 %), а также с ролью государства — защитой населения со стороны Президента РФ (32 %), уверенностью, что Россия отстоит свои интересы и преодолеет трудности (17 %), и опорой на Вооруженные силы (12 %).

ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ



*Массовое социально-политическое сознание россиян уверено сориентировано на победу и только на победу (это ось ценностно-психологического комплекса состояния массового сознания современной России) и все варианты отклонений от этого политического маршрута создают очень серьезные риски социально-психологического состояния общества.

Рис. 14[142]. С. № 8. «Возможные варианты решения сложившейся ситуации» — НИЦ «ЭОН», ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА», 2022 г.

Слайд показывает, что массовые представления о развитии России также окрашены в оптимистичные, проактивные сценарии. Для 40 % опрошенных наиболее вероятным видится вариант, при котором Россия докажет миру статус великой державы, восстановит авторитет и укрепит позиции; еще 28 % ожидают, что страна отстоит свои интересы, санкции будут сняты и Запад вернется к сотрудничеству с Россией. 15 % считают, что Россия усилит свои позиции, но останется в определенной изоляции от Европы. Негативные сценарии — долгий изматывающий конфликт (7 %), ослабление позиций (9 %) или поражение России (1 %) — остаются маргинальными.

[141] С. № 7. Подробнее см.: НИЦ «ЭОН», ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2022 г.

[142] С. № 8. Подробнее см.: НИЦ «ЭОН», ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». 2022 г.

ции в мире. Различия касаются скорее предпочтительной модели взаимодействия с внешним миром — от полноценной интеграции до более сдержанного сотрудничества. Именно в этом напряженном, но конструктивном диалоге между открытостью и охранением и формируется современный российский образ будущего.

Вера и религиозность занимают особое место в структуре ценностного блока, поскольку задают моральную рамку, поддерживают межпоколенческую преемственность и выступают одним из ресурсов общественной интеграции в многонациональной и многоконфессиональной России. По данным мониторинга ВЦИОМ «Религия и общество»[143], большинство россиян считает себя людьми верующими: 67 % респондентов относят себя к православным христианам; ислам называют своей религией 7 % опрошенных. Малые доли приходятся на другие конфессии (по 1 % — буддизм и протестантизм; доли католицизма и иудаизма в данной выборке составляют менее 1 %). При этом 3 % характеризуют себя как верующих без принадлежности к конкретной конфессии, 4 % колеблются между верой и неверием, 11 % относят себя к неверующим; 4 % выбирают вариант «другое», 2 % затрудняются ответить (см. рис. 15). Важно подчеркнуть, что данные фиксируют именно самоидентификацию респондентов, а не степень их религиозной практики.

Отдельно подчеркивается рост интереса к религии и православной традиции среди молодежи 18 — 24 лет, что свидетельствует о том, что религиозная тематика для нового поколения не является «реликтом прошлого», а включается в поиск личных и коллективных смыслов (см. рис. 16)[144].

В массовом сознании православие воспринимается не только как конфессиональная принадлежность, но и как важный элемент национальной культуры и морального кода: религия выступает для значимой части населения источником нравственных ориентиров, доброжелательности, милосердия и ответственности за ближнего[145]. При этом российское общество остается светским и полиэтничным: в нем сосуществуют различные религиозные традиции (прежде всего православие и ислам), а идея уважения к многообразию конфессий и отказ от превращения какой-либо одной религии в государственную идеологию воспринимается как важное условие общественной гармонии. В практическом плане степень религиозной вовлеченности может варьировать от регулярного участия в церковной жизни до преимущественно «культурной» самоидентификации, однако публично уважительное отношение к вере и религиозным институтам выступает в качестве широко разделяемой социальной нормы[146].

[143] «Последователем какого мировоззрения или религии Вы себя считаете?» (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных): на первом месте «Православия» — 67 % (2025 г.), а, например, «Неверующим» — 11 % (2025 г.). Подробнее см.: Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 09.06.2025 г.

[144] «Лично для Вас религия в первую очередь — это...»: «Часть мировой культуры истории» — 48 % (2001 г.р. и позднее) (закрытый вопрос, до двух ответов, в % от всех опрошенных) и др.; Людмила Б. Экспертный комментарий по результатам исследования. Подробнее см.: Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 09.06.2025 г.

[145] «Лично для Вас религия в первую очередь — это...»: «Следование моральным и нравственным нормам» — 34 % (закрытый вопрос, до двух ответов, в % от всех опрошенных) и др. Подробнее см.: Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 09.06.2025 г.

[146] «Лично для Вас религия в первую очередь — это...» «Национальная традиция, вера предков» — 35 %, «Часть мировой культуры и истории» — 28 % (закрытый вопрос, до двух ответов, в % от всех опрошенных) и др. Подробнее см.: Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 09.06.2025 г.

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Православия	75	72	70	68	66	68	68	66	67
Ислама	6	6	5	5	6	6	5	6	7
Буддизма	0	1	1	0	1	0	1	1	1
Протестантизма (пятидесятничества, адвентизма, лютеранства, союза евангельских христиан-баптистов и другое)	1	0	1	0	1	1	2	1	1
Католицизма	0	1	0	0	0	0	1	0	0
Иудаизма	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Являюсь верующим, но какой-либо конкретной конфессии не принадлежу	4	3	3	3	4	4	4	4	3
Колеблюсь между верой и неверием	5	6	6	5	6	4	5	3	4
Неверующим	7	8	12	12	14	12	11	13	11
Другое	-	-	2	5	2	4	3	5	4
Затрудняюсь ответить	2	3	0	2	0	1	0	1	2

Рис. 15[147]. Религия и общество: мониторинг (ВЦИОМ, 09.06.2025 г.)

Динамика религиозной самоидентификации россиян (вопрос: «Последователем какого мировоззрения или религии Вы себя считаете?», закрытый вопрос, один ответ; % от всех опрошенных) за 2017—2025 гг. На протяжении всего периода доминирует православная идентичность (67 % в 2025 г.; 75 % в 2017 г.), далее следуют ислам (7 % в 2025 г.; 5—6 % в предыдущие годы) и прочие конфессии, доли которых, как правило, находятся в пределах 0—2 %. Доля неверующих в 2025 г. составляет 11 % (в 2017 г. — 7 %), еще 4 % колеблются между верой и неверием, 3 % называют себя верующими без конфессиональной принадлежности, 4 % выбирают вариант «другое», 2 % затрудняются ответить.

	Все опрошенные	Поколение цифры (зумеры) (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992—2000)	Старшие миллениалы (1982—1991)	Реформенное поколение (1968—1981)	Поколение застоя (1948—1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Национальная традиция, вера предков	35	31	29	39	33	38	31
Следование моральным и нравственным нормам	34	28	33	36	35	35	31
Личное спасение, общение с Богом	28	15	30	31	36	23	21
Часть мировой культуры и истории	28	48	33	24	28	22	28
Соблюдение всех религиозных обрядов, участие в церковной жизни	5	3	6	5	4	5	5
Предрассудок	5	13	8	4	4	3	3
Другое	7	6	6	8	8	7	7
Затрудняюсь ответить	7	6	7	5	5	9	10

Рис. 16[148]. «Религия и общество: мониторинг» (ВЦИОМ, 09.06.2025 г.)

Смысловые интерпретации религии в массовом сознании в разрезе поколений (вопрос: «Лично для Вас религия в первую очередь — это...», закрытый вопрос, до двух ответов; % от всех опрошенных). Поколенческий профиль фиксирует заметный сдвиг в молодежной группе: среди зумеров (2001 г.р. и позднее) религия значительно чаще трактуется как часть мировой культуры и истории (48 %), тогда как акцент на личном спасении выражен слабее (15 %), а доля тех, кто рассматривает религию как предрассудок, выше (13 %) по сравнению со старшими когортами (3—4 %).

[147] «Последователем какого мировоззрения или религии Вы себя считаете?» Методика: всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ — Спутник» (12.05.2025; N=1600; 18+; телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке мобильных номеров; данные взвешены по социально-демографическим параметрам; предельная погрешность 2,5 % при доверительной вероятности 95 %). Подробнее см.: Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 09.06.2025 г.

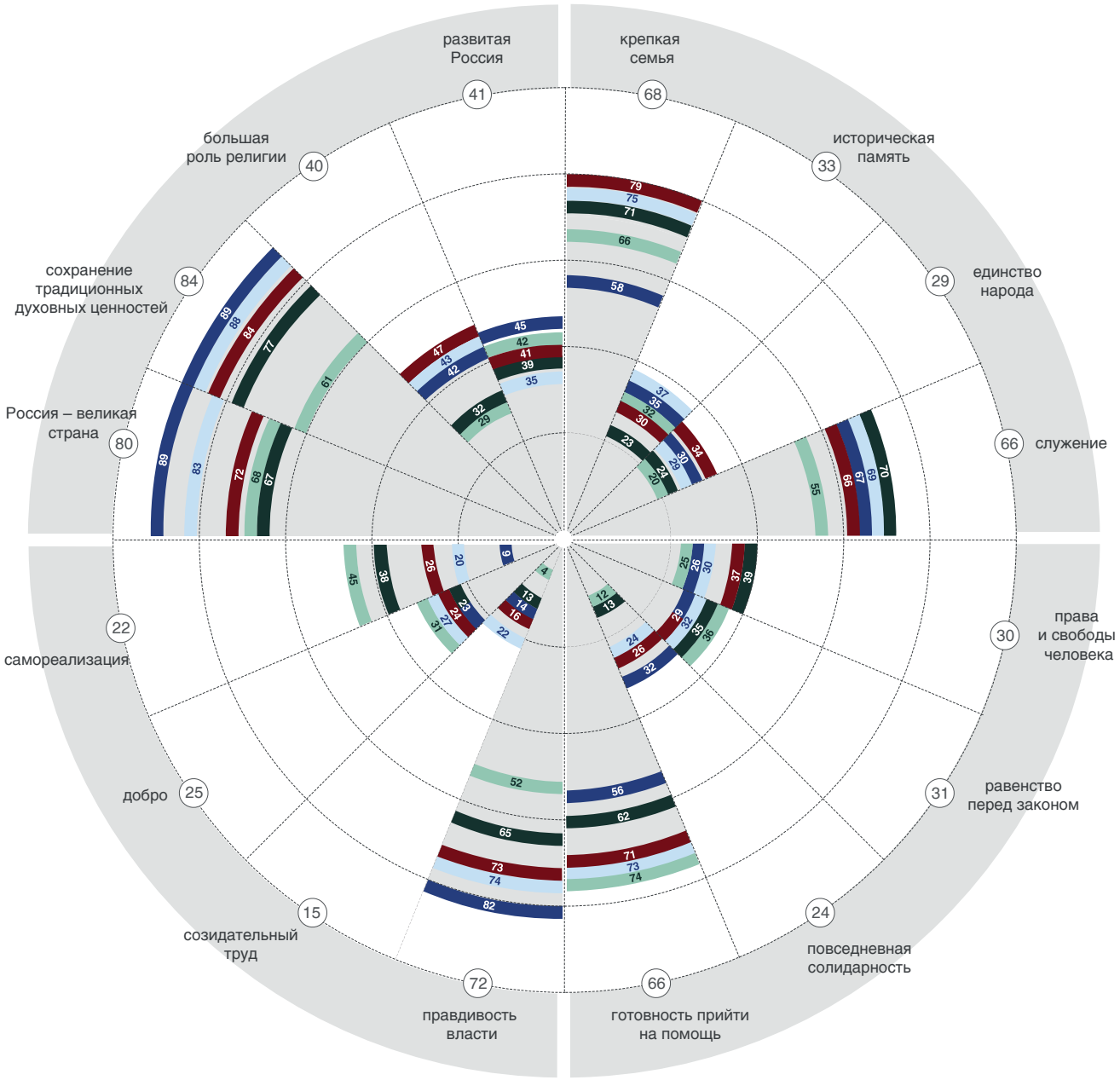
[148] «Лично для Вас религия в первую очередь — это...» Методика: всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ — Спутник» (12.05.2025; N=1600; 18+; телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке мобильных номеров; данные взвешены по социально-демографическим параметрам; предельная погрешность 2,5 % при доверительной вероятности 95 %). Подробнее см.: Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 09.06.2025 г.

Сравнительная поддержка ценностей

Для наглядного сравнения уровня социологической поддержки ценностей и выраженности общественных запросов к ним приведем обобщенные показатели из опросов (рис. 17).

Сопоставление интегрального уровня поддержки четырех укрупненных ценностных блоков, выраженности общественного запроса по отдельным позициям и возрастных различий позволяет зафиксировать ключевую закономерность: чем выше степень укорененности той или иной ценности в массовом сознании, тем ниже выражен декларируемый дефицит по отношению к ней. При этом позиции, вынесенные на рисунок, выполняют функцию не буквального воспроизведения названий блоков, а их эмпирической конкретизации. Так, блок «государство, семья, патриотизм, служение, сила» раскрывается через установки на крепкую семью, историческую память, единство народов России и служение. Блок «воля, справедливость, солидарность» — через права и свободы человека, повседневную солидарность, равенство перед законом и готовность прийти на помощь. Блок «правда, знание, добро, созидание» — через самореализацию, созидательный труд, добро и правдивость власти. Блок «открытость, вера, всеохватность и национальная идея» — через сохранение традиционных духовных ценностей, роль религии, образ развитой России и представление о России как великой стране. Следовательно, рисунок фиксирует не разрозненный набор ценностных предпочтений, а структуру, в которой каждый эмпирический показатель выступает маркером более широкого мировоззренческого комплекса. Наиболее устойчивое положение занимает первый блок — «государство, семья, патриотизм, служение, сила», который закономерно выступает межвозрастным лидером. Его доминирование обеспечивается высокой нормативной самоочевидностью семьи как базовой формы социальной устойчивости, значимостью исторической памяти как механизма межпоколенческой преемственности, ценностью единства народов России как основания гражданской целостности и служения как формы включенности в общее дело. Именно в этом блоке особенно отчетливо проявляется указанная выше закономерность: сравнительно менее выраженный запрос по ряду позиций не свидетельствует об их ослаблении, а, напротив, указывает на их глубокую внутреннюю освоенность и восприятие как ценностей «по умолчанию». Второй блок — «воля, справедливость, солидарность» — функционально примыкает к первому и дополняет его: воля раскрывается здесь как свобода достойного выбора, справедливость — как запрос на равенство перед законом и морально оправданный порядок, солидарность — как повседневная взаимопомощь и готовность к совместному действию. Возрастные различия в данном случае отражают не ценностный раскол, а различие поколенческих акцентов внутри общей российской нормативной рамки. Несколько иная конфигурация характерна для третьего блока — «правда, знание, добро, созидание». Здесь заметнее не столько дефицит самих ценностей, сколько повышенный общественный запрос на формы их практического воплощения. Самореализация и созидательный труд выражают ориентацию на деятельное участие в развитии страны. Добро сохраняет статус устойчивой нравственной константы, а правдивость власти фиксирует высокую общественную чувствительность к проблеме

ЦЕННОСТНЫЕ ГРУППЫ РОССИИ: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАПРОС



ГРУППА 1

1 – Россия – великая страна
2 – сохранение традиционных духовных ценностей
3 – большая роль религии
4 – развитая Россия

ГРУППА 2

5 – крепкая семья
6 – историческая память
7 – единство народов России
8 – служение

ГРУППА 3

9 – права и свободы человека
10 – равенство перед законом
11 – повседневная солидарность
12 – готовность прийти на помощь

ГРУППА 4

13 – правдивость власти
14 – созидательный труд
15 – добро
16 – самореализация

Рис. 17[149]. Сравнительный уровень социальной поддержки ценностей.

На рисунке представлены четыре укрупненные ценностные группы российского общества, которые мы анализируем в настоящей работе. Показан интегральный уровень общественной поддержки каждого блока и доля респондентов, декларирующих запрос на конкретные ценностные установки, учитывая возрастные различия. По большинству позиций использован единый поколенческий срез[150]. По некоторым позициям возрастное различие представлено через пять возрастных групп 18 – 24, 25 – 34, 35 – 44, 45 – 46, 60+. Первый блок является безусловным межвозрастным лидером в сравнении с другими. Основной остается ценность «крепкой семьи»: в целом ее выбирают 68 % опрошенных, а в поколенческом срезе показатели составляют 66 % среди поколения цифры (2001 г. и позднее), 71 % среди младших миллениалов (1992 – 2000 гг.), среди старших миллениалов (1982 – 1991 гг.) 79 %, среди реформенного поколения (1968 – 1981 гг.) 75 %, среди поколения застоя (1948 – 1967 гг.) 58 % и среди поколения оттепели (до 1947 г.) 50 %. Общая нагрузка на ценностные позиции рассчитана как среднее арифметическое показателей, агрегированных по гендерной структуре выборки (не представленной в данной иллюстрации)[151]. «Историческая память», вынесенная на рисунке как 33 % следует схожей траектории, что аналогично выражено в поколенческом срезе: 32 %, 23 %, 30 %, 37 %, 35 % и 34 % соответственно[152]. Сходную линию выдерживает и ценность «единства народов России» — 29 %: 20 %, 24 %, 34 %, 29 %, 30 % и 33 % соответственно Подробнее см.: Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 08.07.2025 г.. Поддержка «служения» составляет 66 % в целом, с более ровными и выраженными значениями в средних и старших возрастах: 48 % (14 – 17лет), 55 % среди 18 – 24 лет, 70 % среди 25 – 34 лет, 66 % среди 35 – 44 лет, 69 % 45 – 59 лет и 67 % — 60 лет и старше[153]. Во втором и третьем блоках наиболее отчетливо проявляется возрастная дифференциация. «Права и свободы человека» чаще выбирают группы 25 – 44 лет при общих 30 %: 25 % среди поколения цифры, 39 % среди младших миллениалов, 37 % среди старших миллениалов, 30 % среди реформенного поколения, 26 % среди поколения застоя и 22 % среди поколения оттепели[154]. «Повседневная солидарность» возрастает по мере взросления при общем значении 24 %: 12 % среди 18 – 24, 13 % среди 25 – 34, 26 % среди 35 – 44, 24 % среди 45 – 59 и 32 % среди 60 и более лет[155]. «Равенство перед законом» устойчива во всех возрастных группах с общим значением 31 %: 36 % среди 18 – 24, 35 % 25 – 34, 29 % 35 – 44, 32 % 45 – 59 и 29 % среди 60 лет и старше[156]. Отдельно стоит отметить «готовность прийти на помощь» с общими 66 % и практически неизменной стабильностью по возрасту: 74 %, 62 %, 71 %, 73 % и 56 % соответственно[157]. Еще более яркий молодежный профиль имеет «самореализация» — 22 % в целом, но в поколенческом разрезе снижается от 45 % (поколение цифры) и 38 % (младшие миллениалы) до 26 % (старшие миллениалы), 20 % (реформенное поколение), 9 % (поколение застоя) и 8 % у поколения оттепели[158]. «Созидательный труд» демонстрирует умеренный профиль с общими 15 % (4 % поколение цифры, 13 % мл. миллениалы, 16 % ст. миллениалы, 22 % реформенное поколе-

[149] Иллюстрация авторов-экспертов Философского клуба «Цивилизационное будущее России» Спартака С.А. Данные по материалам 2022 – 2025 гг., используемые в настоящей работе: ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА», НИЦ «ЭОН», АЦ «ВЦИОМ». Исследования ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА»: Образ России у молодежи (2023), Восприятие семьи молодежью России (2024), Проблема молодежных объединений и групп: молодежная коммуникация и солидарность (2024). ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА» совместно с НИЦ «ЭОН»: Современные ценностные установки и ориентиры жителей регионов России (2022). АЦ «ВЦИОМ»: Традиционные ценности: ожидание и реальность (08.07.2025), День России — 2025 (11.06.2025), Религия и общество: мониторинг (09.06.2025), Фронт и тыл на четвертом году СВО (21.10.2025), Семья в системе российских ценностей (22.11.2024), Доверие в России: мониторинг (21.08.2024), День России — 2024 (11.06.2024), Традиционные ценности, современные цели (30.11.2023); «Нужно доверять друг другу! Или нет?» (29.06.2023), Ценности молодежи (14.12.2022).

[150] Там, где ВЦИОМ использует поколенческую модель, под поколением цифры понимаются респонденты 2001 г. р. и позднее (примерно 18 – 24 года на момент опроса 2025 г.), под младшими миллениалами — 1992 – 2000 гг. р. (примерно 25 – 33 года), под старшими миллениалами — 1982 – 1991 гг. р. (34 – 43 года), под реформенным поколением — 1968 – 1981 гг. р. (44 – 57 лет), под поколением застоя — 1948 – 1967 гг. р. (58 – 77 лет), под поколением оттепели — респонденты до 1947 г. р. (78+).

[151] Подробнее см.: Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 08.07.2025 г.

[152] Подробнее см.: Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 08.07.2025 г.

[153] «Как Вы думаете, почему люди участвуют в волонтерской (добровольческой) и общественной деятельности?»: «Желание чувствовать себя полезным членом общества», все опрошенные — 66 % и др. // «ВЦИОМ». Волонтерство и добровольчество как ресурс социального развития. 08.12.2025 г. Всероссийский интернет-опрос «ВЦИОМ-Онлайн» проведен 15-17.11.2025 г. В опросе приняли участие 2400 россиян в возрасте от 14 лет. Метод опроса — интернет-опрос по формализованной анкете на базе вероятностной панели «ВЦИОМ-Онлайн». Участники панели рекрутируются в ходе ежедневного всероссийского телефонного опроса «Спутник», который проводится по случайной выборке мобильных номеров из полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Подробнее см.: Волонтерство и добровольчество как ресурс социального развития // ВЦИОМ. 08.12.2025 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-i-dobrovolchestvo-kak-resurs-socialnogo-razvitija (дата обращения: 01.03.2026 г.) (Далее — ВЦИОМ. 08.12.2025 г.).

[154] Подробнее см.: Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 08.07.2025 г.

[155] Подробнее см.: Доверие в России: мониторинг // ВЦИОМ. 21.08.2024 г.

[156] «Скажите, пожалуйста, в чем, на Ваш взгляд, состоит социальная справедливость?»: «В равенстве всех перед законом», все опрошенные — 31 % и др. // «ВЦИОМ». Социальная справедливость: мониторинг. 27.02.2024 г. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник». В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Подробнее см.: Социальная справедливость: мониторинг // ВЦИОМ. 27.02.2024 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring (дата обращения: 01.03.2026 г.) (Далее — ВЦИОМ. 27.02.2024 г.).

[157] «Скажите, пожалуйста, Вы лично скорее готовы или скорее не готовы в качестве волонтера, то есть добровольно и безвозмездно, помогать другим людям или организациям в свободное время?»: «Скорее готов», все опрошенные — 66 % и др. // «ВЦИОМ». Волонтерство в России: мониторинг. 23.07.2025 г. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник» 01.06.2025 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Подробнее см.: Волонтерство в России: мониторинг // ВЦИОМ. 23.07.2025 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring (дата обращения: 01.03.2026 г.) (Далее — ВЦИОМ. 23.07.2025 г.).

[158] Подробнее см.: Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 08.07.2025 г.

ние, 14 % поколение застоя и 8 % поколение оттепели), тогда как «добро» выделяется, оставаясь межвозрастно устойчивой нравственной константой с общими 25 % : 31 %, 23 %, 24 %, 27 %, 23 % и 24 % соответственно[159]*. Ценность «правдивости власти» показывает высокий общественный запрос с 72 % : 52 % (18 — 24), 65 % (25 — 34), 73 % (35 — 44), 74 % (45 — 59) и 82 % (60+)*[160]*. Четвертый блок демонстрирует наиболее выраженный уровень общественного запроса. Важность «сохранения традиционных духовных ценностей» в целом разделяют 84 % россиян. По поколениям этот показатель возрастает от 61 % у поколения цифры, 77 % у младших миллениалов до 84 % у старших миллениалов, 88 % у реформенного поколения, 89 % у поколения застоя и 93 % у поколения оттепели*[161]*. Запроса на «роль религии» усиливается по мере взросления с общими 40 % : запрос проходит путь от 29 % (18 — 24) и 32 % (25 — 34) в двух младших группах до 47 % (35 — 44), 43 % (45 — 59) и 42 % (60+) в средних и старших возрастах*[162]*. Относительно средние и устойчивые значения имеет запрос на «развитую Россию» с общими 41 % : 42 % у цифры, 39 % младших миллениалов, 41 % старших миллениалов, 35 % реформенного поколения, 45 % поколения застоя и 44 % оттепели*[163]*. Наконец, запрос на образ «Россия — великая страна» очень высок с общими 80 % : 68 % у цифры, 67 % у младших миллениалов, 72 % старших миллениалов, 83 % реформенного поколения, 89 % у поколения застоя и 89 % у оттепели*[164]*.*

[159] Подробнее см.: Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 08.07.2025 г.

[160] «Как Вы считаете, следует или не следует усилить контроль граждан и их объединений за выполнением органами власти своих обязанностей и обязательств?»: «Контроль следует усилить», все опрошенные — 72 % и др. // «ВЦИОМ». Страна неравнодушных. 13.05.2021 г. Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» 02.05.2021 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Подробнее см.: Страна неравнодушных // ВЦИОМ. 13.05.2021 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strana-neravnodushnykh (дата обращения: 01.03.2026 г.) (Далее — ВЦИОМ. 13.05.2021 г.).

[161] Подробнее см.: Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 08.07.2025 г.

[162] «Какую роль в Вашей жизни играет религия?»: «Очень важную» и «Довольно важную», — 15 % и 25 % соответственно и др. // «ВЦИОМ». Религия и общество: мониторинг. 27.07.2023 г. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник» 15.07.2023 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Подробнее см.: Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 27.07.2023 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring (дата обращения: 01.03.2026 г.) (Далее — ВЦИОМ. 27.07.2023 г.).

[163] Подробнее см.: ВЦИОМ. 11.06.2025 г.

[164] Подробнее см.: ВЦИОМ. 11.06.2025 г.

соответствия между провозглашаемыми принципами и реальными управленческими практиками. Поэтому данный блок следует интерпретировать как пространство смыслового и институционального дооформления: общество не ставит под сомнение значимость правды, знания, добра и созидания, но ожидает их большей убедительности в публичной политике, социальной организации и повседневной жизни. Наиболее выраженный уровень ценностного запроса концентрируется в четвертом блоке — «открытость, вера, всеохватность и национальная идея». Его эмпирическое раскрытие через сохранение традиционных духовных ценностей, роль религии, образ развитой России и представление о России как великой стране показывает, что массовое сознание стремится соединить духовно-нравственную преемственность с образом исторически масштабного и устремленного в будущее национального проекта. Для старших поколений этот блок чаще связан с религиозно-культурной опорой, традицией и моральным порядком; для младших — с развитием, перспективой и образом сильной России, открытой миру на собственных суверенных основаниях. В этом смысле различие между поколениями проходит не по линии противопоставления традиции и модернизации, а по линии разных способов их синтеза. В целом рисунок показывает, что первые два блока образуют нормативное ядро российского ценностного консенсуса, тогда как третий и четвертый обозначают зоны наиболее интенсивного общественного ожидания, в которых ценности уже признаны, но требуют более полного символического и практического осуществления.

Демографические и региональные различия

Анализ ценностных ориентаций российского населения показывает, что при общей устойчивости базовых установок заметны определенные различия между поколениями, уровнями образования и регионами проживания. Молодежь (примерно до 30 лет) в целом разделяет фундаментальные ценности старших — привязанность к семье, чувство гордости за свою страну, ожидание справедливости, — но чаще дополняет их установками на самореализацию, мобильность и широкий горизонт жизненных возможностей. По данным ВЦИОМ, в жизненных целях россиян 18—24 лет наряду с семейным благополучием значимыми выступают высокий уровень материального и профессионального успеха, а также желание приносить пользу обществу через участие в общественной жизни[165]. В этом смысле молодое поколение ориентировано не столько на отказ от традиций, сколько на активное действие и преобразование действительности.

Особенность молодежных установок заключается в стремлении соединить традиционное и современное. Для большинства молодых людей важны семья, дружба, личное достоинство, чувство сопричастности своей стране; одновременно они подчеркивают ценность свободы выбора, самовыражения и справедливых «правил игры» в общественной сфере. Согласно опросам, сохранение

[165] Подробнее см.: ВЦИОМ. 08.07.2025 г.

традиционных моральных, национальных и религиозных ценностей считают важным 54 % россиян 18 — 24 лет и 92 % респондентов старше 60 лет, что отражает не разрыв, а различие акцентов: молодые чаще делают ставку на развитие и изменения, старшие — на преемственность и стабильность[166]. При этом о «конфликте поколений» речь не идет: базовый консенсус вокруг семьи, сильной и мирной России, идеи справедливости сохраняется.

С уровнем образования и степенью включенности в информационную среду связаны различия в акцентах и способах аргументации. Так, исследования медиапотребления фиксируют устойчивые различия по образовательным группам: респонденты с высшим образованием чаще получают новости из интернет-изданий, социальных сетей и телеграм-каналов, тогда как среди респондентов со средним образованием и ниже выше доля ориентированных на телевидение как основной источник новостей (см. рис. 18).

Такая «развилка» важна для интерпретации ценностных различий: более разнообразная информационная среда в большей степени подталкивает к самостоятельному сопоставлению источников и к запросу на процедурную прозрачность (доступ к информации, понятные правила и работа институтов). Дополнительно, по данным мониторинга ВЦИОМ, Конституция как основной «код прав и свобод» лучше знакома гражданам с высшим образованием, что также повышает «порог внимания» к институциональным гарантиям (см. рис. 19). В ценностном плане это чаще проявляется в повышенной значимости самореализации, интересной работы, свободы творчества и гражданского участия у более образованных и урбанизированных групп.

Менее образованные и сельские группы в большей степени опираются на традиционные авторитеты — семью, местное сообщество, государственные и религиозные институты — и выше ценят устойчивость привычного уклада и социальную защищенность. При этом для обеих групп значимы идеи справедливости и национального достоинства, но интерпретируются они несколько по-разному: одни делают акцент на правах личности и равенстве перед законом, другие — на социальном порядке, взаимной поддержке и ответственности государства перед гражданами.

Региональные особенности ценностей в значительной мере отражают масштаб и многообразие России. Условно можно говорить о существовании более секулярной и урбанистической культуры крупных центров и более традиционно-патриархальной культуры

[166] «Отметьте, насколько для Вас важно видеть Россию будущего именно такой... Страной, сохранившей традиционные моральные, национальные, религиозные ценности?»: (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных, 18 — 19.03.2023 г. ВЦИОМ Онлайн). Возрастной профиль демонстрирует устойчивый рост значимости традиционных ценностей с возрастом: в группе 18 — 24 года 54 % считают их сохранение важным (43 % — не важным), в группе 25 — 34 года — 62 % (34 %), в 35 — 44 года — 82 % (16 %), в 45 — 59 лет — 88 % (10 %), а среди респондентов 60 лет и старше — 92 % (6 %). Таким образом, во всех социально-демографических группах большинство связывает образ России будущего с сохранением традиционных моральных и национально-религиозных основ, при заметном акценте на них у старших поколений. Подробнее см.: Традиционные ценности, современные цели // ВЦИОМ. 30.11.2023 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi (дата обращения: 10.11.2025 г.). Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ — Спутник» / Всероссийский интернет-опрос ВЦИОМ «ВЦИОМ — Онлайн», проведен 03.10.2023 г. / 18 — 19.03.2023 г. В опросах приняли участие по 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Предельная погрешность с вероятностью 95 % не превышает 2,5 % (далее — Традиционные ценности, современные цели // ВЦИОМ. 30.11.2023 г.).

ИЗ КАКИХ ИСТОЧНИКОВ ВЫ ЧАЩЕ ВСЕГО УЗНАЕТЕ НОВОСТИ, ИНФОРМАЦИЮ?

Данные в % от групп

	Население в целом	Среднее общее образование и ниже	Среднее специальное образование	Высшее образование
Телевидение	56	60	60	47
Новостные сайты в интернете	42	33	40	52
Форумы, блоги, социальные сети, мессенджеры	31	27	27	39
Разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми	16	14	16	16
Радио	9	10	8	8
Печатная пресса (газеты, журналы)	6	4	6	8
Другое	1	1	1	1
Затрудняюсь ответить	1	1	1	1

Рис. 18[167]. «Из каких источников вы чаще всего узнаете новости, информацию?» (ФОМ, «Новостная информация и телевидение», 29.11.2024 г.)

Распределение ответов по образовательным группам фиксирует устойчивую медиасегментацию: при среднем общем образовании и ниже телевидение остается доминирующим источником новостей (60 %), тогда как у аудитории с высшим образованием его роль заметно ниже (47 %). Напротив, среди респондентов с высшим образованием сильнее выражена ориентация на цифровую новостную инфраструктуру: новостные сайты в интернете выбирают 52 % (против 33 % в группе со средним общим образованием и ниже и 40 % — со средним специальным), а форумы/блоги/социальные сети/мессенджеры — 39 % (против 27 % в обеих группах со средним образованием). Тем самым высшее образование выступает «переключателем медиарежима» — от преимущественно телевизионной повестки к более диверсифицированной цифровой среде, что создает разные условия для формирования доверия, интерпретации событий и ценностных аргументов.

ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ ИЗУЧАТЬ КОНСТИТУЦИЮ, ЗНАКОМИТЬСЯ С ЕЕ ОТДЕЛЬНЫМИ ПОЛОЖЕНИЯМИ ИЛИ НЕТ? ЕСЛИ ДА, ТО ГДЕ, ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ?

(закрытый вопрос, любое число ответов, % от тех, кто знает или имеет представление об основных положениях Конституции)

	Все опрошенные	Мужской	Женский	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60+ лет
Во время учебы в вузе	28	24	31	56	27	34	22	19
Во время учебы в школе	23	19	27	52	36	19	16	16
Изучал по личной инициативе	26	31	22	27	33	28	29	19
Изучал для работы	15	12	16	6	14	19	17	12
Не изучал Конституцию РФ	26	28	25	4	14	20	32	39
Другое	4	5	4	4	2	6	3	5
Затрудняюсь ответить	1	0	1	0	0	0	1	2

Рис. 19[168]. «Приходилось ли Вам изучать Конституцию, знакомиться с ее отдельными положениями или нет? Если да, то где, при каких обстоятельствах?» (ВЦИОМ, аналитический обзор «Конституция и жизнь», 12.12.2023 г.)

Данные показывают, что опыт знакомства с Конституцией распределен между институциональными каналами и самообразованием: 28 % респондентов указывают изучение «во время учебы в вузе», 25 % — «во время учебы в школе», 26 % — «по личной инициативе», 15 % — «для работы». Одновременно сохраняется значимая доля тех, кто сообщает, что Конституцию не изучал (26 %). Возрастной профиль фиксирует выраженную асимметрию правового просвещения: среди 18–24-летних доля ответов «не изучал Конституцию РФ» минимальна (4 %), а институциональные каналы максимально выражены (вуз — 56 %, школа — 52 %); напротив, в группе 60 лет и старше «не изучал» достигает 39 % при существенно более низких долях школьного (16 %) и вузовского (19 %) опыта. В совокупности это подтверждает, что образовательная траектория и поколенческая смена задают различный «порог внимания» к языку прав, свобод и институциональных гарантий — и, следовательно, различный стиль ценностной аргументации в публичной коммуникации.

многих регионов с сильными семейно-общинными и конфессиональными связями. В крупных городах чаще проявляется запрос на расширение гражданских свобод, прозрачные институты и единые «правила для всех», тогда как в малых городах и сельских территориях особенно высоко ценятся устойчивость, социальная сплоченность и уважение к государственной власти. В ряде регионов с устойчивыми религиозными и общинными традициями заметны более оптимистичные ожидания, высокая значимость многодетности, поддержки старшего поколения, что способствует сохранению моральных норм и практик взаимопомощи.

В результате можно говорить не о расколе, а о многообразии проявлений единого ценностного поля. В разных частях страны по-разному проявляются одни и те же базовые установки: где-то семья реализуется в форме больших родственных сетей и традиционных ролей, где-то — в акценте на качественном общении и развитии детей в условиях городской жизни; патриотизм может принимать более государственнический или более культурно-символический характер; религиозность — варьировать от высокой церковной вовлеченности до светского уважения к «духовным корням». При всех различиях ядро ценностей остается общим: семья, справедливость, достоинство и гордость за Родину образуют фундамент, на котором российское общество выстраивает разнообразные траектории развития и образ будущего страны.

Вызовы и потенциал укоренения ценностей

Социологические данные показывают: базовые ценности — семья, патриотизм, справедливость и др. — пользуются в России устойчивой и массовой поддержкой. Обнаруживаемые противоречия связаны не столько с отрицанием этих ориентиров, сколько с естественными напряжениями в обществе, проходящем этап активной ценностной консолидации. Разрыв между декларируемыми идеалами и повседневными практиками фиксирует не отказ от ценностей, а поле для дальнейшей работы.

Многообразие позиций по вопросам открытости миру, сохранения самобытности, роли религии или форм патриотизма отражает структурный плюрализм большой многонациональной страны, а не ее раскол. По сути, речь идет о поиске оптимального баланса между интеграцией в глобальные процессы и защитой собственного цивилизационного кода. При аккуратной государственной политике и развитом общественном диалоге такой плюрализм

[167] «Из каких источников вы чаще всего узнаете новости, информацию?» // ФОМ. Новостная информация и телевидение. 29.11.2024 г. По данным исследований ООО «инФОМ» в рамках заказа Фонда «Общественное мнение» (проект ФОМ-ОМ). В опросе участвовали 1500 респондентов — жителей 104 городских и сельских населенных пунктов в 53 субъектах РФ. Интервью в режиме Face-to-face проходили по месту жительства респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6 %. Доли ответов респондентов на вопросы анкеты округлены до целого числа. Сумма долей ответов на вопрос, на который респондент может дать/выбрать только один вариант ответа (включая позиции «затрудняюсь ответить»), может отклоняться от 100% на 1 процентный пункт из-за накопления погрешностей округления. URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/15104 (дата обращения: 07.02.2026 г.). Далее — ФОМ, 2024 г.

[168] «Приходилось ли Вам изучать Конституцию, знакомиться с ее отдельными положениями или нет? Если да, то где, при каких обстоятельствах?» // ВЦИОМ. Конституция и жизнь.

становится ресурсом — он позволяет вырабатывать более устойчивые и разделяемые большинством модели сочетания традиции и модернизации, гражданской лояльности и свободы мировоззрения. Критическое отношение части граждан к официальным носителям ценностной повестки можно интерпретировать не как размывание самих ценностей, а как запрос на повышение качества институтов, на пример личной ответственности и справедливости «сверху». Высокие ожидания от государства и элит в сфере справедливости, честности, служения обществу при адекватном ответе способны, напротив, укрепить доверие и сделать ценностный курс более убедительным и легитимным.

Напряжение между ценностями служения, солидарности, ответственности перед страной и растущим акцентом на личное благополучие во многом обусловлено глобальными культурными тенденциями. При этом российское общество сохраняет значительный потенциал взаимопомощи и мобилизации в критические периоды. Задача состоит не в противопоставлении индивидуального и коллективного, а в выработке специфически российской модели, где забота о семье, здоровье, личной самореализации органично сочетается с готовностью действовать в интересах Отечества и общего блага. Общность таких ценностей, как правда, добро, вера, подчеркивает необходимость их содержательной и институциональной конкретизации — в праве, системе образования, культурной и медийной политике. Развернувшаяся в России дискуссия о «традиционных ценностях» и их месте в общественной жизни уже работает в этом направлении. В условиях внешнего давления и информационной конкуренции более четкое раскрытие содержания этих ценностей превращается в фактор укрепления культурного и политического суверенитета, снижая риск их ситуативного и конъюнктурного использования.

В целом выявленные вызовы указывают: одного провозглашения ценностей действительно недостаточно, но именно они способны стать осевой рамкой долгосрочного развития страны. При последовательном подтверждении ценностей реальными управленческими решениями, расширении диалога с различными социальными группами и укреплении доверия к институтам потенциальные риски превращаются в ресурс модернизации. В этом контексте российский проект опоры на собственные духовно-нравственные основания предстает не как оборонительная реакция, а как позитивная стратегия утверждения национального достоинства и суверенного пути.

Заключение

Анализ социологического материала показывает, что массовое сознание россиян в целом благожелательно и устойчиво воспринимает заявленные ценностные ориентиры. Крепкая семья, любовь к Родине, стремление к справедливости, уважение к правде, духовность и милосердие выступают не абстрактными декларациями, а реально присутствующими установками. Традиционные ценности в значительной степени совпадают с народными приоритетами: семья остается главной жизненной опорой, большинство гордится своей страной и ее историей, ожидает от власти честности и справедливости, положительно относится к идеалам добра и взаимопо-

мощи. Сформировавшийся ценностный консенсус задает прочную основу общественного единства и создает благоприятные условия для развертывания национальной идеологии, опирающейся на собственные цивилизационные ориентиры России.

Выявленные в ходе исследования напряжения не отменяют этого консенсуса, а указывают на зоны развития. Общество не является монолитным: по ряду вопросов существуют меньшинства, иначе расставляющие акценты (выше ставящие личную свободу, комфорт, светский образ жизни и т.п.). Наблюдаемый разрыв между высокой декларируемой поддержкой ценностей и их практической реализацией часто связан с социально-экономическими условиями и исторически сложившимися управленческими практиками. Вместе с тем это не столько кризис, сколько сигнал о необходимости дальнейшего совершенствования институтов и восстановления доверия: граждане ожидают, что заявленные идеалы будут подтверждаться конкретными решениями государства и элит.

С политико-философской точки зрения текущая ситуация может быть описана как этап эволюционного синтеза традиции и модернизации. Российское общество стремится опереться на базовые ценности в период внешней турбулентности и одновременно осваивает плюралистическую современность, глобальные влияния, растущую индивидуализацию. В этих условиях особенно актуален запрос на обновление традиции: сохранить лучшее из наследия (семейность, патриотизм, духовность, служение), наполнив его содержанием, отвечающим вызовам XXI в. (справедливое и эффективное государство, уважение к личности, открытость к знаниям и миру без потери идентичности). Задача формирования национальной идеи вбирает в себя этот синтез: она должна быть интегративной, соединяющей различные ценностные акценты и социальные группы вокруг образа сильной, суверенной и справедливой России.

Практическое развитие ценностной повестки предполагает опору на уже существующую поддержку при дифференцированном подходе к разным социально-демографическим группам. Для молодежи важен язык возможностей, свободы и самореализации, демонстрирующий, как служение обществу и стране становится ресурсом личностного роста и расширения жизненного горизонта. Для старших поколений акцент делается на стабильности и преемственности, на том, что модернизация не разрушает базовые основания общественной жизни, а усиливает и защищает их. Содержательная насыщенность ценностей должна подтверждаться видимыми практиками: поддержкой семей, прежде всего многодетных; доступной социальной инфраструктурой; системной антикоррупционной политикой; реальным приоритетом справедливости в судопроизводстве; поощрением созидательного труда и общественно значимых инициатив. Важно также сохранять баланс между ценностями, избегая искусственных противопоставлений: свобода не отрицает патриотизм, духовность не противостоит прогрессу, а национальная идентичность сочетается с открытостью миру и технологическим развитием.

Перспективным представляется комплексный подход к работе с блоками ценностей. В сфере «государство, семья, патриотизм, служение, сила» ключевым является возвращение в образовательный и воспитательный процесс поощряемых социальных практик — добровольчества, участия в общественно значимых про-

ектах, школьного и студенческого самоуправления, где ценности осваиваются через личный опыт. Блок «воля, справедливость, солидарность» требует системного правового просвещения, поддержки межкультурного диалога и развития платформ общественного обсуждения. В области «правда, знание, добро, созидание» важны медиаграмотность, критическое мышление и создание доступных площадок для творчества, научных и социальных проектов. Наконец, блок «открытость, вера, всеохватность» предполагает укрепление сотрудничества религиозных организаций, научного сообщества и гражданского общества, а также реализацию долгосрочных национальных проектов, в которые включаются максимально широкие слои населения.

Суммарно предложенные меры направлены на то, чтобы сделать ценностную повестку конкретной, близкой повседневному опыту людей и тем самым преодолеть разрыв между высокой поддержкой ценностей на уровне декларируемых установок и трудностями их воплощения в практике. Гибкий, адресный и в то же время стратегически целостный подход позволяет учитывать многообразие российского общества, не разрушая, а укрепляя общенациональное единство целей.

В заключение отметим, что проведенный анализ показывает: при высокой поддержке заявленных ценностей ключевой задачей становится корректная их имплементация — в информационной политике, в системе воспитания и образования, в реальных действиях государства и институтов гражданского общества. От того, насколько последовательно и честно будут внедряться эти ценности, зависит, останутся ли они декларацией или превратятся в жизненно значимые ориентиры для большинства граждан. Это напрямую подводит к следующему исследованию — анализу медиапространства. Именно через медиа ценности ежедневно транслируются массовому сознанию и могут либо усиливать доверие и сплоченность, либо создавать ощущение искажения смыслов.

Список литературы

1. Публичные исследования и источники

1. ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». Образ России у молодежи. URL: https://new-era.space/center/nir/678/?ysclid=mljnegqnd4900476599 (дата обращения: 07.02.2026 г.).

2. ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». Восприятие семьи молодежью России. URL: https://new-era.space/nir/3013/?ysclid=mljnd3pntl31548338 (дата обращения: 07.02.2026 г.).

3. ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». Проблема молодежных объединений и групп: молодежная коммуникация и солидарность. 2024. URL: https://new-era.space/%D0%AD%D0%94_%D0%9D%D0%AD.pdf (дата обращения: 07.02.2026 г.).

4. НИЦ «ЭОН»; ЦРГТ «НОВАЯ ЭРА». Современные ценностные установки и ориентиры жителей регионов России. URL: https://new-era.space/center/nir/83/?ysclid=mljmvbzb5v958253709 (дата обращения: 07.02.2026 г.).

5. Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 08.07.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (дата обращения: 10.11.2025 г.).

6. День России — 2025 // ВЦИОМ. 11.06.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-rossii-2025 (дата обращения: 10.11.2025 г.).

7. Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 09.06.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025 (дата обращения: 10.11.2025 г.).

8. Фронт и тыл на четвертом году СВО // ВЦИОМ. 21.10.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/front-i-tyl-na-chetvertom-godu-svo (дата обращения: 20.11.2025 г.).

9. Социальная справедливость: мониторинг // ВЦИОМ. 07.05.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring-07052025? (дата обращения: 20.11.2025 г.).

10. Социальная справедливость: мониторинг // ВЦИОМ. 27.02.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring? (дата обращения: 20.11.2025 г.).

11. Доверие в России: мониторинг // ВЦИОМ. 21.08.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-v-rossii-monitoring (дата обращения: 10.11.2025 г.).

12. День России — 2024 // ВЦИОМ. 11.06.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-rossii-2024 (дата обращения: 20.11.2025 г.).

13. Семья в системе российских ценностей // ВЦИОМ. 22.11.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei?ysclid=mljmtixzrl298252093 (дата обращения: 20.11.2025 г.).

14. Конституция и жизнь // ВЦИОМ. 12.12.2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucija-i-zhizn (дата обращения: 07.02.2026 г.).

15. Традиционные ценности, современные цели // ВЦИОМ. 30.11.2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi (дата обращения: 10.11.2025 г.).

16. «Нужно доверять друг другу! Или нет?» // ВЦИОМ. 29.06.2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nuzhno-doverjat-drug-drugu-ili-net? (дата обращения: 10.11.2025 г.).

17. Выборы в России: участие, легитимность, доверие // ВЦИОМ. 15.11.2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-rossii-uchastie-legitimnost-doverie? (дата обращения: 15.11.2025 г.).

18. Ценности молодежи // ВЦИОМ. 14.12.2022. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi (дата обращения: 10.11.2025 г.).

19. Новостная информация и телевидение // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). 29.11.2024. URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/15104 (дата обращения: 07.02.2026 г.).

2. Непубличные исследования и материалы

1. Социально-политическая ситуация в Москве: безопасность, тревожность и протестные настроения. 2024.

2. Перспективы развития коммунистической идеологии: сильные и слабые стороны партийного строительства. 2024.

3. Формирование толерантности: риски национальных-этнических, религиозных и межклассовых напряжений. 2024.

4. Правовая культура и социально-культурная коммуникация москвичей: политический и электоральный эффект. 2025.

5. Социально-коммуникативная ситуация в Москве: проблемы миграции. 2025.

6. Социально-профессиональные ориентации и трудовые стратегии московской молодежи. 2025.

Ценности в медиаполе: медиаанализ и конкуренция нарративов

ORCID: 0009-0007-3494-6127
Почта: Sspartak@yandex.ru

Спартак Сергей Андреевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры философии языка и коммуникации философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Sergey A. Spartak, Cand.Sc. (Political Science), Associate Professor at the Department of Philosophy of Language and Communication, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Аннотация

Статья посвящена анализу репрезентации ценностей в российском цифровом медиапространстве и конкуренции провластных и альтернативных нарративов в 2020—2025 гг. Цель исследования — выявить, каким образом базовые ценностные блоки артикулируются в новых медиа, какие интерпретации получают в разных сегментах медиасреды и как это влияет на формирование информационного суверенитета России. Эмпирическую основу составляют результаты медиаисследований 2025 г., выполненных по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России», охватывающие онлайн-СМИ, Telegram-каналы, социальные сети и иные цифровые платформы. Методика включает контекстный поиск по семантическим матрицам, количественный анализ упоминаний, охвата, просмотров и вовлеченности, а также контент-анализ нарративных групп по модальностям поддержки, критики и нейтрального описания. Установлено, что в медиаполе доминирует нейтрально-информационный массив, однако нормативную рамку дискуссии задает преимущественно государственно-патриотический дискурс, связывающий ценности семьи, патриотизма, служения, справедливости, правды, знания, веры и открытости с идеями суверенитета, безопасности и исторической преемственности. Альтернативные и либерально-оппозиционные площадки формируют критические контрдискурсы, но несмотря на полемичность также апеллируют к сходным базовым ценностям, предлагая иные механизмы их

реализации. Научная новизна работы состоит в сопоставлении тональной структуры медиадискурса с типами ценностных нарративов и инфраструктурой их распространения. Вывод работы заключается в том, что российское цифровое медиапространство характеризуется не столько расколом, сколько конкуренцией интерпретаций внутри общей ценностной рамки; стратегической задачей становится развитие цифрового суверенитета, медиаграмотности и адресных коммуникационных инструментов, способных усиливать общественную консолидацию.

Ключевые слова

Цифровые медиа, новые медиа, ценностные нарративы, государственно-патриотический дискурс, цифровой суверенитет, Telegram-каналы, социальные сети, конкуренция нарративов, медиаанализ, стратегические коммуникации.

Abstract

The article analyzes the representation of values in the Russian digital media sphere and the competition between pro-government and alternative narratives in 2020—2025. Its purpose is to identify how basic value clusters are articulated in new media, how they are interpreted across different media segments, and how these processes affect the formation of Russia's information sovereignty. The empirical basis consists of media studies conducted in 2025 for the Philosophical Club "Civilizational Future of Russia", covering online media, Telegram channels, social networks, and other digital platforms. The methodology combines contextual search based on semantic matrices, quantitative analysis of mentions, reach, views, and engagement, and content analysis of narrative groups classified by supportive, critical, and neutral modalities. The study shows that neutral informational content dominates the media field, yet the normative framework of discussion is shaped primarily by a state-patriotic discourse linking family, patriotism, service, justice, truth, knowledge, faith, and openness with sovereignty, security, and historical continuity. Alternative and liberal-oppositional platforms generate critical counter-discourses, but despite their polemical style, they also appeal to similar basic values while proposing different mechanisms of implementation. The article's novelty lies in correlating tonal structures of media discourse with value narratives and the infrastructure of their dissemination. It concludes that the Russian digital media sphere is characterized less by a complete split than by competition among interpretations within a shared value framework. Hence, the strategic priorities are the development of digital sovereignty, media literacy, and targeted communication instruments capable of strengthening public consolidation.

Сергей Спартак

Keywords

Digital media, new media, value narratives, state-patriotic discourse, digital sovereignty, Telegram channels, social networks, narrative competition, media analysis, strategic communications.

В современном российском медиапространстве национальные ценности выступают не только как символический «язык» самоописания общества, но и как практический фундамент общественного консенсуса, задающий морально-идеологические ориентиры и рамку допустимых интерпретаций ключевых событий. В этом контексте настоящая статья посвящена анализу новых (цифровых)[169] медиа — динамично развивающимся цифровым платформам, включая Telegram-каналы, социальные сети и интернет-СМИ. В фокусе исследования — различные типы этих медиа: новостные и авторские Telegram-каналы, федеральные, региональные и либерально-оппозиционные онлайн-СМИ[170], информационные платформы, сетевые сообщества («ВКонтакте», «Одноклассники») и др., а также контент с ранее запрещенных площадок, учитываемый в аналитике[171]. Такая композиция базы позволяет фиксировать конкурирующие контуры дискурса — от официально-институционального до альтернативного, — не смешивая их в единую среднюю картину[172].

Методологическая рамка и ограничения медиаанализа

Эмпирическую основу статьи составляют результаты медиаисследований 2025 г., выполненных по заказу Философского клуба

[169] Для целей настоящего анализа термин «медиа» операционализируется как цифровой сегмент национального информационного пространства, включающий онлайн-СМИ, социальные сети, платформы пользовательского контента и иные сетевые коммуникационные сервисы. Традиционные эфирные форматы (телевидение и радиовещание), а также соответствующая им государственная информационная повестка находятся вне рамок данного исследования и в использованную эмпирическую выборку не входят.

[170] Методологически важно уточнить, что в рамках настоящего исследования термины «онлайн-СМИ» и «интернет-СМИ» употребляются в строго институциональном значении и относятся к зарегистрированным в установленном порядке средствам массовой информации, осуществляющим деятельность в цифровой среде через собственные сайты и аффилированные с ними официальные аккаунты на платформах сетевой коммуникации. Таким образом, под онлайн-СМИ понимаются как цифровые версии традиционных редакций (газет, журналов, телеканалов и др.), так и изначально сетевые издания, обладающие статусом СМИ; персональные блоги, неформальные сообщества и иные формы пользовательского контента в данную категорию намеренно не включаются.

[171] Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией и ее деятельность (соцсети Facebook и Instagram) запрещена на территории Российской Федерации (Решение Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 № 02–2473/2022).

[172] Отбор и построение выводов осуществлялись по наиболее заметным сообщениям, то есть по публикациям с максимальными показателями охвата, просмотров и вовлеченности (там, где доступны платформенные счетчики), а релевантность отобранного массива дополнительно верифицировалась вручную. Следовательно, полученные результаты описывают структуру дискурса в сегменте максимальной видимости, а не «среднюю температуру» по всем публикациям в интернете.

«Цивилизационное будущее России»[173]. Анализ охватывает период 2020 — 2025 гг. и относится к цифровому сегменту информационного пространства. Дополнительно отслеживались ключевые источники, задающие повестку в каждом сегменте, включая их платформенную «заметность» и, где применимо, объем аудитории. Сбор данных строился на системе контекстных запросов, сформированных итеративно. Для каждой подтемы и смысловых направлений конструировались уникальные запросы (для онлайн-СМИ и соцмедиа — раздельно) на основе предварительного мониторинга открытых источников и разработки рабочих семантических матриц. Затем выполнялись тестовые выгрузки архивов и несколько итераций уточнения, после чего финальный набор запросов использовался для сбора данных по заданным периодам. Аналитика сочетала количественный анализ (масштаб тем, ключевые каналы и инфоповоды) и контент-анализ (тематика, позиция автора, ключевые тезисы). Базовой единицей выступала отдельная публикация (сообщение, пост, материал) с метаданными и платформенными показателями. В качестве основных метрик использовались: «упоминания» (число сообщений по сформированному запросу), «охват» (потенциальная аудитория источника по платформенным показателям), «просмотры» (при наличии счетчиков) и «вовлеченность» (сумма реакций, комментариев и «репостов»).

На уровне интерпретации близкие публикации агрегировались в нарративные группы: повторяющиеся темы выделялись по частоте слов и устойчивых словосочетаний, группе присваивалось название, а также — отдельно для каждой ценности и каждой среды — оценочная модальность.

Принципиально важно, что в данной главе используется не интерпретация «эмоциональной тональности события», а классификация оценочной позиции сообщения по отношению к ценности: **поддерживающая и консолидирующая («позитив)[174], критическая и проблематизирующая («негатив»)[175], оперативно-информационная и фактографическая («нейтрал»)[176] модальности**. При этом фактографическая подача не тождественна отсутствию ценностной рамки: ценностный след может присутствовать имплицитно даже в новостном жанре, поэтому доли модальностей фиксируют прежде всего эксплицированную оценочную направ-

[173] В основу настоящего анализа легли новейшие медиаисследования, подготовленные медиааналитическим агентством «РИАЛ ТАЙМ» и коммуникационным агентством «Ex Libris», по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России» в 2025 г. по четырем группам ценностей: «Государство, патриотизм, служение, сила, семья» («РИАЛ ТАЙМ), «Справедливость, Солидарность, Свобода (Воля)» («Ex Libris»), «Правда, Знание, Добро, Созидание» («Ex Libris»), «Открытость, Вера, Всеохватность» («Ex Libris»).

[174] Далее термин «позитивный» употребляется как поддерживающий, консолидирующий: речь идет о направленности высказывания на воспроизводство и усиление ценностного нарратива (патриотизм, солидарность, служение, ответственность и т.д.), а не об эмоциональном «одобрении» события как такового, тем более в контексте кризисных или трагических сюжетов.

[175] Далее термин «негативный» используется в значении критического или проблематизирующего и обозначает высказывания, ставящие под сомнение ценность, ее институциональную реализацию или легитимность соответствующих практик. Он не тождествен эмоционально негативной реакции аудитории и не включает случаи жесткой риторики, направленной на защиту ценности через осуждение внешнего противника или угроз.

[176] Далее термин «нейтральный» употребляется как оперативно-информационный, фактографический: речь идет о жанрово-новостной подаче без явной оценочной модальности, а не о «безразличии» аудитории к событию или к ценности.

ленность. Полученные результаты описывают структуру дискурса в сегменте максимальной видимости (публикации с наибольшими охватами и вовлеченностью) и не подменяют репрезентативные социологические измерения, а предназначены для сопоставления с ними.

Именно новые медиа сегодня выступают ключевым инструментом артикуляции и продвижения общественной повестки в информационном пространстве. В этой связи они становятся главным носителем и транслятором национальных ценностей в цифровом обществе, формируя позитивные нарративы, способные консолидировать общество вокруг традиционных идеалов и приоритетов государственной политики.

Несмотря на наличие критических и альтернативных точек зрения, в целом медийное поле характеризуется доминированием позитивных дискурсов. В новых медиа повестка строится на акцентах стабильности, единства, патриотизма и достижений страны. Государство играет ключевую роль в консолидации общества: через официальных спикеров и инициативы оно задает монолитно позитивный тон обсуждений, делая упор на успехах, нравственных ориентирах и стабильности выбранного курса развития. Новые медиа в значительной мере подхватывают эту тональность, становясь пространством, где распространяются вдохновляющие истории о служении обществу, научных прорывах, волонтерстве и созидании. Таким образом, цифровое медиаполе все более выполняет интеграционную функцию — оно не просто отражает реальность, а конструирует образ сплоченной нации, объединенной общими ценностями и устремленной в будущее.

Обзор групп ценностей в медиаполе

В российском медиапространстве ценности первой группы задают рамку нового патриотического консенсуса[177]. В официальном дискурсе они описываются как опорные «несущие конструкции» общественной жизни: сильное суверенное государство и боеспособная армия выступают гарантом безопасности и предсказуемости, а традиционные семейные и общинные формы жизни — основой межпоколенческой преемственности и доверия. Патриотизм в этой логике понимается как естественная форма гражданской ответственности и гордости за страну, объединяющая разные социальные группы вокруг общих исторических и культурных ориентиров.

Медианалитические данные свидетельствуют, что именно интегративное понимание патриотизма занимает доминирующее положение как по охвату, так и по направленности тональности. Базовый массив формирует оперативно-информационный слой —

[177] Понятие «новый патриотизм» далее используется как аналитическая метка дискурсивных сдвигов 2020 – 2025 гг., а не как нормативная характеристика. В поддерживающем контуре он проявляется через устойчивые индикаторы: укрепление идентичности через культурные и образовательные мероприятия, связанные с исторической памятью; трактовку патриотизма как интегрирующего компонента общественного развития; акцент на вовлечении молодежи в просветительские и волонтерские практики. Критический контур, напротив, концентрируется на проблематизации этих форм: тезисах об «идеологизации», «ультрарадикальных» или «авторитарных» аспектах и подмене воспитания коммуникационными конструкциями.

новостные сводки, сообщения о мероприятиях и комментарии официальных лиц, относимые к описательной («нейтральной») модальности. На этом фоне в периоды общественных испытаний усиливается конкуренция интерпретаций между консолидирующими нарративами («позитив»), поддерживающими ценностный контур ответственности и солидарности, и критическими («негатив»), включая подрывные, сюжетами. При этом поддерживающие интерпретации устойчиво преобладают над критическими, а в пиковые моменты повестки доля позитивных упоминаний демонстрирует заметный рост (см. рис. 1[178]).

Примечание

С целью проведения репрезентативного анализа были выбраны равноценные временные отрезки (1 месяц) в период пиковой активности медиапространства (СМИ и соцмедиа суммарно) в рамках референсного события или процесса:

- Карантин в период пандемии COVID19: апрель 2020 г.
- Начальный этап СВО: март 2022 г.
- Проведение частичной мобилизации: октябрь 2022 г.
- Вторжение в Курскую область: август 2024 г.
- Актуальный период: май 2025 г.

Рис. 1. Динамика тональности медиапространства по теме «Новый патриотизм» (2020–2025 гг.).

Для каждого среза показано общее число сообщений и доля публикаций трех модальностей: поддерживающей («позитивной»), критической и проблематизирующей («негативной»), оперативно-информационной и фактографической («нейтральной»). Данные отражают не «оценку событий как таковых»[179], а структуру ценностного разговора о патриотизме в медиасреде. Преобладание фактологического массива (70–90 %) связано с доминированием жанра оперативных новостей, сводок и информационных сообщений и не означает отсутствия общественной реакции. В кризисные периоды возрастает доля оценочных публикаций (поддерживающих

[178] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценности «Патриотизм» за 2020 – 2025 гг., подготовленном медиааналитическим агентством «РИАЛ ТАЙМ» по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

[179] Пример Курской области требует отдельного уточнения: фиксируемая в выборке доля «поддерживающих» сообщений (11 %) отражает прежде всего консолидирующие реакции по ценности «патриотизм» — акцент на взаимопомощи, поддержке жителей приграничья, доверии к государственным и общественным институтам, мобилизации солидарности, — а не «позитивное отношение» к самому кризису. Критический сегмент в этот период во многом формируется за счет внешних и оппозиционных источников, что подтверждается структурой источников по теме.

и критических): например, в августе 2024 г. их суммарная доля составляет 28 % массива, тогда как в актуальном периоде 2025 г. — около 10 %.

Критически настроенные площадки — как российские, так и зарубежные — предлагают альтернативное прочтение этих же ценностей, интерпретируя усиление патриотической риторики как риск «идеологизации» и чрезмерной мобилизации. Однако, во-первых, такой контрнарратив сосредоточен в ограниченном пуле источников, а во-вторых, он функционирует скорее как фон рефлексии, чем как доминирующая оптика. Совокупный информационный массив по теме патриотизма демонстрирует преимущественно нейтрально-позитивный баланс, в котором государственность и служение Родине выступают не ситуационными маркерами конфликта, а ресурсом консолидации, особенно в периоды внешних и внутренних кризисов.

По второй группе ценностей в официальной повестке выстраивается схожая по логике, но более сложная конфигурация. Свобода описывается прежде всего как коллективное благо, неотделимое от суверенитета и безопасности: речь идет не об отказе от индивидуальных прав, а об их реализации в рамках устойчивого правопорядка и защиты страны от внешнего давления и терроризма. После 2022 г. акцент на балансе «свобода — безопасность» закономерно усиливается: регулирование цифровой среды, ограничения для враждебных платформ и усиление контроля трактуются как вынужденные меры, направленные на защиту граждан и критической инфраструктуры. При этом в позитивном сегменте медиаполя свобода последовательно встраивается в рамку ответственности и участия — через нарратив «свободы через служение и порядок», когда личный выбор реализуется в общественно значимых практиках (волонтерство, работа в государственных проектах, участие в выборах и референдумах и т.д.).

Справедливость в официальном дискурсе подается как сфера ответственности государства перед гражданами. Позитивные сюжеты фокусируются на механизмах социальной поддержки, борьбе с коррупцией на региональном и федеральном уровнях, защите исторической правды и особом отношении к участникам СВО и их семьям. В этом смысле справедливость мыслится не абстрактным идеалом, а совокупностью конкретных политик — от индексации выплат до персональной ответственности чиновников. Альтернативные площадки, напротив, подчеркивают отдельные сбои и случаи неравенства, тем самым косвенно подтверждая, что именно справедливость становится ключевым критерием оценки эффективности институтов.

Ценность солидарности в государственной риторике связывается с поддержкой армии, развитой благотворительной и волонтерской инфраструктурой, мобилизацией общества перед лицом внешних вызовов и масштабных кризисов — пандемии, терроризма, природных катастроф. В медиа последовательно визуализируются практики взаимопомощи «снизу» — от адресной помощи семьям мобилизованных до локальных гражданских инициатив. Это позволяет показать солидарность как пространство встречи инициатив граждан и координирующей роли государства. Критический дискурс, присутствующий в части независимых медиа,

Рис. 2. Тональная структура и ключевые нарративы по ценностям свободы, справедливости и солидарности (2020–2025 гг.).
Диаграмма суммирует тональность упоминаний ценностей «Свобода/Воля», «Справедливость» и «Солидарность/Община» в российских СМИ, Telegram-каналах и социальных сетях за 2020—2025 гг. Нейтральные сообщения (светло-серый сектор) составляют 71 % массива, негативные (красный сектор) — 23 %, позитивные (темно-зеленый сектор) — 6 %. Текстовая часть слайда фиксирует базовые смысловые акценты. В официальном дискурсе свобода интерпретируется как коллективное благо, неразрывно связанное с безопасностью и суверенитетом государства; справедливость — как заслуга государства, реализуемая через социальную политику, поддержку уязвимых групп и антикоррупционные практики; солидарность — как поддержка армии и развитие волонтерских инициатив. В альтернативном сегменте медиаполя фиксируются критические нарративы: для свободы — сюжеты о цифровом контроле и нарушениях индивидуальных прав (свобода слова, собраний), для справедливости — акцент на политических преследованиях и социальном неравенстве, для солидарности — интерпретация ее как пропагандистского ресурса либо перенос акцента на локальные инициативы «снизу». Соотношение секторов диаграммы показывает, что при наличии выраженного критического слоя основная доля сообщений остается нейтральной, а официально артикулированные позитивные трактовки ценностей устойчиво воспроизводятся в медиапространстве, задавая рамку для более узких полемических дискуссий.

чаще обращает внимание на риски «формализации» солидарности или на отдельные случаи недостаточной помощи; одновременно он фиксирует живучесть горизонтальных форм взаимоподдержки, тем самым расширяя, а не обнуляя содержательный объём ценности (см. рис. 2[180]).

В совокупном виде медиаданные по трем ценностям второй группы демонстрируют устойчивое доминирование нейтральной и умеренно позитивной тональности. Сводный слайд «Ключевые нар-

[180] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Свобода, Воля, Справедливость, Солидарность» за 2020 – 2025 гг., подготовленном коммуникационным агентством Ex Libris по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

ративы по всем ценностям» фиксирует, что 71 % сообщений носят нейтральный характер (преимущественно новостные и аналитические форматы), 23 % — негативный и 6 % — явно позитивный. Такая структура типична для крупных информационных массивов и говорит о том, что базовые ценности — свобода, справедливость и солидарность — удерживаются в статусе нормальной, «рабочей» повестки, вокруг которой ведется экспертный и общественный диалог, а не только конфликт.

Рис. 3. Динамика упоминаемости ценностей свободы, справедливости и солидарности в российских медиа (2020–2025 гг.).

Рисунок показывает, что объем сообщений по данным ценностям остается высоким на всем протяжении периода, с отдельными пиками в 2021, 2023 и 2024 гг., совпадающими с ключевыми политическими и кризисными событиями. Внизу слайда приведены суммарные показатели: более 10,1 млн упоминаний, свыше 4,317 млрд потенциального охвата, около 1,19 млрд просмотров и 52,5 млн единиц вовлеченности (реакции, комментарии, репосты). Это позволяет использовать рис. 3 как эмпирическое основание для тезиса о том, что ценности свободы, справедливости и солидарности не являются периферийной темой, а формируют один из центральных «каркасов» российского медиадискурса в 2020–2025 гг.

Одновременно по данным общей медиастатистики за 2020—2025 гг. по этим трем ценностям зафиксировано более 10,1 млн упоминаний при суммарном охвате свыше 4,3 млрд и около 1,19 млрд просмотров, что показывает их устойчивую встроенность в информационную ткань российских медиа (см. рис. 3[181]). Ценности третьей группы в 2020—2025 гг. постепенно формируют морально-идеологический каркас российского медиапространства. За несколько лет они были встроены в более широкую стратегию укрепления национального суверенитета в информационной, научно-образовательной и гуманитарной сферах. В публичной коммуникации эти ценности становятся не только предметом обсуждения, но и инструментом консолидации общества вокруг образа будущего России.

Ценность правды в этот период из преимущественно абстрактного понятия превращается в практический ресурс информационной безопасности. В условиях внешнего давления российские власти делают акцент на «борьбу за правду» как ответ на кампании дезинформации и как элемент патриотической мобилизации. Официальные медиа выстраивают системную работу по разоблачению фейков, демонстрируя аудитории механизмы информационных атак и подчеркивая связь правды с защитой страны и ее исторического выбора. Это усиливает запрос общества на проверяемую, верифицируемую информацию и делает тему достоверности ключевой для значительной части медийных дискуссий. При этом рост критического восприятия и скепсиса у части аудитории можно трактовать не как «обесценивание правды», а как естественное следствие зрелости информационного общества и повышенной чувствительности к манипуляциям любого рода. Данные медиамониторинга фиксируют устойчивый интерес к данной ценности и рост позитивных упоминаний на разных типах площадок (см. рис. 4—6)[182].

Ценность знания органично вписывается в идеологему научно-технологического суверенитета. В провластных медиа она связывается с задачами опережающего развития российской науки, технологической независимости, импортозамещения и внедрения отечественных решений в сфере ИИ и высоких технологий. К 2025 г. знание в публичном дискурсе закрепляется как стратегический ресурс и одна из ключевых опор национальной независимости. Критические интерпретации, возникающие в части независимых источников, сосредоточены, как правило, не на отрицании самой ценности, а на обсуждении рисков избыточной идеологизации образования и разрыва между амбициозной повесткой и практикой. Эти оценки формируют продуктивное поле экспертной дискуссии и указывают на высокий общественный запрос к качеству управления образовательной сферой, не ставя под сомнение значимость знания как основы развития страны.

[181] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Свобода, Воля, Справедливость, Солидарность» за 2020—2025 гг., подготовленном коммуникационным агентством Ex Libris по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

[182] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей третьей группы «Правда, Знание, Добро, Созидание» за 2020—2025 гг., подготовленном коммуникационным агентством Ex Libris по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

Ценность добра (милосердия) получает новый импульс в период пандемии и последующих кризисных событий. Широкое развитие волонтерских практик, взаимопомощи и местных инициатив демонстрирует высокий уровень солидарности российского общества. Государство, в свою очередь, стремится институционализировать этот потенциал, создавая инфраструктуру для добровольчества, программ адресной поддержки, проектов помощи армии, семьям военнослужащих, беженцам и др. С 2022 г. акцент делается на том, что «добрые дела» — это не эпизодическая активность, а устойчивый патриотический образ жизни. Скептические оценки, встречающиеся в ряде независимых комментариев и касаю-

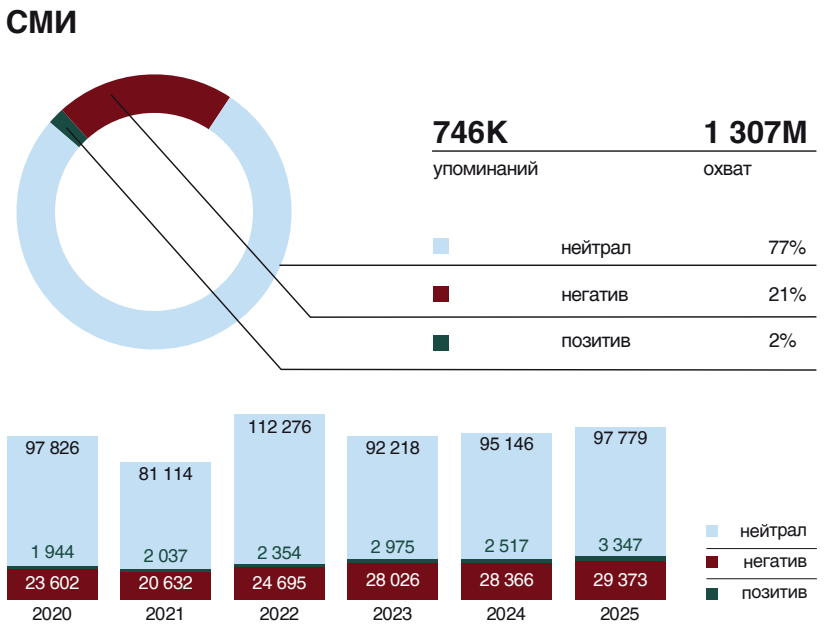


Рис. 4. Онлайн-СМИ: динамика тональности упоминаний ценности «правда» (2020–2025 гг.).

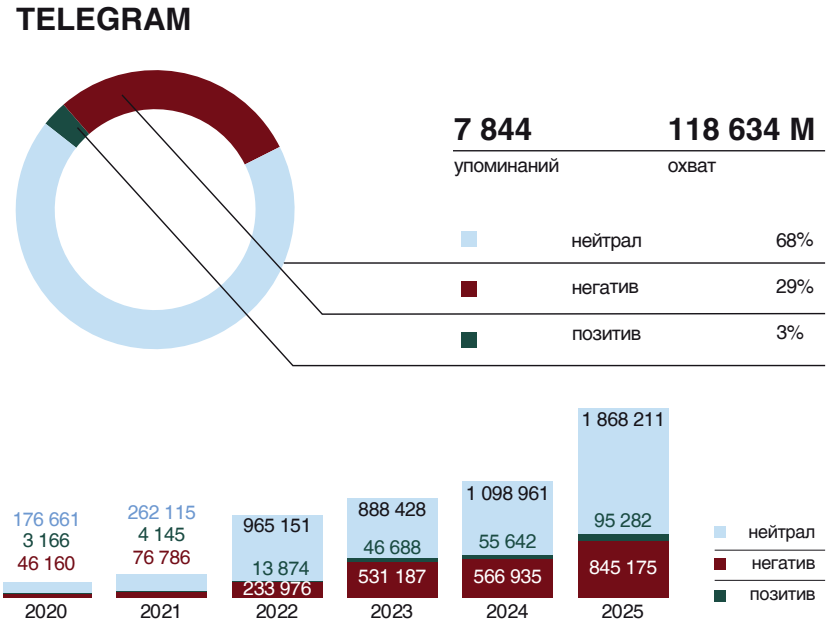


Рис. 5. Telegram-каналы: динамика тональности упоминаний ценности «Правда» (2020–2025 гг.).

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА

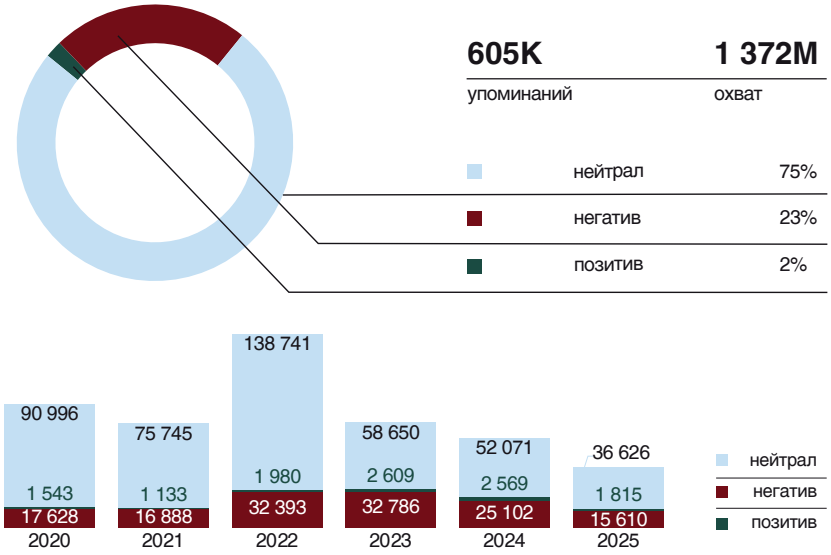


Рис. 6. Социальные медиа: динамика тональности упоминаний ценности «Правда» (2020–2025 гг.).

Инфографика содержит два блока. В верхней части показаны агрегированные показатели по СМИ/Telegram/социальным медиа за 2020–2025 гг. В нижней части рисунка представлена помесячная динамика в разрезе лет (2020–2025 гг.) в формате составных столбчатых диаграмм. По СМИ видна умеренная волнообразная динамика общего объема обсуждения при стабильном росте числа позитивных упоминаний и некотором увеличении доли полемических, критических материалов, что отражает усложнение информационной повестки. Диаграмма по Telegram фиксирует резкий рост как общего количества упоминаний, так и позитивного сегмента, особенно после 2022 г., что свидетельствует о возрастании роли Telegram в формировании и защите «своей правды» в условиях внешнего давления. Пик активности в социальных медиа приходится на 2022 г., далее наблюдается снижение общего объема обсуждений при сохранении сравнительно высокого числа позитивных упоминаний, что может свидетельствовать о переходе от всплеска эмоциональных реакций к более рефлексивному обсуждению ценности правды в рамках устойчивых сообществ.

СМИ. ПОЗИТИВ

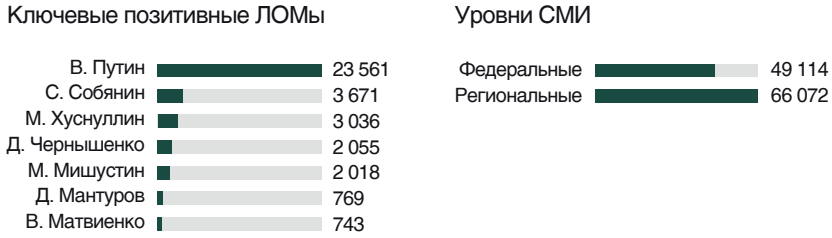


Рис. 7. Позитивные нарративы ценности «созидание» в СМИ (2020–2025 гг.).

Первая часть рисунка фиксирует рейтинг ключевых позитивных лидеров общественного мнения в тематике созидания. Это отражает персонификацию созидательного нарратива вокруг федерального руководства и руководителей, ответственных за развитие инфраструктуры и экономики. Вторая часть — распределение публикаций по уровням СМИ. Преобладание региональной составляющей подчеркивает практическое измерение ценности созидания, связанное с конкретными проектами «на земле».

щиеся искренности мотиваций или степени участия государства, свидетельствуют о внимательном отношении общества к теме социальной справедливости. В целом же доминирует установка на признание добра как одной из ключевых основ, объединяющих граждан в сложных исторических обстоятельствах.

Ценность созидания традиционно занимает центральное место в официальном российском дискурсе и в рассматриваемый период получает дополнительное содержательное наполнение. В медиа системно репрезентируются крупные инфраструктурные проекты, модернизация промышленности, развитие транспортной и социальной инфраструктуры, восстановление и интеграция новых регионов, в том числе в логике долгосрочного развития. После 2022 г. происходит смещение акцента от романтики «великих строек» к прагматике результатов: подчеркиваются достижения в сфере импортозамещения, технологической и продовольственной безопасности, укрепления обороноспособности как прямой эффект созидательного труда миллионов людей (см. рис. 7[183]). Критические высказывания, фиксируемые в оппозиционных и зарубежных источниках и затрагивающие отдельные проблемные случаи (коррупционные истории, затяжные стройки), в совокупности не отменяют доминирующего в российском медиапространстве нормативного идеала труда «на общее дело». Напротив, сама дискуссия вокруг качества реализации проектов свидетельствует о высокой значимости ценности созидания и желании общества видеть результаты национального развития максимально прозрачными и справедливо распределенными.

В итоге ценности третьей группы в российском медиапространстве предстают не только предметом идеологической конкуренции, но и площадкой для согласования коллективного представления о будущем страны. Государство стремится придать им устойчивую институциональную форму (премии и конкурсы, посвященные правде; просветительские марафоны общества «Знание»; федеральные и региональные волонтерские программы; масштабные созидательные проекты), тогда как общество в открытой дискуссии уточняет содержание этих ценностей и ожидаемые от них практические результаты.

В 2020 г. ценности четвертой группы вышли на передний план в связи с нарастанием внешнеполитического давления. «Открытость», которая ранее понималась преимущественно как готовность к диалогу с любыми партнерами, к 2025 г. закрепляется в риторике как «суверенная открытость» — готовность к сотрудничеству при безусловном соблюдении национальных интересов и контроле над ключевыми параметрами взаимодействия. После фактического разрыва с коллективным Западом официальная повестка акцентирует разворот к Востоку и глобальному Югу: партнерства с Китаем, Индией, странами БРИКС, ЕАЭС и другими незападными центрами силы описываются как естественное расширение пространства для взаимовыгодных контактов и укрепления многополярного мира, тогда как прежний курс на односто-

[183] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Правда, Знание, Добро, Созидание» за 2020 – 2025 гг., подготовленном коммуникационным агентством Ex Libris по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

роннюю интеграцию с Западом оценивается как недостаточно учитывавший долгосрочные интересы России (см. рис. 8[184]).

Во внутренней политике акцент смещается к «внутренней открытости» — развитию каналов прямой обратной связи между государством и гражданами. Институты общественных советов, прямые линии с руководством страны, расширение цифровых сервисов участия в принятии решений подаются как механизмы, позволяющие выстраивать диалог между властью и обществом в управляемом, но при этом более прозрачном формате. Открытость здесь понимается как ресурс устойчивости: власть стремится сочетать публичность с ответственностью за сохранение целостности государства и недопущение манипуляций общественным мнением извне.

Ценность веры в публичном пространстве также проходит заметную динамику. В 2020 г. религиозная тематика усиливается в связи с обсуждением поправок к Конституции и завершением строительства Главного храма Вооруженных сил РФ. В этот период вера активно осмысляется как часть исторической и культурной основы государственности, что отражается в росте числа упоминаний в медиа. В последующие годы (2022 — 2025) дискурс становится более сбалансированным: религия закрепляется преимущественно как личностная и культурная ценность, поддерживающая нравственные ориентиры и социальную солидарность, тогда как прямое политическое апеллирование к религиозным образам отходит на второй план (см. рис. 9[185]). При этом в медиа устойчиво подчеркивается конструктивная роль традиционных конфессий в укреплении межнационального согласия и поддержании моральных оснований общественной жизни.

Ценность всеохватности (масштабности, исторической и пространственной целостности) реализуется через мотивы великодержавия, преемственности и долгосрочного проектного развития. В 2020 — 2021 гг. официальная повестка концентрируется на символах исторического размаха — юбилеях Победы, космической программе, крупных инфраструктурных и научно-технологических инициативах, формируя образ России как государства, способного мыслить категориями десятилетий и поколений. После начала специальной военной операции акцент смещается к теме мобилизации внутренних ресурсов и опоры на собственный научно-технологический потенциал. К 2025 г. концепт всеохватности наполняется более практическим содержанием: речь идет о нацпроектах, космических и транспортных коридорах, инфраструктуре Арктики и Дальнего Востока — то есть о конкретных проектах, которые связывают воедино территорию страны и интегрируют ее в формирующиеся незападные центры роста[186].

[184] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Открытость, Вера, Всеохватность» за 2020 — 2025 гг., подготовленном коммуникационным агентством Ex Libris по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

[185] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Открытость, Вера, Всеохватность» за 2020 — 2025 гг., подготовленном коммуникационным агентством Ex Libris по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

[186] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Открытость, Вера, Всеохватность» за 2020-2025 гг., подготовленным коммуникационным агентством Ex Libris, по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

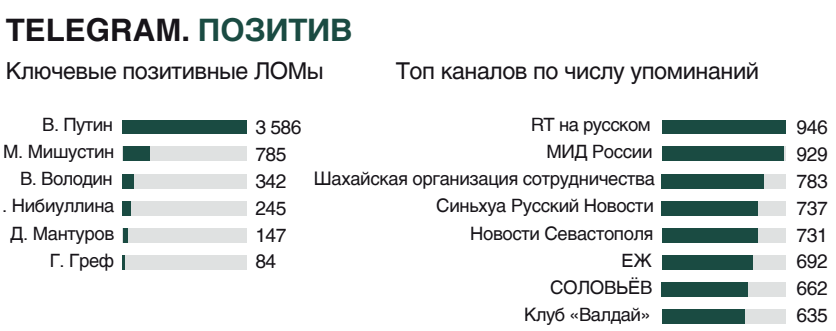


Рис. 8[187]. Telegram: позитивные нарративы ценности «Открытость», 2020–2025 гг.
Первая часть рисунка включает рейтинг ключевых позитивных лидеров общественного мнения в Telegram-повестке. Вторая часть рисунка демонстрирует топ Telegram-каналов по числу позитивных упоминаний ценности открытости.

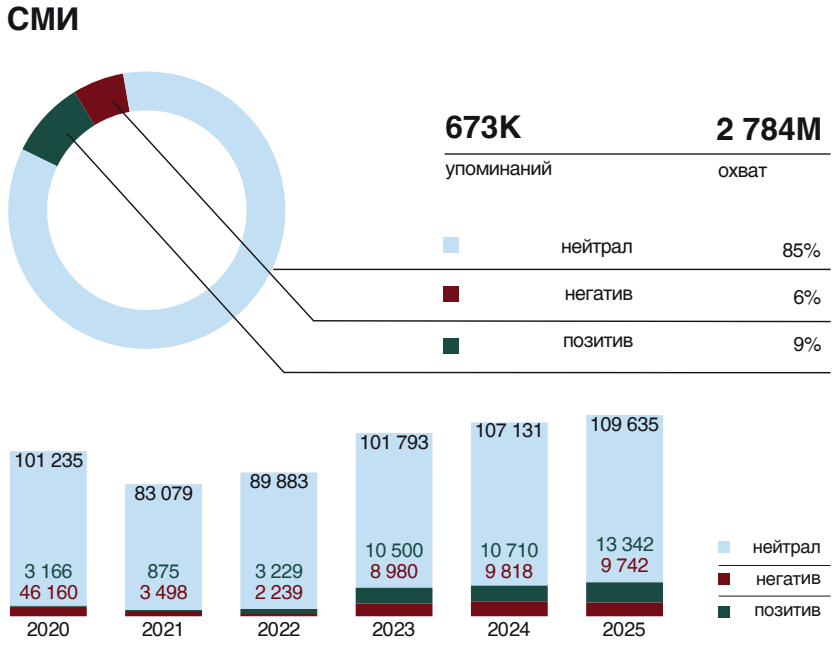


Рис. 9. Тональность упоминаний ценности «вера» в СМИ, 2020–2025 гг.
Верхняя часть рисунка представляет агрегированную структуру тональности: на круговой диаграмме 85 % упоминаний имеют нейтральный характер, 9 % — позитивный и 6 % — негативный. Слева приведены суммарные показатели за период: 673 тыс. упоминаний при совокупном охвате 2,784 млрд контактов. В нижней части помещен столбчатый график динамики по годам. Для 2020 г. зафиксировано 101 235 упоминаний, из них 1089 — позитивных и 6531 — негативных; 2021 г. — 83 079 упоминаний (875 позитивных, 3498 негативных); 2022 г. — 89 883 упоминания (3229 позитивных, 2239 негативных); 2023 г. — 101 793 упоминания (10 500 позитивных, 8980 негативных); 2024 г. — 107 131 упоминание (10 710 позитивных, 9818 негативных); 2025 г. — 109 635 упоминаний (13 342 позитивных, 9742 негативных). Преобладание нейтральных и устойчивый рост позитивных упоминаний свидетельствуют о постепенном переходе религиозной тематики из зоны политических дискуссий в более стабильный культурно-нравственный контекст.

[187] Телеграм-канал «ЕЖ» включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

При этом в публичной дискуссии фиксируется и плюрализация интерпретаций. Для значительной части общества нарратив «большой державы» органично сочетается с запросом на «достойную повседневную жизнь» и повышение качества государственных сервисов; критические голоса, как правило, ставят вопрос о балансе между масштабностью целей и распределением ресурсов. Тем не менее именно идея исторической преемственности и всеохватывающего развития остается рамочной для доминирующего дискурса, задавая горизонт будущего, в котором геополитическая субъектность России увязана с развитием человеческого потенциала внутри страны.

Таким образом, каждая группа ценностей в российском цифровом медиапространстве формирует устойчивые комплексы нарративов, в которых сочетаются мотивы суверенитета, открытости, духовной преемственности и масштабного развития. Альтернативные площадки нередко предлагают свои трактовки этих ценностей — например, свободолюбие могут описывать как протест, а справедливость связывать с требованиями большей политической конкуренции. Однако и они работают внутри общей ценностной рамки. В дальнейшем анализ будет сосредоточен на том, как именно формируются эти базовые нарративы в провластных медиа, какие контрдискурсы возникают в независимых и зарубежных медиа и как их взаимодействие влияет на восприятие внешнеполитического и внутреннего курса России.

Основные нарративы в СМИ

Провластные медиа и официальные спикеры выстраивают достаточно целостную ценностно-идеологическую картину в цифровом сегменте, которая ориентирована на укрепление российского суверенитета, политической стабильности и внутреннего единства общества. Доминирующим стилем является уверенный, подчеркнуто позитивный тон: ключевые темы связываются с успехами страны, стабильностью государственных институтов и устойчивостью избранного курса развития. Ниже представлены основные смысловые линии, через которые в провластном сегменте раскрываются базовые ценности.

Консолидация вокруг лидера и государства. Сквозной мотив официальной риторики — образ России как сплоченного сообщества народов, объединенных вокруг сильного государства и национального лидера. Центральная фигура — Президент В. В. Путин — выступает как персонализированное воплощение суверенитета, гарант безопасности и последовательный защитник исторических и культурных традиций страны. Провластные медиа акцентируют внимание на его стратегических решениях: модернизация и укрепление Вооруженных сил, защита исторических территорий, поддержка социально уязвимых групп, развитие инфраструктуры и др. Все эти достижения интерпретируются в медиа как индикатор широкого общественного консенсуса. В этой логике суверенитет приобретает не только юридическое, но и символическое измерение: «власть народа» репрезентируется через доверие к конкретному лидеру и государственным институтам. Тем самым закрепляется

патерналистско-патриотический образ России как единой семьи под защитой сильной и ответственной власти (см. рис. 10, 11)[188].

Легитимация через традиции, историческую память и единство. Второй фундаментальный блок нарративов связан с апелляцией к традиционным ценностям. Провластные медиа систематически подчеркивают приоритет семьи, веры, исторической памяти, коллективной ответственности. Идея «особого пути» России связывается с богатым культурным наследием, опытом преодоления испытаний и сохранением духовно-нравственных ориентиров. Крупные политические решения и реформы презентуются как продолжение этой традиции. Так, обсуждение поправок к Конституции 2020 г., касающихся, в частности, определения брака как союза мужчины и женщины, закрепления памяти предков и защиты исторической правды, сопровождалось риторикой укрепления «нравственного фундамента» государства. В медийных материалах демонстрируется высокая степень ценностного согласия в обществе: подчеркивается, что большинство россиян гордится своей страной, считает себя патриотами, разделяет идеи социальной справедливости, солидарности и взаимопомощи (см. рис. 12, 13)[189].

Рис. 10. Ценность «Сила» в провластных СМИ (2020–2025 гг.).
Кольцевая диаграмма отражает распределение 112 373 сообщений в СМИ, в которых присутствуют упоминания ценности «сила». Положительный дискурс

[188] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Служение, Сила» за 2020 – 2025 гг., подготовленным медиааналитическим агентством «РИАЛ ТАЙМ», по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

[189] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценности «Патриотизм» за 2020 – 2025 гг., подготовленном медиааналитическим агентством «РИАЛ ТАЙМ» по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

составляет 33 % массива и включает нарративы «сила как фактор консолидации общества в патриотических настроениях», «сильный руководитель как гарант безопасности», «устойчивость к санкционному давлению» и др. Небольшой по объему критический сегмент (7 %) связан с интерпретацией силы как репрессивного инструмента и культивацией милитаризма. Основной массив публикаций (60 %) носит нейтральный, описательный характер.

Рис. 11. Ценность «Сила» в социальном медиапространстве (2020–2025 гг.).
Диаграмма демонстрирует результаты контент-анализа 702 178 сообщений в социальных медиа. Позитивные оценки составляют 34 % и во многом воспроизводят официальную рамку: сила ассоциируется с защитой Родины, сплочением общества и крепкой государственной властью. Негативный дискурс шире, чем в СМИ (17 % массива), и включает критику «подмены законности силой», обвинения в репрессивности и милитаризации. Нейтральные сообщения (49 %) представляют собой обсуждение новостей, репосты официальных материалов и комментарии без четко выраженной оценочной позиции. В целом, даже в более поляризованной среде соцмедиа позитивный и нейтральный дискурсы заметно преобладают.

Особое внимание уделяется сюжетам о милосердии и взаимной поддержке. Широко освещаются государственные и общественные кампании помощи — от гуманитарной поддержки жителей Донбасса до волонтерских инициатив во время пандемии и последующих кризисов. Государство при этом предстает координатором и инициатором таких проектов, а общество — как активно откликающийся партнер (см. рис. 14–16)[190].

[190] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Служение, Сила» за 2020–2025 гг., подготовленном медиааналитическим агентством «РИАЛ ТАЙМ» по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

9 388
сообщений
в СМИ

нейтрал	58%	
негатив	2%	Критика «ультрарадикальных» или «авторитарных» аспектов нового патриотизма
позитив	40%	Укрепление идентичности через культурные и образовательные мероприятия, посвященные исторической памяти
		Патриотизм как интегрирующий компонент общественного развития
		Молодежь как приоритетный носитель ценности патриотизма

Рис. 12. Ценность «Патриотизм» в провластных СМИ.
График основан на анализе 9388 сообщений в СМИ, посвященных теме патриотизма. Доля позитивных публикаций достигает 40 %. Ключевые нарративы: «укрепление национальной идентичности через культурные и образовательные мероприятия, посвященные исторической памяти»; «патриотизм как интегрирующий компонент общественного развития»; «молодежь как приоритетный носитель патриотических ценностей». Небольшой негативный сегмент (2 %) связан с критикой якобы «ультрарадикальных» или «авторитарных» проявлений нового патриотизма. Подавляющее большинство материалов (58 %) имеет информационно-описательный, нейтральный характер.

78 700
сообщений
в соцмедиа

нейтрал	9%	
негатив	29%	Критика «ультрарадикальных» или «авторитарных» аспектов нового патриотизма
		Отсутствие разнообразия в идеологии
		Милитаризация патриотизма
позитив	62%	Укрепление идентичности через культурные и образовательные мероприятия, посвященные исторической памяти
		Патриотизм как интегрирующий компонент общественного развития
		Молодежь как приоритетный носитель ценности патриотизма

Рис. 13. «Новый патриотизм» в социальном медиапространстве.
Диаграмма представляет анализ 78 700 сообщений в социальных медиа, где обсуждается «новый патриотизм». Позитивный дискурс (62 %) во многом совпадает с официальной повесткой: подчеркивается роль культурных и образовательных мероприятий, значение патриотизма как мотива общественного развития, приоритетная роль молодежи в усвоении патриотических смыслов. Критические

высказывания (29 %) касаются опасений «авторитарности», «ультрарадикальности» и др. Нейтральный слой (9 %) включает новости и пересказы официальных заявлений.

Рис. 14. Ценность «Служение» в пользовательском дискурсе.
На основе 302 000 пользовательских сообщений (социальные сети, форумы, комментарии) показано распределение оценок ценности «Служение». Позитивный сегмент (51 %) связывает служение с национальной ценностью и индикатором патриотизма, долгом гражданина служить в Вооруженных силах РФ, а также участием в социальных и благотворительных проектах. Небольшая доля критических высказываний (8 %) противопоставляет служение индивидуалистическим ориентирам.

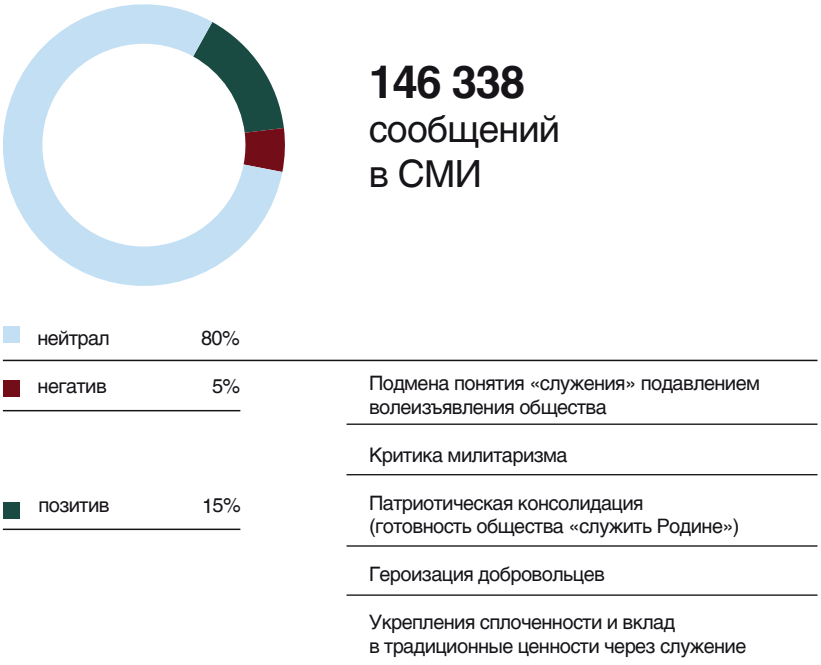


Рис. 15. Ценность «Служение» в провластных СМИ.
Диаграмма обобщает 146 338 сообщений в СМИ, где затрагивается тема служения. Позитивные нарративы (15 %) включают идеи патриотической консолидации — го-

товности общества «служить Родине», героизацию добровольцев, а также укрепление сплоченности и вклад в традиционные ценности через служение. Критический блок (5 %) представлен в основном интерпретациями «подмены служения подавлением волеизъявления общества» и критикой милитаризма. Значительная часть публицистики (80 %) остается нейтральной.

Рис. 16. Ценность «Служение» в социальных медиа.
Отражено 958 937 сообщений в соцмедиа. Позитивный дискурс (29 %) фокусируется на героизации участников СВО, добровольцев и «трудового фронта», поддержке государственной идеологии служения и патриотическом воспитании молодежи. Негативные интерпретации (9 %) связаны с критикой служения как формы идеологического давления и др.

Защита собственных ценностей в условиях внешнего давления. Значимым элементом официального дискурса выступает тема защиты российских ценностей от внешнего идеологического и политического давления. Провластные СМИ поднимают проблему неблагоприятного внешнего окружения — «коллективный Запад», блок НАТО, недружественные режимы на постсоветском пространстве, — которое пытается навязать России чуждую модель развития, культуру радикального индивидуализма и потребительства, отказ от традиционной морали. В этой рамке российская внешняя и оборонная политика объясняется как ответственный выбор в пользу сохранения исторической субъектности и культурной самобытности. Военная операция на Украине интерпретируется как борьба с неонацизмом, защита мирного населения и противостояние двойным стандартам Запада. Российская сторона позиционирует себя как защитника подлинных ценностей — правды, справедливости, достоинства и безопасности.

Либерально-демократическая модель, ассоциируемая с западными странами, описывается как переживающая глубокий ценностный кризис: акцентируется снижение роли семьи, секуляризация, про-

движение ЛГБТ-повестки[191] и т.п. В публичном дискурсе закрепляется бинарная оппозиция «традиционные ценности» — «западная псевдокультура», где Россия выступает в качестве одного из мировых центров, защищающих классическое понимание морали и справедливости (см. рис. 17, 18)[192].

Позитивная тональность и успехи. Практически по всем ключевым темам провластные СМИ придерживаются оптимистичной и ориентированной в будущее тональности. Даже в сюжетах о сложных социально-экономических вопросах акцент делается на принимаемых мерах и ожидаемых улучшениях. Сообщения о росте экономики, импортозамещении, технологических и научных достижениях, спортивных победах, строительстве новых объектов инфраструктуры интерпретируются как символы устойчивости и созидательного потенциала страны. В публичном поле доминирует установка на поиск решений, а не на драматизацию противоречий, тем самым негативная проблематика встраивается в нарратив контроля и управляемости.

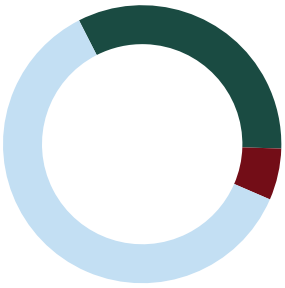
Апелляция к народу и социальной справедливости государственной власти. Важный элемент официальной медиариторики — демонстрация того, что власть ориентируется на запросы большинства населения и стремится действовать справедливо. На передний план выводятся сюжеты о социальной поддержке: индексация пенсий и пособий, программы помощи семьям с детьми, развитие здравоохранения и образования, поддержка фронтовиков и их семей. В итоге формируется позитивный образ власти, исполняющей обязанности ответственного гаранта социальной справедливости и бережного отношения к простому человеку.

Информационное единство в условиях внешних вызовов. Благодаря тому, что провластные медиа выступают единым фронтом, они задают согласованную ценностную линию в информационном пространстве. В условиях жесткой внешнеполитической и информационной конкуренции такое единство трактуется как важный ресурс национальной безопасности и внутренней согласованности. Критические позиции присутствуют, но, как правило, подаются в формате конструктивной дискуссии, не ставящей под сомнение базовые основы государственного устройства и стратегический выбор страны. Тем самым в публичном пространстве закрепляется образ России как нравственно и политически единой общности, поддерживающей традиционные ценности, свою историческую миссию и действующее руководство (см. рис. 19 — 21)[193].

191 «ЛГБТ-движение» признано экстремистским и запрещено в России.

[192] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценности «Государство» за 2020 — 2025 гг., подготовленном медиааналитическим агентством «РИАЛ ТАЙМ» по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

[193] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Свобода, Воля, Справедливость, Солидарность» за 2020 — 2025 гг., подготовленном коммуникационным агентством Ex Libris по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».



4 300
сообщений
в СМИ

нейтрал	61%
негатив	6%
позитив	33%

- Критика авторитаризма
- Критика новой идеологии («путинизм», «рашизм»)
- Борьба с нежелательными идеологиями
- Смена риторики оппозиции
- Неограниченные полномочия президента

Рис. 17. Ценность «Государство» и идеология в СМИ.
На рисунке представлены результаты анализа 4300 сообщений в СМИ по теме «идеология государства». Позитивный сегмент (33 %) связан с нарративами о борьбе с нежелательными идеологиями, необходимости смены риторики оппозиции, расширении полномочий президента как условия эффективного управления и защиты страны. Критический дискурс 6 % и 61 % носит нейтральный характер.

91 000
сообщений
в СМИ

нейтрал	55%
негатив	5%
позитив	40%

- «Русская весна» и «русский мир» как концепции военной агрессии России
- Критика госпропаганды как одного из основных источников идей нац. идентичности
- Обсуждение концепта «русской весны»
- Обсуждение концепта «русского мира»
- Россия как страна-цивилизация
- Спортивные успехи и достижения для укрепления нац. идентичности

Рис. 18. Ценность «Государство» и кризис идентичности в СМИ.
Диаграмма обобщает 91 000 сообщений в СМИ, посвященных обсуждению концепта «русской весны», «русского мира» и более широких вопросов национальной идентичности. Позитивные нарративы (40 %) описывают Россию как страну-цивилизацию, обсуждают концепты «русской весны» и «русского мира» в контексте защиты соотечественников и укрепления единого культурно-исторического пространства и др. Небольшой негативный сегмент (5 %) и нейтральные материалы (55 %).

Особо показателен официальный медианарратив, связанный с ценностью солидарности. В провластных СМИ солидарность трактуется как готовность граждан к совместным действиям ради общественного блага, поддержки армии, помощи тем, кто оказался в сложной ситуации. Позитивный дискурс вокруг этой темы с 2022 г. все чаще связывается с деятельностью президента, общенациональными акциями, добровольческими инициативами и массовыми патриотическими событиями. Аналитические данные по СМИ, Telegram-каналам и социальным медиа демонстрируют, что понятия «солидарность», «единство», «взаимная поддержка» устойчиво ассоциируются с государственно-патриотическими смыслами, а власть выступает главным инициатором и координатором объединяющих проектов (см. рис. 19—21)[194]. Общество, в свою очередь, показывается как активный участник и соавтор государственной политики, воспринимающий участие в общегосударственных инициативах как форму личной ответственности за будущее страны.

В результате складывается цельная картина, в которой ключевые ценности — сила, патриотизм, служение, солидарность, государственность — представлены как органические элементы текущего курса развития России и ее долгосрочной национальной стратегии.

Альтернативный дискурс в социальных медиа

В 2020—2025 гг. российское цифровое медиапространство стало заметно более полифоничным. Наряду с официальными и провластными площадками активно работают независимые и полунезависимые медиаакторы, прежде всего в социальных сетях и Telegram. Они формируют альтернативные интерпретации происходящего, но при этом опираются на тот же набор базовых ценностей — государственность, справедливость, свободу, солидарность и веру, — споря скорее о способах их реализации. Медиааналитика по ценностным кластерам фиксирует двойственность ситуации. С одной стороны, в альтернативном сегменте социальных сетей заметны острые критические сюжеты, с другой — по большинству тем доминируют нейтральные и позитивные упоминания, а оппозиционная риторика остается сосредоточенной в относительно узком круге пользователей и каналов.

Прежде чем перейти к углубленному анализу критического дискурса, представляется необходимым зафиксировать еще один принципиально важный момент. В рамках исследования, проведенного медиааналитическим агентством «РИАЛ ТАЙМ» и «Ex Libris» по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России» в 2025 г., были изучены не только общие тематические контуры нарративов и баланс их присутствия в медиапространстве в 2020—2025 гг., но и позитивные и негативные нарративы в их раздельной конфигурации. Отдельному анализу подвергались их содержательные характеристики, основные источники формиро-

[194] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Свобода, Воля, Справедливость, Солидарность» за 2020—2025 гг., подготовленном коммуникационным агентством Ex Libris по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

СМИ. ПОЗИТИВ

Ключевые позитивные ЛОМы

Рис. 19. Ключевые позитивные нарративы в СМИ в рамках ценности «Солидарность».

Ключевые позитивные нарративы в СМИ в рамках ценности «Солидарность». Ключевые позитивные лидеры общественного мнения (ЛОМы) в СМИ. Рисунок представляет ранжированный список ключевых позитивных ЛОМов, ассоциируемых в медиадискурсе с ценностью солидарности и государственной поддержкой. Лидирующие позиции занимают: В. Путин (4223 упоминания в позитивном контексте), С. Собянин (1155) и др. Это показывает, что позитивная повестка солидарности и единства максимально персонализируется через политическое и духовное руководство страны, что усиливает эффект доверия и идентификации аудитории с действующей государственной линией.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА. ПОЗИТИВ

Ключевые позитивные ЛОМы

Рис. 20. Ключевые позитивные нарративы и лидеры общественного мнения в социальных медиа в рамках ценности «Солидарность».

Ключевые позитивные нарративы и лидеры общественного мнения в социальных медиа в рамках ценности «Солидарность». Рисунок показывает распределение позитивных упоминаний лидеров общественного мнения: на первом месте В. Путин (3904 упоминания), далее следуют С. Кириенко (906) и др. Это демонстрирует, что даже в более децентрализованной среде социальных медиа позитивная повестка концентрируется вокруг высшего руководства страны и ключевых представителей государственной и духовной элиты.

вания, ключевые акторы и лидеры продвижения, а также динамика и эволюция этих нарративов.

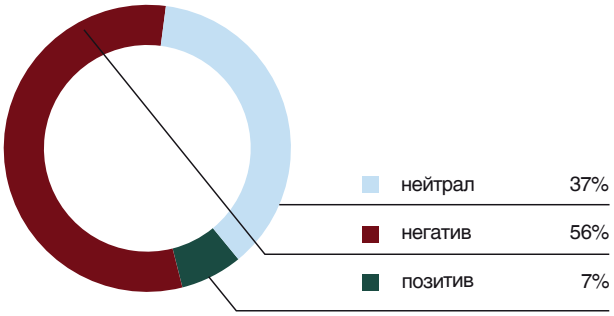
В связи с этим, обращаясь далее к рассмотрению отдельных критических нарративов, акцент будет сделан именно на их динамике, эволюции, содержании и инфраструктуре поддержки, а не на интегральной картине медиапространства, в которой, как уже неоднократно отмечалось, значимое место занимают позитивные нарративы с собственной динамикой и существенной поддержкой. Кроме того, необходимо учитывать совокупность факторов, оказывающих существенное влияние на конструирование, развитие и продвижение критических нарративов. Анализ этих факторов будет начат в настоящем подразделе и завершен в разделе, посвященным формулировке основных выводов.

Рис. 21. Ключевые позитивные нарративы и лидеры общественного мнения в Telegram (ценность «Солидарность»).
Ключевые позитивные нарративы и лидеры общественного мнения в Telegram (ценность «Солидарность»). Ключевые позитивные лидеры общественного мнения (правая часть). Рисунок отображает ранжирование персон, упоминаемых в Telegram в позитивном контексте солидарности. На первом месте с большим отрывом находится В. Путин (7800 позитивных упоминаний), что свидетельствует о высокой степени персонализации доверия и поддержки в этой среде и др. Рисунок фиксирует, что ведущими носителями позитивной повестки в Telegram выступают представители высшего политического и духовного руководства страны, а сама площадка транслирует в значительной степени те же государственно-патриотические акценты, что и провластные СМИ.

Государственность и доверие к институтам. Обсуждения государственности и институтов власти в альтернативном сегменте строятся вокруг высоких ожиданий к эффективности и справедливости государства. В отношении судебной системы медиаданные действительно фиксируют преобладание негативно окрашенных сообщений в социальных сетях (56 % массива упоминаний), однако рядом с ними присутствует значимый нейтральный фон (37 %) и устойчивый позитивный сегмент (7 %) (см. рис. 22[195]).

[195] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценности «Государство» за 2020 – 2025 гг., подготовленном медиааналитическим агентством «РИАЛ ТАЙМ» по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

ВОСПРИЯТИЕ СУДОВ РФ



Пользователи соцсетей негативно оценивают деятельность судебной системы. Распространено мнение, что суды находятся под влиянием властей и действуют в их интересах. Граждане выражают недоверие к справедливости решений, особенно в делах против оппозиции и активистов. Судебная система воспринимается как коррумпированная и формализованная.

Восприятие независимости и коррупции

- Пользователи считают, что суды находятся под большим влиянием руководства страны и не выполняют свою функцию должным образом (фактически отсутствует разделение властей);
- По мнению пользователей, в российских судах процветает коррупция — большинство судей берут взятки.

Недоверие к справедливости решений

- Пользователи считают, что суды выносят приговоры не на основе закона, а по политическим или административным указаниям;
- Распространено мнение, что «исход дела предрешён», особенно в делах против оппозиции, активистов или простых граждан, конфликтующих с властью.

Неравенство перед законом

- Вера в равенство сторон в судебном процессе крайне низка: предполагается, что у влиятельных лиц всегда больше шансов на благоприятный исход.

Формализм и отсутствие прозрачности

- Судебные процессы часто проходят формально, без реального рассмотрения доказательств;
- Информация о делах, особенно резонансных, либо закрыта, либо преподносится однобоко, что усиливает ощущение несправедливости.

Рис. 22. Ценность «Государство», восприятие судов РФ в социальных медиа (2020–2025 гг.).

На круговой диаграмме представлены доли сообщений о судебной системе РФ с разной тональностью: 56 % сообщений имеют негативный характер, 37 % — нейтральный и 7 % — позитивный. Сопроводительный текст на слайде фиксирует, что в критике доминируют темы зависимости судов от исполнительной власти, обвинения в коррумпированности и ощущение неравенства сторон в процессе. Таким образом, график визуализирует концентрацию общественного внимания на проблеме справедливости судебных решений при сохранении меньшего, но стабильного сегмента позитивных оценок, связывающих суд с защитой прав.

Это говорит не только о критике, но и о куда более важном аспекте независимого сегмента медиа. В условиях стремительного развития цифровых технологий медиаконтент становится чрезвычайно уязвимым к разнообразным формам манипуляции. На это указывают, в частности, многочисленные информационные скандалы, связанные с конфликтом в секторе Газа и попытками Израиля оказывать воздействие на американскую аудиторию на молодежных цифровых платформах. Характерным примером здесь выступает скандально-провокационный проект «Эстер»[196], который, являясь

[196] Официальное обращение в Министерство юстиции США, см.: ARA Complaint Alleges U.S-Based Social Media Influencers Are Acting as Agents of Israeli Government. 12.11.2025. https://www.citizen.org/article/fara-complaint-alleges-us-based-social-media-

лишь одним из немногих подобных примеров, получил широкую огласку в публичном пространстве. Соответственно, при анализе независимого сегмента медиа в рамках данного подраздела необходимо исходить из того, что он структурно подвержен манипулятивным воздействиям. Практически по каждому из рассматриваемых блоков будет наблюдаться расхождение между показателями медиаисследований и результатами социологических замеров. К осмыслению данной проблемы и поиску возможных путей ее решения исследование вернется в заключении.

Для анализа рассматриваемого блока показателен целый ряд репрезентативных социологических опросов, отражающих динамику доверия к государственным институтам. Так, согласно данным ВЦИОМ, около 62 % россиян доверяют полиции своего региона, что практически вдвое превышает соответствующий показатель 2012 г.[197] и позволяет говорить о долгосрочном росте институционального доверия в сфере правоохранительной деятельности. В качестве дополнительного ориентира могут быть использованы и результаты исследования «Институциональное доверие: сентябрь 2025»[198], в рамках которого уровень доверия к судебной системе зафиксирован на отметке около 50 %.

Похожая картина наблюдается и вокруг выборов. В альтернативном дискурсе в социальных сетях заметен слой скептических высказываний; в исследуемом массиве сообщений доля критических интерпретаций избирательного процесса достигает 68 %, при 24 % позитивных и 8 % нейтральных оценок (см. рис. 23[199]).

Однако данные репрезентативных опросов показывают важный контрапункт: среди реально голосующих граждан две трети считают, что выборы в их регионе проходят честно и без серьезных нарушений, и доверяют их результатам; в целом по стране доля доверяющих официальным итогам голосования достигает 60 — 61 % и демонстрирует рост за последние годы[200]. Таким образом, цифровой скепсис не отменяет, а скорее подчеркивает значимость выборов и суда как опорных институтов российской государственности.

Свобода, права и справедливость: поиск баланса. Дискурс о свободе и правах в социальных сетях нельзя сводить только к правозащитной критике. Медиаисследование по ценности «Свобода (воля)» показывает, что в совокупном массиве сообщений в социальных сетях 2020 — 2025 гг. преобладают нейтральные (83 %)

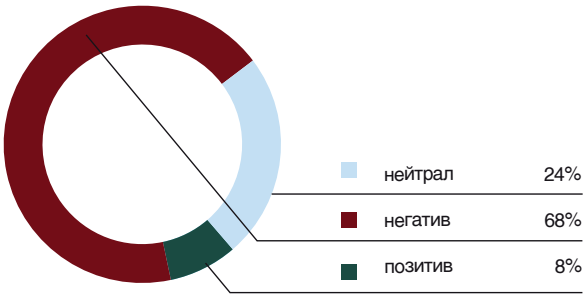
influencers-are-acting-as-agents-of-israel/ (дата обращения: 14.11.2025 г.).

[197] Подробнее см.: «Профессия: полицейский» // ВЦИОМ. 07.11.2024 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii-1? (дата обращения: 19.11.2025 г.).

[198] В рамках настоящей статьи данные исследования рассматриваются только как дополнительный справочный ориентир для сопоставления динамики, но не как базовый источник описания общественных установок. Подробнее см.: Институциональное доверие: сентябрь 2025 г. // Левада-центр. 16.10.2025 г. URL: https://www.levada.ru/2025/10/16/institutsionalnoe-doverie-sentyabr-2025/ (дата обращения 19.11.2025 г.). АНО «Левада-центр» внесена Минюстом РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

[199] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценности «Государство» за 2020 — 2025 гг., подготовленном медиааналитическим агентством «РИАЛ ТАЙМ» по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

[200] Подробнее см.: Выборы в России: участие, легитимность, доверие // ВЦИОМ. 15.11.2023 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-rossii-uchastie-legitimnost-doverie? (дата обращения: 15.11.2025 г.) и др.



Исследование мнений пользователей в социальных сетях демонстрирует глубокий кризис доверия к избирательной системе России. Общий тон высказываний в значительной степени негативный, что позволяет говорить о доминирующем недоверии к выборам как к инструменту политического участия и влияния.

1. Недоверие к легитимности и честности процесса

- Наиболее частый мотив — убежденность в том, что результаты выборов заранее известны и контролируются властью. Пользователи пишут, что «выборы — это фикция», «цирк» и «просто спектакль для галочки»;
- Распространено мнение, что «голоса переписывают» или «рисуют явку и результаты», особенно на региональном уровне.

2. Апелляции к предыдущему опыту

- Люди вспоминают случаи фальсификаций и манипуляций, в том числе из собственных наблюдений: «работал наблюдателем — знаю, как это делается», «в прошлом году видел вбросы»;
- Используются выражения вроде «опять те же грабли», «никогда ничего не меняется».

3. Связь с авторитарным управлением, отсутствие реального выбора

- Часто упоминается невозможность сменяемости власти и тотальный контроль со стороны Кремля: «никого, кроме Путина, нам не предложат», «все кандидаты — спойлеры»;
- Некоторые пользователи иронизируют: «Путин — вечный президент», «можно не ходить — за тебя уже проголосовали».

4. Административный ресурс:

- Судебные процессы часто проходят формально, без реального рассмотрения доказательств;
- Информация о делах, особенно резонансных, либо закрыта, либо преподносится однобоко, что усиливает ощущение несправедливости.

Рис. 23. Ценность «Государство», отношение к выборам в России в социальных медиа (2020–2025 гг.).

Диаграмма демонстрирует распределение тональностей обсуждения выборов: 68 % упоминаний носят негативный характер, 24 % — позитивный, 8 % — нейтральный. В пояснительном блоке выделены четыре смысловых кластера критики: сомнения в честности и легитимности процесса, апелляции к прошлому опыту фальсификаций и т.д. На этом фоне фиксируется и позитивный слой высказываний, где выборы рассматриваются как необходимая процедура политического участия и подтверждения доверия к действующей власти.

интерпретации, тогда как негативные составляют 14 %, а позитивные — 3 % (см. рис. 24[201]).

На площадках с позитивной тональностью свобода последовательно «встраивается» в рамку порядка, ответственности и коллективного результата: речь идет о добровольчестве, участии в государственных и общественных проектах, праве на инициативу в рамках общих правил. В альтернативном сегменте, напротив, акцент делается на ограничениях, цензуре и рисках для частной автономии, но это критическое измерение существует на фоне

[201] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Свобода, Воля, Справедливость, Солидарность» за 2020 – 2025 гг., подготовленном коммуникационным агентством Ex Libris по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

общего смещения общественного запроса к равновесию свободы и безопасности. Важно, что идея справедливости в массовых опросах связывается прежде всего с социальной поддержкой и заботой государства, а не только с набором индивидуальных прав[202]. Это задает рамку, в которой даже резкая критика частных случаев коррупции или неравенства в социальных сетях прочитывается как требование «больше справедливости от государства», а не как отказ от самой ценности.

«Правда» и знание: конкуренция интерпретаций. Вокруг ценности «Правда» в социальных медиа идет наиболее эмоциональная дискуссия. Негативный блок по этой теме агрегирует повестку разоблачений, расследований и скепсиса в отношении официальных версий событий (см. рис. 25[203]). При этом сам факт, что значительная часть оппозиционного контента строится вокруг языка «правды» и «фактов», показывает: ценность достоверной информации не оспаривается, спор идет за право интерпретации и за источник легитимной истины. Параллельно развивается позитивный дискурс о правде, в котором опорными фигурами становятся государственные и общественные институты, демонстрирующие открытость данных, работу волонтерских и правозащитных механизмов, публичную отчетность и расследование злоупотреблений. Этот контур менее заметен по эмоциональному накалу, но важен как ресурс институционального доверия и как канал включения граждан в проверяемые практики — от общественных наблюдателей на выборах до инициатив по борьбе с фейками.

Добро, солидарность и социальная чувствительность. Ценность «Добро» в сетевом пространстве проявляется двояко. Негативный сегмент фиксирует усталость от «официального добра» и критику случаев, когда благотворительные и волонтерские акции воспринимаются как административно заданные или избыточно медийные (см. рис. 26[204]). Однако именно эта критика показывает, насколько высоки ожидания общества к подлинности и адресности помощи. Одновременно медиаисследования демонстрируют мощный позитивный массив «низового добра»: истории волонтеров, кампании взаимопомощи, флешмобы #МыВместе, инициативы поддержки семей и военнослужащих, локальные сообщества помощи. Для значительной части пользователей социальных сетей добро — это не абстрактный лозунг, а конкретное действие рядом: помощь соседям, участие в сборах, благотворительные проекты. В этом смысле онлайн-пространство усиливает традиционную для России установку на общинность и взаимовыручку, превращая ее

[202] Подробнее см.: «Социальная справедливость: мониторинг» // ВЦИОМ. 07.05.2025 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring-07052025? (дата обращения: 20.11.2025 г.) (далее — «Социальная справедливость: мониторинг» // ВЦИОМ. 07.05.2025 г.); «Социальная справедливость: мониторинг» // ВЦИОМ. 27.02.2024 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring? (дата обращения: 20.11.2025 г.) (далее — «Социальная справедливость: мониторинг» // ВЦИОМ. 27.02.2024 г.).

[203] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Правда, Знание, Добро, Созидание» за 2020 – 2025 гг., подготовленном коммуникационным агентством Ex Libris по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

[204] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Правда, Знание, Добро, Созидание» за 2020 – 2025 гг., подготовленном коммуникационным агентством Ex Libris по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

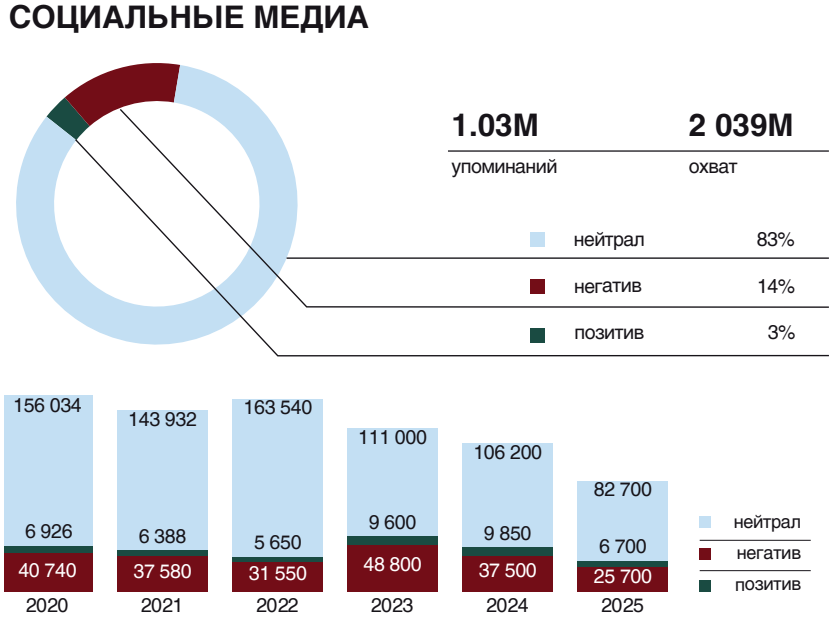


Рис. 24. Общий тон дискурса о свободе в социальных медиа (2020–2025 гг.).
Сводный график по ценности «Свобода» включает круговую диаграмму и столбчатую динамику по годам. Круговая диаграмма показывает, что 83 % сообщений имеют нейтральную тональность, 14 % — негативную и 3 % — позитивную. Внизу представлены годовые объемы: в 2020–2022 гг. фиксируется рост общего числа упоминаний (от 156 до 163 тыс.), далее небольшое снижение к 2025 г. (до 82,7 тыс.). Негатив и позитив по абсолютным значениям остаются существенно меньшими по сравнению с нейтральным фоном, что указывает на преобладание описательных и информационных сообщений и локализацию конфликтных обсуждений в сравнительно узком сегменте аудитории.

Рис. 25.[205, 206] Негативный блок по ценности «Правда» в социальных медиа (2020–2025 гг.).
Негативный блок по ценности «Правда» в социальных медиа (2020-2025 гг.). Представлен рейтинг ключевых негативных лидеров общественного мнения с указанием

[205] Доступ к социальной сети Facebook на территории Российской Федерации ограничен; деятельность компании Meta Platforms Inc., которой принадлежит Facebook, признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации; Доступ к социальной сети Instagram на территории Российской Федерации ограничен; деятельность компании Meta Platforms Inc., которой принадлежит Instagram, признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации; Доступ к социальной сети Twitter (ныне X) на территории Российской Федерации ограничен. Роскомнадзор сообщал о полной блокировке сервиса на территории страны; Некоммерческая организация «Фонд борьбы с коррупцией» признана экстремистской организацией и её деятельность запрещена на территории Российской Федерации (решение Московского городского суда от 09.06.2021).

[206] Александр Глебович Невзоров включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Виктор Анатольевич Шендерович включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Михаил Борисович Ходорковский включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Леонид Михайлович Волков включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Илья Валерьевич Яшин включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

количества связанных упоминаний. Вторая часть — распределение сообщений по платформам: наибольший объём критических дискуссий приходится на «ВКонтакте» и «Одноклассники».

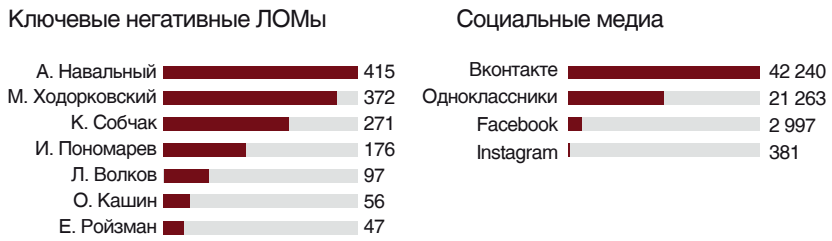


Рис. 26.[207] Негативный нарратив по ценности «Добро» в социальных медиа (2020–2025 гг.).

Негативный нарратив по ценности «Добро» в социальных медиа (2020—2025 гг.). В блоке негативных лидеров мнений представлены оппозиционные политики, общественные деятели и журналисты, чьи сообщения задают критический тон обсуждения благотворительных и гуманитарных программ. Показатели по соцсетям показывают доминирование «ВКонтакте» и «Одноклассников» по объему негативных публикаций, при меньшей, но заметной роли Facebook[208] и Instagram[209]. Критика официального дискурса о добре концентрируется прежде всего в либеральном и эмигрантском медиасегменте.

в визуально и эмоционально насыщенную норму повседневности. Социологические данные подтверждают, что граждане все чаще оценивают российское общество как справедливое и отмечают, что политика властей способствует укреплению социальной справедливости, что прямо увязывается с инициативами поддержки семей, участников СВО и уязвимых групп[210].

[207] Михаил Борисович Ходорковский включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Илья Владимирович Пономарев включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Михайлович Волков включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Олег Владимирович Кашин включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Евгений Вадимович Ройзман включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Телеканал «Дождь» включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов. Деятельность SIA TV Rain и TVR Studios B.V. признана нежелательной на территории Российской Федерации; «Радио Свободная Европа. Радио Свобода» включено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов. Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации; Некоммерческая организация «Фонд борьбы с коррупцией» признана экстремистской организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации; Дмитрий Александрович Низовцев включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

[208] Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией и ее деятельность (соцсети Facebook и Instagram) запрещена на территории Российской Федерации (Решение Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 № 02-2473/2022).

[209] Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией и ее деятельность (соцсети Facebook и Instagram) запрещена на территории Российской Федерации (Решение Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 № 02-2473/2022).

[210] Подробнее см.: «Социальная справедливость: мониторинг» // ВЦИОМ. 27.02.2024 г.; «Социальная справедливость: мониторинг» // ВЦИОМ. 07.05.2025 г.

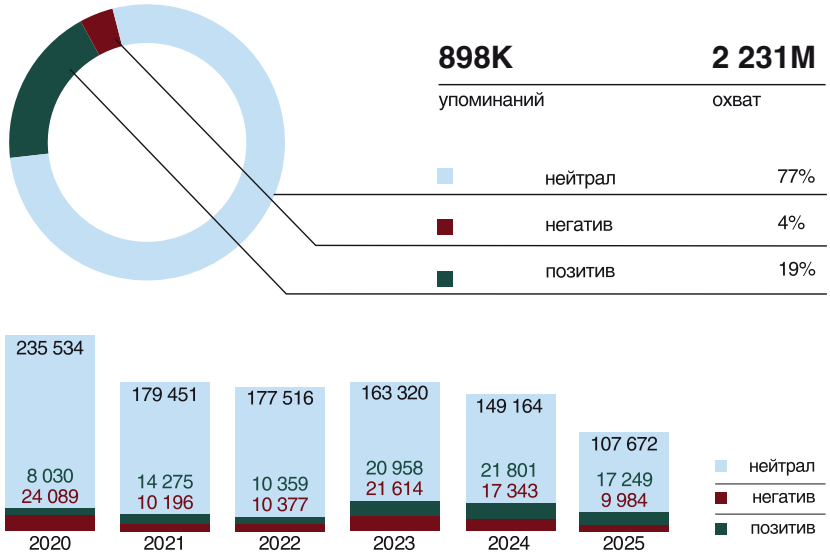


Рис. 27. Дискурс о вере в социальных медиа (2020–2025 гг.).
Круговая диаграмма отражает структуру тональностей: 19 % сообщений о вере носят позитивный характер, 4 % — негативный и 77 % — нейтральный. Линейно-столбчатый блок внизу показывает динамику упоминаний по годам: общее количество сообщений остается высоким на всем протяжении периода (от 107 до 235 тыс. упоминаний в год), при этом в 2022–2023 гг. наблюдается пик обсуждений, связанный с включением темы веры в «большую» повестку (СВО, гуманитарные миссии и др.). «Вера» в социальных медиа функционирует прежде всего как инфраструктура повседневной солидарности и культурной идентичности: позитивный и нейтральный фон существенно преобладают над критическим, а легитимность религиозной тематики максимальна там, где она опирается на проверяемые практики помощи и ритуала, а не на чисто декларативные заявления.

Вера: между культурной нормой и личным выбором. Наиболее устойчивый позитивный контур в социальных сетях формируется вокруг ценности «Вера». Интегральный график по социальным медиа (см. рис. 27[211]) показывает, что при общем объеме обсуждения почти 900 тыс. упоминаний и охвате свыше 2,2 млрд позитивные сообщения составляют около 19 %, негативные — лишь 4 %, тогда как подавляющее большинство (77 %) имеет нейтральный характер.

Аналитика по этой теме фиксирует эволюцию от сугубо символической опоры к повседневной религиозности: приходская жизнь, благотворительные проекты, семейные и календарные ритуалы. К 2024 – 2025 гг. в сетевом дискурсе закрепляется связка «вера — служение — патриотизм»: сюжеты о военных священниках, гуманитарных миссиях и межконфессиональных акциях формируют представление о вере как моральном ресурсе национальной консолидации. Социология подтверждает высокий уровень религиозной самоидентификации: по опросам ВЦИОМ, около 83 % россиян называют себя верующими, при этом две трети — православные;

[211] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценностей «Открытость, Вера, Всеохватность» за 2020 – 2025 гг., подготовленном коммуникационным агентством Ex Libris по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

религия рассматривается прежде всего как источник моральных норм и культурной принадлежности[212].
В онлайн-обсуждениях это выражается в доминировании «тихих» сюжетов — праздников, благотворительности, рассказов о личных переживаниях. Критика связки «церковь — власть» и отдельных случаев роскоши или дисциплинарных решений присутствует, но не разрушает ядро ценности; напротив, подчеркивает запрос на согласование политических решений с нравственными ожиданиями общества.

Конкуренция нарративов и внешние влияния

Современное российское цифровое медиапространство представляет собой поле соперничества нескольких ценностных нарративов. Центральное место в нем занимает государственно-патриотический дискурс, который задает рамку обсуждения вопросов безопасности, суверенитета и исторической памяти и тем самым выполняет интегративную функцию для общества. Наряду с ним присутствуют альтернативные интерпретации, нередко опирающиеся на повестку внешних акторов и глобальных цифровых платформ. В условиях информационной глобализации конкуренция за внимание аудитории приобретает стратегическое значение: от того, какой нарратив станет для большинства «по умолчанию», зависит устойчивость российской модели информационного суверенитета и способность государства проводить долгосрочную политику (см. рис. 28 — 31).

Противостояние без диалога

Провластная и альтернативная медиасреды развиваются как два во многом автономных сегмента. Одна часть граждан в первую очередь доверяет официальным СМИ и близким к государству Telegram-каналам, другая — блогерам на глобальных платформах, оппозиционным сайтам и сетевым сообществам. Фактически формируются две разные системы координат, в которых одни и те же события получают разную интерпретацию. При этом именно провластный нарратив остается нормативным центром публичной сферы: он опирается на конституционные ценности, институциональную ответственность и необходимость обеспечения безопасности страны. Альтернативные площадки чаще используют эмоционально заряженный язык и протестные рамки, что способствует поляризации, но не всегда предлагает конструктивную повестку.
По отношению к теме патриотизма и СВО это особенно заметно. Количественный анализ 47,5 тыс. сообщений в социальных медиа показывает, что совокупная доля позитивных и нейтральных интерпретаций (60 %) превышает долю открыто негативных

[212] Мы рассматривали это социологическое исследование в "Социологическом анализе отражения приоритетных ценностей в массовом сознании". Подробнее см.: Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 09.06.2025 г. и др.

(40 %). Позитивный кластер объединяет сообщения о борьбе с дезинформацией, необходимости консолидации российского общества и поддержке СВО как легитимного инструмента защиты национальных интересов. Негативный кластер связан с критикой государственной позиции и попытками представить патриотизм как механизм «ограничения свободы». Таким образом, несмотря на наличие оппонирующих нарративов, ядро дискурса остается лояльным по отношению к государству (см. рис. 28).

В этом смысле стоит еще раз отметить, что здесь речь скорее не столько о расколе, сколько о сосуществовании нескольких ценностных миров, где государственно-патриотический мир выступает системообразующим, а альтернативные — периферийными, функционирующими преимущественно в нишевых аудиториях.

Рис. 28[213]. Конкуренция нарративов в социальных медиа по ценности «Патриотизм» за 2020–2025 гг.

Кольцевая диаграмма построена по массиву 47 500 сообщений и отражает распределение тональностей по тематике патриотизма и СВО: 31 % сообщений имеют позитивную окраску, 40 % — негативную, 29 % — нейтральную. Внешнее кольцо разделено на два смысловых блока. Диаграмма демонстрирует одновременное присутствие консолидирующего государственно-патриотического нарратива и критических интерпретаций, при количественном преобладании суммарного позитивного и нейтрального контента.

[213] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценности «Патриотизм» за 2020 – 2025 гг., подготовленном медиааналитическим агентством «РИАЛ ТАЙМ» по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

Борьба за повестку и рамки обсуждения

Конкуренция нарративов проявляется прежде всего в борьбе за интерпретацию ключевых событий. Провластные цифровые ресурсы по факту задают первичную рамку, предлагая рационализированное объяснение происходящего и связывая его с долгосрочными целями развития страны. Так, частичная мобилизация 2022 г. в этом дискурсе описывалась как вынужденная, но необходимая мера по обеспечению безопасности и защите жителей новых территорий, напрямую соотнесенная с ценностями долга и служения Отечеству. Альтернативные площадки реагируют на такие события через призму недоверия к государственным институтам, специально расставляя акценты на отдельных частных случаях и человеческих страхах. Именно так формируются нарративы о «нарушенном обещании», «социальной несправедливости» и т.п. Эти интерпретации активно конкурируют за восприятие, но их устойчивость зависит от того, насколько они подкреплены фактами и соответствуют повседневному опыту большинства граждан. Схожая динамика наблюдается и вокруг других тем — от интеграции новых регионов и конституционных поправок до внешнеполитического курса. Любой ценностный тезис власти получает контртезис в оппозиционном дискурсе, но именно провластный нарратив обладает ресурсом институциональной поддержки, образовательной и культурной инфраструктуры. Это позволяет ему оставаться доминирующей рамкой, внутри которой переосмысляются и частные проблемы, и конфликтные сюжеты (см. рис. 29). В сфере молодежной политики измерения показывают еще более выраженный потенциал для позитивной повестки. В массиве 1,85 млн сообщений, посвященных теме «Молодежь и патриотизм», две трети контента имеют позитивную или нейтральную тональность (29 % и 38 % соответственно). Позитивные сообщения концентрируются вокруг сохранения исторической памяти, участия молодежи в патриотических акциях, осмысления Победы в Великой Отечественной войне как центрального элемента гражданской идентичности. Негативный сегмент (33 %) пытается маркировать патриотическое воспитание как «пропаганду» или инструмент давления, но в количественном отношении остается меньшинством.

Информационные войны и роль цифровых платформ

Внешний фактор усиливает конкуренцию нарративов. Сегодня альтернативный дискурс внутри России во многом подпитывается именно внешними источниками: русскоязычные редакции зарубежных медиа, украинские официальные аккаунты и блогеры, а также контент эмигрантских сообществ транслируют в российский сегмент соцсетей нарративы, формирующие устойчиво негативный образ российской государственности и военной политики. Эти нарративы постоянно апеллируют к негативной риторике в отношении России. Российское руководство открыто фиксирует наличие масштабных информационных кампаний,

Рис. 29[214]. Конкуренция нарративов в социальных медиа по ценности «Патриотизм» за 2020–2025 гг.

Диаграмма основана на анализе 1 850 000 сообщений. Внутреннее кольцо отражает тональность дискурса: 29 % сообщений носят позитивный характер, 33 % — негативный, 38 % — нейтральный. Внешнее кольцо структурирует содержательные кластеры. Диаграмма показывает, что при наличии критики государственная линия на укрепление исторической памяти и вовлеченность молодежи в патриотические практики задает основное содержательное поле дискуссии.

исходящих от западных государств и аффилированных с ними медиаструктур. В ответ формируется система правовых и технологических барьеров (статус «иноагента», ограничения для отдельных платформ и СМИ), направленных на защиту информационного пространства и снижение уязвимости общества перед внешними вмешательствами.

Структура ключевых источников показывает, что данная конкуренция разворачивается между двумя хорошо организованными блоками (рис. 30). С одной стороны, это системные российские ресурсы — РИА Новости, ТАСС, «Царьград», канал «Спецоперация Z», «Известия» и др., представленные в Telegram, «Яндекс.Дзене», «ВКонтакте» и других отечественных экосистемах. Их совокупная аудитория исчисляется миллионами подписчиков и обеспечивает устойчивое присутствие государственно-патриотического нарратива. С другой стороны, значительный охват имеют площадки, систематически транслирующие критический или откровенно антироссийский дискурс: телеканал «Дождь», «Настоящее время», «Навальный LIVE», «Популярная политика», «Ходорковский LIVE»,

[214] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценности «Патриотизм» за 2020 – 2025 гг., подготовленном медиааналитическим агентством «РИАЛ ТАЙМ» по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

DW на русском и др[215]. Большинство из них базируются за пределами России и функционируют как каналы внешнего влияния, хотя формально обращаются к российской аудитории.

Конфигурация платформ также имеет принципиальное значение для устойчивости национального нарратива (см. рис. 31). Наиболее емкими площадками обсуждения ценности служения оказываются отечественные соцсети: около 48 % всех релевантных сообщений приходится на «ВКонтакте» и еще 33 % — на «Одноклассники». Еще 13 % генерируется в Telegram. Остальные глобальные платформы — «Яндекс.Дзен», YouTube, Facebook[216], Instagram[217], TikTok, Rutube и LiveJournal — суммарно дают порядка 7 % сообщений. Это означает, что ключевые коммуникационные потоки по теме служения и патриотизма уже «привязаны» к российской цифровой инфраструктуре, что объективно усиливает информационный суверенитет государства. В то же время именно на менее массовых, но более конфликтных сегментах (YouTube, отдельные Telegram-каналы, Facebook[218]) концентрируется критический дискурс. Таким образом, цифровая инфраструктура превращается в пространство, где лояльный большинству граждан нарратив конкурирует с альтернативными интерпретациями, но делает это уже на базе преимущественно отечественных платформ.

Сложившаяся ситуация позволяет говорить о том, что борьба за внимание — новый дефицитный ресурс цифровой эпохи — разыгрывается в условиях, когда у российской стороны есть как собственный инструментарий стратегической коммуникации, так и институциональные механизмы защиты от наиболее агрессивных внешних информационных атак.

[215] Телеканал «Дождь» включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов. Деятельность SIA TV Rain и TVR Studios B.V. признана нежелательной на территории Российской Федерации; Телеканал «Настоящее Время» включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов. Деятельность связанной с ним организации «Радио Свободная Европа. Радио Свобода» признана нежелательной на территории Российской Федерации; Медиакорпорация Deutsche Welle включена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов. Деятельность Deutsche Welle признана нежелательной на территории Российской Федерации; Екатерина Михайловна Шульман включена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Проект «Можем объяснить» включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Михаил Борисович Ходорковский включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Информационный ресурс «Навальный LIVE» аффилирован со структурами А.А. Навального; связанные с ними организации (включая «Фонд борьбы с коррупцией») признаны экстремистскими, их деятельность запрещена на территории Российской Федерации (решение Московского городского суда от 09.06.2021); Информационный ресурс «Популярная политика» аффилирован со структурами А.А. Навального; связанные с ними организации признаны экстремистскими, их деятельность запрещена на территории Российской Федерации (решение Московского городского суда от 09.06.2021); Информационный ресурс «ЧТД» включён в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации; Информационный ресурс «Anton S Live» связан с Антоном Шульцем (Anton S), включённым Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

[216] Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией и ее деятельность (соцсети Facebook и Instagram) запрещена на территории Российской Федерации (Решение Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 № 02—2473/2022).

[217] Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией и ее деятельность (соцсети Facebook и Instagram) запрещена на территории Российской Федерации (Решение Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 № 02—2473/2022).

[218] Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией и ее деятельность (соцсети Facebook и Instagram) запрещена на территории Российской Федерации (Решение Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 № 02—2473/2022).

ИНФОАТАКИ

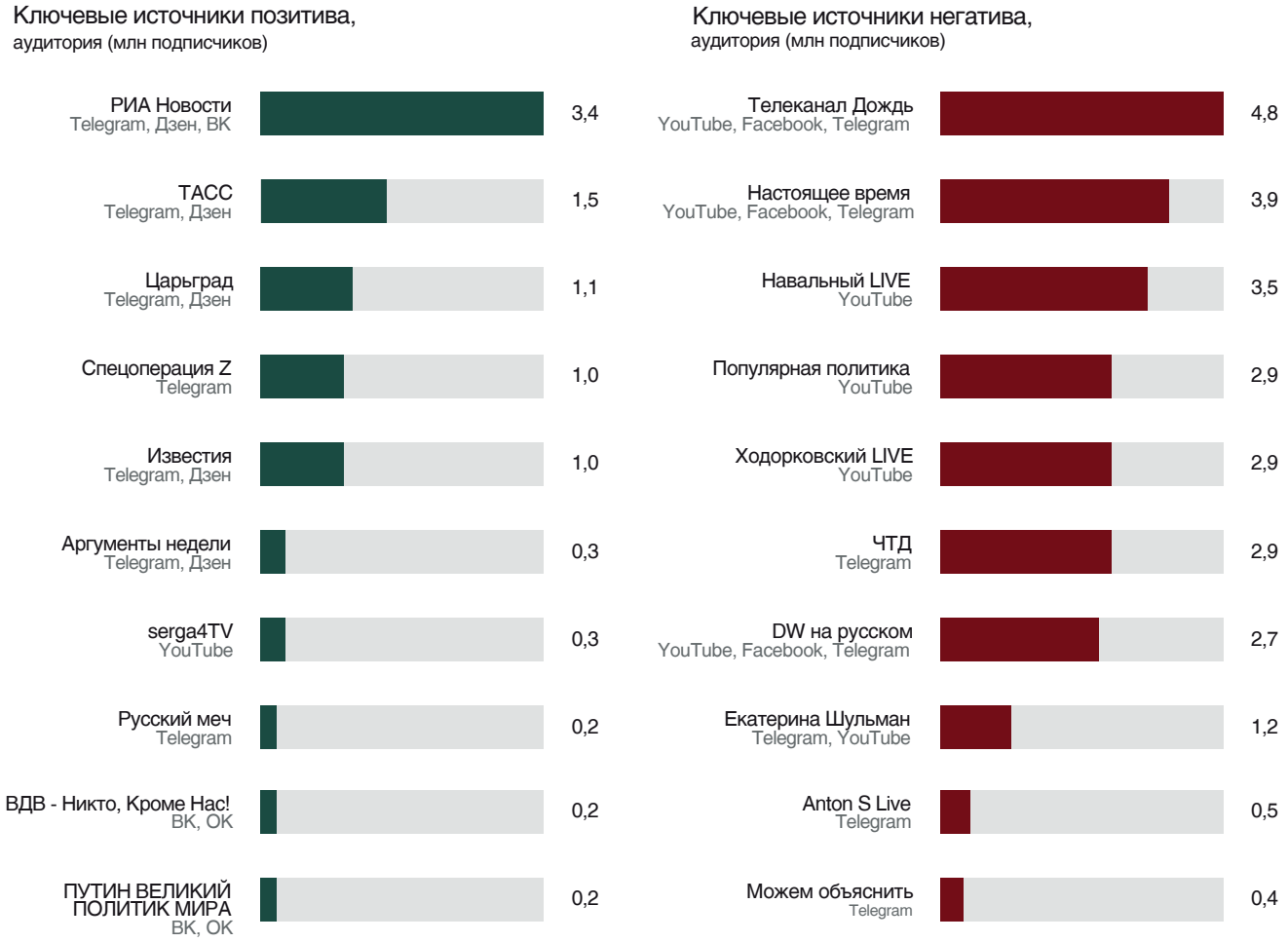


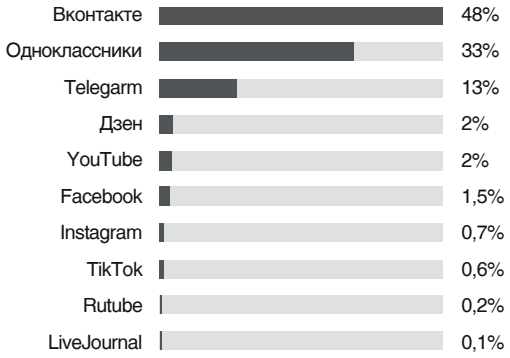
Рис. 30[219, 220]. Ключевые источники позитивных и негативных сообщений по ценности «патриотизм» в рамках информационных атак (2020–2025 гг.).

На графике представлена столбчатая диаграмма с двумя колонками. Левая колонка фиксирует «источники позитива» с указанием потенциальной аудитории в млн. подписчиков, а правая — «источники негатива». Столбчатая диаграмма демонстрирует наличие двух сравнимых охвату блоков — лояльного и критического, при этом «позитивный» блок в отличие от «негативного» представлен преимущественно российскими медиа и сообществами.

[219] Инфографика представлена в обширном медиаанализе ценности «Патриотизм» за 2020 – 2025 гг., подготовленном медиааналитическим агентством «РИАЛ ТАЙМ» по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

[220] Телеканал «Дождь» включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов. Деятельность SIA TV Rain и TVR Studios B.V. признана нежелательной на территории Российской Федерации; Телеканал «Настоящее Время» включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов. Деятельность связанной с ним организации «Радио Свободная Европа. Радио Свобода» признана нежелательной на территории Российской Федерации; Медиакорпорация Deutsche Welle включена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов. Деятельность Deutsche Welle признана нежелательной на территории Российской Федерации; Екатерина Михайловна Шульман включена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Проект «Можем объяснить» включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Михаил Борисович Ходорковский включен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов; Информационный ресурс «Навальный LIVE» аффилирован со структурами А.А. Навального; связанные с ними организации (включая «Фонд борьбы с коррупцией») признаны экстремистскими, их деятельность запрещена на территории Российской Федерации (решение Московского городского суда от 09.06.2021); Информационный ресурс «Популярная политика» аффилирован со структурами А.А. Навального; связанные с ними организации признаны экстремистскими, их деятельность запрещена на территории Российской Федерации (решение Московского городского суда от 09.06.2021); Информационный ресурс «ЧТД» включён в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации; Информационный ресурс «Anton S Live» связан с Антоном Шульцем (Anton S), включённым Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

СЛУЖЕНИЕ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР



Дискуссия о служении как государственной идеологии в социальных сетях демонстрирует поляризацию, характерную для цифрового пространства, где доминирующий лояльный нарратив сталкивается с альтернативными и критическими интерпретациями.

По зонам наиболее активного циркулирования позитивных или негативных установок в отношении ценности служения ключевые площадки соцмедиа стоит условно разделить на следующие две группы:
Позитивный дискурс, наиболее заметный на платформах ВКонтакте, Одноклассники и Rutube, продолжает линию официальных СМИ, акцентируя на основных темах служения;
Негативный дискурс, сосредоточенный в меньших по охвату, но активных сегментах (YouTube, Telegram, Facebook), критикует:
- Идеологическое давление;
- Подмену ценностей, когда исторические примеры служения (например, Победа в ВОВ) используются для оправдания текущей политики.

Рис. 31[221, 222]. «Служение» как государственная идеология и ценностный ориентир: Топ-10 площадок социальных медиа.
Кольцевая диаграмма показывает структуру площадок, на которых ведутся обсуждения ценности служения. Крупнейший сегмент составляет «ВКонтакте» — 48 % всех релевантных сообщений. На долю «Одноклассников» приходится 33 %, Telegram — 13 %. Таким образом, более 94 % всего массива коммуникаций по теме служения сосредоточено в российских соцсетях и Telegram, что подчеркивает доминирование национальных платформ в формировании ценностного дискурса и усиливает потенциал государства по поддержанию информационного контроля и идеологической консистентности.

Сравнительная таблица провластных и либерально-оппозиционных нарративов в цифровых медиа

Для наглядности представим ключевые нарративы двух медиасегментов в сравнении, а также отметим некоторые точки соприкосновения. В таблице представлены наиболее полярные тезисы, критическая часть которых пользуется лишь незначительной поддержкой. Они отобраны таким образом, чтобы наглядно продемонстрировать, что, несмотря на существенный разрыв между позитивными и негативными нарративами, сохраняется тяготение к определённым общим ценностным установкам. Эти установки, вне зависимости от масштаба расхождений, продолжают выполнять функцию консолидирующего фактора для обоих типов дискурса (см. рис. 32).

[221] Инфографика представлена в обширном медиааанализе ценностей «Служение, Сила» за 2020 – 2025 гг., подготовленном медиааналитическим агентством «РИАЛ ТАЙМ» по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России».

[222] Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией и ее деятельность (соцсети Facebook и Instagram) запрещена на территории Российской Федерации (Решение Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 № 02-2473/2022).

МЕДИА–ЛАНДШАФТ РОССИИ
ДВА ИЗМЕРЕНИЯ ДИСКУРСА.

Точки соприкосновения. Разные трактовки

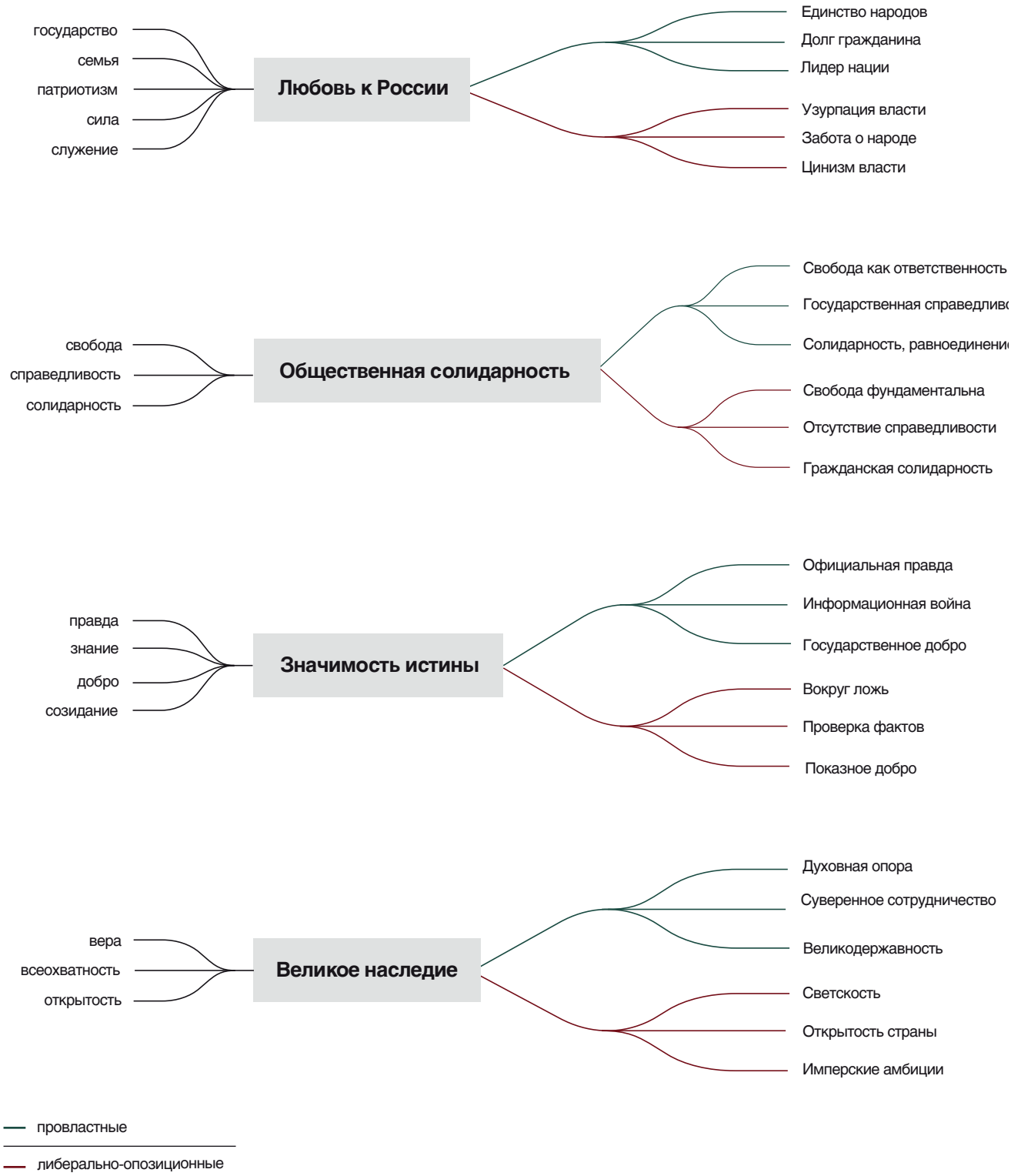


Рис. 32[223]. Сравнительная таблица провластных и либерально-оппозиционных нарративов в медиа по четырем группам ценностей, с указанием точек соприкосновения, в которых нарративы обоих медиасегментов демонстрируют совпадение или частичное пересечение ценностных ориентиров.

[223] Сводная таблица основана на результатах медиаисследований ценностей Первой, Второй, Третьей и Четвертой групп за 2020-2025 гг., проведенных коммуникационным агентством Ex Libris в 2025 г., по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России». Подготовлено авторами-экспертами ФК «Цивилизационное будущее России» Спартаком С.А.

Как видно из таблицы, в рамках первой группы ценностей центральным выступает образ России как единой семьи народов, объединенной вокруг сильной государственности и персонализированного лидерства. Официальный дискурс подчеркивает, что патриотизм — это не только чувство, но и моральный долг гражданина, выражающийся в готовности трудиться на благо страны, бережно относиться к ее истории и культурному разнообразию. Лидер нации в этой оптике предстает символом национального единства и выразителем интересов большинства. В общественной дискуссии при этом присутствуют и иные акценты: часть акторов стремится расширить понимание патриотизма, связывая его с гражданской ответственностью, вниманием к социальным проблемам и запросом на повышение эффективности институтов. Отдельно проводится различие между государством и Родиной, однако и в таком подходе принадлежность к России и любовь к ней остаются несомненными. Несмотря на различия в риторике, точкой соприкосновения обеих линий остается признание ключевой роли любви к стране, патриотизма, семьи и традиционных ценностей как основы общественной консолидации. Различие заключается преимущественно в том, каким инициативы — от волонтерских проектов и благотворитель
образом эти ценности реализуются на практике - либо через поддержку действующего курса, либо через ориентацию на изменение форм и баланса участия государства и общества в их воплощении.

Во второй группе ценностей провластный нарратив интерпретирует свободу прежде всего как ответственную, неразрывно связанную с безопасностью, социальной стабильностью и единством страны. Права личности встраиваются в более широкий контекст общественного блага, а справедливость понимается как результат устойчивой системы управления, где государство выступает главным гарантом порядка и защиты слабых. Солидарность здесь мыслится как готовность граждан поддерживать государственные программ до помощи армии и участия в крупных общественных акциях. В альтернативных интерпретациях акцент чаще делается на автономии личности и развитии гражданского общества, которое призвано дополнять усилия государства, поднимая острые социальные темы и формируя горизонтальные практики взаимопомощи. Закон, согласно этому подходу, должен в равной мере защищать и гражданина, и государство, минимизируя риск злоупотреблений. При всех расхождениях в оценках текущей ситуации и распределения ответственности обе линии сходятся в признании важности справедливости, солидарности и уважения к человеческому достоинству. Спор идет, по сути, о соотношении роли государства и гражданского общества как субъектов достижения этих целей, что открывает возможности для синтеза вертикальных и горизонтальных форм солидарности в будущем.

В третьей группе ценностей официальная риторика строится вокруг установки на защиту правды и национальных интересов в условиях интенсивной информационной конкуренции. Официальная интерпретация событий позиционируется как ориентир, опирающийся на государственные институты, экспертные ресурсы и историческую ответственность. Провластные СМИ и просветительские проекты призваны укреплять информа-

ционный суверенитет, развивать культуру ответственного потребления информации, поддерживать национально ориентированные образовательные инициативы и патриотическое воспитание. Особое значение придается сохранению исторической памяти и фиксации базовых оценок ключевых событий через правовые и институциональные механизмы. В альтернативном дискурсе подчеркивается значимость плюрализма мнений, независимой журналистики и общественных расследований, а также необходимость постоянной проверки источников и открытой экспертной дискуссии. Обсуждаются и вопросы академической автономии, роли университетов и научных центров в глобальном научном обмене. В итоге обе стороны сходятся в признании фундаментальной ценности истины, знания и высокого уровня информационной культуры, а также необходимости критического осмысления медиасообщений. Различаются, прежде всего, критерии «правильного» результата такого анализа, но сама установка на осмысленное отношение к информации становится важным полем потенциального консенсуса.

В четвертой группе ценностей официальная линия трактует веру и духовность как опору общественной стабильности и нравственного порядка, где особое место занимает православие как значимый элемент исторической и культурной идентичности России. При этом духовная традиция понимается шире конфессиональных границ — как основа уважения к семье, старшему поколению, культурному наследию и служению Отечеству. Открытость миру интерпретируется как суверенное, избирательное сотрудничество с государствами, готовыми к равноправному диалогу, и как развитие многополярного порядка. Великодержавность и масштабность осмысляются позитивно — как стремление к лидерству в науке, культуре, высоких технологиях, к участию в решении глобальных проблем. В альтернативных подходах акцент делается на необходимости четкого разграничения религиозных и государственных институтов, сохранении свободы совести и максимальной вовлеченности России в глобальные культурные и экономические обмены. При этом и государственный, и альтернативный дискурсы исходят из признания ценности развития, модернизации и уважения к великому историческому наследию страны. Единство народа, память о победе в Великой Отечественной войне, достижения в космосе, науке и культуре рассматриваются как общая база гордости, а спор разворачивается вокруг того, какие именно институциональные формы и приоритеты позволяют наиболее полно реализовать этот потенциал в XXI в.

Таблица наглядно демонстрирует, что при заметных расхождениях в оценках и акцентах существует устойчивая общая ценностная рамка. Оба дискурса апеллируют к патриотизму, справедливости, знанию, достоинству личности, гордости за историю страны, хотя по-разному описывают механизмы их воплощения. Наличие общих категорий создает ресурс для долгосрочного диалога и постепенного сближения позиций — при условии снижения уровня взаимной полемической резкости и появления институциональных площадок, где государственные и независимые эксперты могли бы обсуждать будущее страны в конструктивном ключе. Информационное давление и поддержка альтернативных нарративов извне усиливают поляризацию, что актуализирует задачу выработки

более тонких, стратегически выверенных подходов к управлению медиапространством. Речь идет не только о защите информационного суверенитета, но и о формировании такой архитектуры публичной коммуникации, которая, сохраняя плюралистичность, одновременно укрепляла бы доверие, социальную сплоченность и устойчивое развитие России.

Заключение

В российском цифровом медиапространстве 2025 г. формируется в целом конструктивная модель, в которой опора на традиционные идеалы сочетается с растущим общественным запросом на их более глубокое осмысление и актуализацию. При всем многообразии трактовок базовых ценностей медиаполе сохраняет устойчивое ценностное ядро: провластные медиа выстраивают позитивные нарративы о национальном единстве, исторической преемственности и культурной самобытности, тогда как альтернативные площадки, предлагая критический ракурс, включены в общую дискуссию о стратегическом развитии страны. Различия в акцентах отражают не раскол, а естественный этап согласования национальной ценностной рамки в условиях становления российской модели цифрового суверенитета, когда медиа из пассивного «зеркала» превращаются в пространство активного смыслообразования и укрепления общественной консолидации.

В этих условиях особую значимость приобретает дальнейшая модернизация политики в области медиаценностей. Опираясь на правовые механизмы и сложившуюся практику стратегических коммуникаций, необходима донастройка более тонких и адресных инструментов работы с аудиторией, чтобы традиционные ценности переходили из сферы декларативных формул в плоскость устойчивых повседневных установок, реально закрепленных в массовом сознании и поддерживающих долгосрочные цели российского общества в цифровую эпоху.

Современное цифровое пространство, обладая высокой степенью открытости и скорости распространения информации, объективно подвержено манипуляциям. Для России в нынешних условиях принципиально важно защитить свой информационный сегмент от подобных практик, и продолжение курса на развитие «цифрового суверенитета» становится ключевым инструментом обеспечения такой защиты. Международный опыт показывает, что ценностная повестка может успешно внедряться в цифровой среде при условии суверенного, проактивного контроля и продуманной инновационной политики. Показателен пример Китая: там выстроена комплексная система идеологического управления интернетом. Законодательство КНР обязывает онлайн-платформы продвигать «ключевые ценности социализма» и культивировать здоровую интернет-культуру, строго фильтруя деструктивный контент[224]. Введен надзор за содержанием: запрещено распро-

[224] См.: Provisions on the Governance of the Online Information Content Ecosystem: Order No. 5 of the Cyberspace Administration of China, 15 December 2019 (effective 1 March 2020) // Stanford WILMAP. URL: https://wilmap.stanford.edu/entries/provisions-governance-online-information-content-ecosystem (дата обращения: 11.11.2025 г.).

странение информации, подрывающей основы строя, тогда как позитивные патриотические сюжеты поощряются. Специальные алгоритмы цензуры и штаты модераторов следят за тем, чтобы в тренды выходила исключительно «позитивная энергия», а нежелательные сведения оперативно удалялись. Более того, все крупные приложения с 2022 г. по требованиям регулятора перенастроили свои рекомендательные системы так, чтобы они в приоритетном порядке продвигали патриотичный, нравственно позитивный контент, а нежелательные темы (насилие, разврат, протестная повестка и пр.) автоматически подавлялись[225]. Одновременно действует система реальной идентификации пользователей, а знаменитый «Великий файервол» полностью блокирует доступ к глобальным сервисам, изолируя китайский сегмент сети от внешнего влияния. В результате китайское медиаполе функционирует под единым идеологическим кодом, поддерживаемым как людьми, так и алгоритмами, что укрепляет коллективное сознание и социальную интеграцию.

Все эти нововведения обеспечили управляемость информационных потоков на уровне заметно более высоком, чем достигнут в РФ к 2025 г. При этом ключевые инструменты, применяемые за рубежом (идентификация пользователей, алгоритмическая селекция «правильного» контента, национальные сегменты интернета и пр.), в российской системе пока реализованы не полностью или отсутствуют. Например, в отличие от Китая, где практически все глобальные платформы давно вытеснены и заменены локальными аналогами, российские пользователи до недавнего времени сохраняли доступ к зарубежным социальным сетям и сервисам. В РФ отсутствует универсальное обязательное ведение реестра реальных имен в интернете — закон о блогерах 2014 г. затронул лишь популярных авторов, и анонимность в соцсетях гораздо более распространена, чем в Китае. Кроме того, российское право пока не имеет прямых аналогов китайских регуляций рекомендательных алгоритмов: алгоритмы отечественных платформ работают по коммерческим критериям, а не по идеологическим, и специальный «кодекс алгоритмической политики», обязывающий продвигать ценностно значимый контент, еще не принят. Таким образом, налицо ряд направлений, где зарубежный опыт указывает на потенциальные резервы для РФ, — с учетом, конечно, необходимой адаптации к российским правовым нормам и культурному контексту.

На основе проведенного анализа и с опорой на практику можно выдвинуть предложения по совершенствованию российской медиасреды и механизмов имплементации ценностей. Принципиально важно ориентироваться на суверенный, просветительский и проактивный подход, не утратив национальной специфики и идейной преемственности.

Во-первых, требуется дальнейшее укрепление цифрового суверенитета — развитие отечественной информационной инфраструктуры и вытеснение критической зависимости от зарубежных

[225] См.: Internet Information Service Algorithmic Recommendation Management Provisions: Order No. 9, 31 December 2021 (effective 1 March 2022) // DigiChina (Stanford University). URL: https://digichina.stanford.edu/work/translation-internet-information-service-algorithmic-recommendation-management-provisions-effective-march-1—2022/ (дата обращения: 11.11.2025 г.).

платформ. Речь идет не только о продолжении политики импортозамещения программного обеспечения и контента, но и о создании интегрированных национальных платформ, способных стать для граждан универсальной цифровой средой. Перспективной видится разработка собственного «суперприложения» наподобие WeChat, объединяющего функции соцсети, мессенджера, видеохостинга и портала госуслуг. Заполнение этой ниши позволило бы государству продвигать ценности в привычной и удобной для населения форме — фактически прийти в цифровую жизнь граждан не только в роли надзорного органа, но и в образе партнера, предоставляющего полезные сервисы и модерирующего общественный диалог. Одновременно следует усиливать институты контроля, например, идентификации в интернете — это помогло бы сдерживать лавину анонимных деструктивных вбросов и фейковой информации. Вопрос обязательной верификации сложен и требует точечной реализации (например, по решению суда или в рамках особого статуса для популярных авторов), чтобы сохранить баланс с правом на частную жизнь, но в условиях информационных войн подобный инструмент способен повысить ответственность за распространяемый контент.

Во-вторых, назрела потребность в нормативном регулировании работы алгоритмических рекомендательных систем с позиций общественного блага. Следует разработать «алгоритмический кодекс» — правила для платформ, предписывающие учитывать традиционные ценности при настройке лент и выдачи контента. По аналогии с китайскими подходами это могло бы значить, например, повышение видимости просветительских, патриотических материалов и одновременное ограничение охвата контента, явно противоречащего базовым нравственным нормам. Реализация такой меры превратит архитектуру цифровых медиасервисов в инструмент позитивной селекции, а не только наживы, и позволит проактивно продвигать созидательную повестку. Разумеется, алгоритмическая модерация должна внедряться осторожно, в сочетании с разъяснительной работой, при открытости критериев для общества — чтобы избежать злоупотреблений и не подорвать доверие граждан.

В-третьих, важнейшим направлением становится просветительская работа и поддержка качественного ценностно ориентированного контента. Необходимо внедрять программы медийной грамотности, обучающие аудиторию критическому восприятию информации сквозь призму этических ценностей и устойчивости к деструктивным воздействиям. Особое внимание должно быть уделено молодежи и уязвимым группам, которых нужно научить распознавать манипуляции и отличать конструктивные смыслы от антиобщественных. Параллельно стоит повысить культуру самих создателей контента: ввести специальные курсы и методические рекомендации для журналистов, блогеров, редакторов по корректному и творческому отражению традиционных ценностей в материалах. Формирование единого онлайн-портала, агрегирующего высококачественный ценностный контент по разным направлениям (культура, наука, история, благотворительность), с интеграцией его в популярные платформы, также могло бы стать шагом к насыщению медиаполя позитивными смыслами. В целом, цель состоит в создании благоприятной экосистемы, где тради-

ционные ценности транслируются разнообразно и творчески, а не в сугубо директивной форме — благодаря чему они станут ближе и привлекательнее для разных групп населения.

Наконец, проактивный ценностный подход требует налаживания управляемого диалога государства с обществом в цифровой среде. Для укрепления доверия важно предоставить гражданам каналы обратной связи, где они могли бы высказывать предложения и обеспокоенности, будучи уверенными, что их услышат. Зарубежный опыт демонстрирует пользу институционализированных площадок для «выпуска пара» внутри контролируемого пространства: так, в Китае наряду с подавлением оппозиционной критики функционирует электронная доска обращений, где люди открыто пишут о локальных проблемах, а власти показывают оперативную реакцию[226]. Перенятие элементов такой модели в России — например, развитие на базе портала «Госуслуги» или социальных сетей официальных сообществ для сбора гражданских обращений и жалоб — помогло бы канализировать общественное недовольство в конструктивное русло. Управляемые обсуждения острых вопросов с участием представителей власти (онлайн-форумы, прямые эфиры с возможностью задавать вопросы при модерации) позволят обществу ощущать сопричастность, не выводя дискурс на неконтролируемые деструктивные площадки. Важным шагом могло бы стать и создание постоянно действующего центра мониторинга ценностного контента (с участием государства и общественности) для оперативного выявления информационных угроз и координации ответных мер.

Все предлагаемые меры должны реализовываться без утраты национального акцента и в русле идеологической преемственности. Российские традиционные ценности признаны государством базисом единства общества и суверенитета страны. Следовательно, внедрение лучших мировых практик целесообразно осуществлять через призму отечественных реалий — с учетом конституционно-правовой модели РФ и культурно-исторических особенностей нашего народа. Такой суверенно-ориентированный и одновременно просветительский, проактивный курс позволит перейти от деклараций к живой ценностной среде. В перспективе именно сочетание обновленных инструментов (от национальных цифровых платформ и алгоритмических фильтров до образовательных программ и диалоговых площадок) с сохранением национальной идентичности создаст условия, при которых традиционные ценности станут неотъемлемой и органичной частью массового сознания в современной России.

Таким образом, проведенный анализ социологических и медийных исследований показывает, что современное российское общество переживает не только период ценностной поляризации, но и этап активного структурирования представлений о будущем страны. В цифровом медиапространстве и массовом сознании сосуществуют несколько устойчивых дискурсивных полей, в рамках которых

[226] Подробнее см.: Regulations on Letters and Visits: State Council Decree No. 431, adopted 5 January 2005, effective 1 May 2005. State Bureau for Letters and Calls. URL: https://www.gjxfj.gov.cn/gjxfj/xxgk/fgwj/xftl/webinfo/2016/03/1460416222477305.htm (дата обращения: 12.11.2025 г.); .“ ” [Пользовательское соглашение сервиса «Лидерская доска обращений»] // · .URL: https://liuyan.people.com.cn/help (дата обращения: 12.11.2025 г.).

различные группы граждан используют собственные нарративы, языковые коды и оптики восприятия действительности. Медиа, отражая и усиливая это многообразие, нередко конструируют контрастные образы мира («свое» и «чужое»), что фиксируется как идеологическое расхождение. Вместе с тем данное расслоение в значительной степени обусловлено внутренней динамикой российского общества — различиями ценностных установок и интересов социальных слоев, усиленными богатством информационных каналов. Внешние идеологические влияния и глобальные информационные потоки также присутствуют, но играют скорее вспомогательную роль, не разрушая, а лишь проверяя на прочность национальную систему координат. В ряде вопросов это проявляется в форме конфронтации и эмоционально окрашенного восприятия оппонентов, что ведет к закреплению ранее сформированных позиций. Однако даже в условиях напряженной дискуссии исследование выявляет устойчивое ядро согласия по ключевым ценностям: при всем многообразии взглядов базовые ориентиры большинства граждан совпадают, а ценностное ядро российского общества остается в существенной степени неизменным и демонстрирует высокую устойчивость.

Социологические замеры подтверждают данную устойчивость и позволяют говорить о наличии фундаментального набора ценностей, разделяемого широкой общественностью. Именно он выполняет функцию ценностно-смыслового «каркаса» национального самосознания, выступая внутренним стержнем российской общественной солидарности. Это ядро может служить прочной основой для развертывания всероссийского диалога и выработки единой интегрирующей рамки ценностей. По аналогии с международной концепцией ESG (Environmental, Social, Governance) на национальном уровне возможно формирование собственной, суверенной концептуальной системы, объединяющей разнородные ценностные установки под эгидой общих принципов. Речь идет о создании своеобразного метаязыка ценностей, понятного и приемлемого для различных социальных и возрастных групп. Если ESG на глобальном уровне упрощает артикуляцию и внедрение норм ответственного развития, то отечественная интегративная рамка призвана облегчить осмысление, распространение и принятие базовых российских ценностей широкими слоями населения. Общепонятный ценностный кодекс может стать ориентиром для медиа, системы образования, культурной политики и общественной жизни, позволяя транслировать значимые идеи на близком аудитории языке. Наличие такого консенсусного каркаса смещает акцент с различий на общее и создает пространство для конструктивного разговора между различными мировоззренческими лагерями. При этом принципиально важно, что речь не идет о навязывании единообразия или подавлении плюрализма: подразумевается общая платформа, на которой возможно продуктивное обсуждение и совместное развитие при сохранении богатства мнений. Консолидирующая ценностная рамка, опирающаяся на уже разделяемое ядро, может выступать своеобразной «точкой сборки» российского медийно-идеологического ландшафта.

В этой связи концептуально продуктивной представляется метафора единой ценностной «матрешки». Объединение различных ценностных «блоков» и идеологических уровней в единую много-

уровневую конструкцию по типу матрешки позволяет представить их как части одного символического образа. Каждый уровень такой матрешки включает определенный набор ценностей — от наиболее всеобъемлющих, разделяемых практически всеми, до более специфических, характерных для отдельных групп и профессиональных сообществ. Матрешка традиционно выступает одним из узнаваемых символов России и ассоциируется с хранением непреходящих духовных смыслов, преемственностью поколений и органическим соединением прошлого, настоящего и будущего. В ценностном плане данный образ служит моделью синтеза: различные элементы не вытесняют, а дополняют друг друга, складываясь в целостность. Предлагаемый подход, таким образом, предполагает иерархическое встраивание разнообразных ценностных систем одна в другую без их взаимного обесценивания. Благодаря этому противоречия между отдельными ценностными акцентами смягчаются: они рассматриваются не как взаимоисключающие, а как относящиеся к разным уровням единой системы. Интеграция множества ценностных рядов в единую «матрешку» позволяет сократить дистанцию между полярными позициями, повысить взаимопонимание и тем самым укрепить национальный ценностный консенсус. По сути, формируется символическая модель национальной идеи, в которой органично сочетаются традиционные духовно-нравственные ориентиры, государственность и семейность с инновационными, технологическими и творческими устремлениями, за счет чего поддерживается целостность российского социума. Такой синтез не устраняет различия, но переводит их из режима раскола в режим ресурса, превращая многообразие в источник развития под единым «куполом» общих смыслов.

Одновременно анализ показывает, что эффективная имплементация ценностей невозможна без трансформации не только их содержания, но и формы предъявления. Простые декларации, даже опирающиеся на разделяемые большинством установки, не ведут к реальному единению, если остаются в формате сухих лозунгов. Необходим переход к новому формату ценностного высказывания, ориентированному на доступность восприятия и эмоциональную вовлеченность аудитории. Это означает, что ценности должны транслироваться через такие коммуникационные формы, которые понятны, близки и интересны людям разных возрастов, регионов и социальных групп, отражая культурное многообразие российской цивилизации. Речь идет о современном, образном и человечном языке вместо дидактических штампов и абстракций. Приоритет должен смещаться в сторону историй, ярких символов и метафор, жизненных примеров, устойчивых культурных кодов, вызывающих доверие и чувство сопричастности. В медийной сфере это предполагает развитие новых жанров и форматов (социальная реклама, вирусные видеоролики, интерактивные платформы и т.п.), которые передают ценностные посылы ненавязчиво — через эмоцию, эмпатию и демонстрацию позитивных практик. В системе образования востребованы интерактивные методики и проектные формы работы, позволяющие молодежи самостоятельно проживать и открывать значимость тех или иных идеалов, соотносить их с собственным жизненным опытом. В публичном дискурсе необходим переход от конфронтационной риторики к позитивному нарративу, демонстрирующему привлекательность

и практическую пользу следования общим ценностям в повседневной жизни. В этой логике ценности предстают не как отвлеченные догмы «сверху», а как близкие каждому ориентиры, помогающие реализовать личный потенциал, заслужить уважение и улучшить окружающую социальную среду. Лишь придание ценностям живой, эмоционально насыщенной формы способно обеспечить их широкое усвоение и воспроизводство в обществе; в противном случае ценностные призывы рискуют оставаться на периферии внимания или восприниматься формально. Следовательно, обновление языка и форм ценностного дискурса является необходимым условием успешного продвижения согласованной системы ценностей в массовое сознание.

Подводя итог: результаты анализа, представленные в статьях, позволяют сделать комплексный вывод. Современный российский социум, несмотря на заметную поляризацию общественного мнения и медиапространства, обладает прочным ядром общих ценностей, которое может и должно стать основой для дальнейшей консолидации. Выявленный ценностный консенсус открывает возможность разработки единой интегрирующей рамки — своеобразного «ценностного стандарта», облегчающего коммуникацию и принятие этих идеалов всеми группами населения в логике укрепления российской государственности и гражданской солидарности. Концепция символической «матрешки» наглядно демонстрирует принцип включения разнообразия в единство, указывая путь к снятию противоречий и укреплению общенационального согласия на базе разделяемых смыслов.

Список литературы

1. Непубличные медиаисследования (заказные отчеты)

1. Медиааналитическое агентство «РИАЛ ТАЙМ». Медиаанализ ценности «Патриотизм» за 2020—2025 гг.: аналитический отчет по заказу Философского клуба «Цивилизационное будущее России». 2025.

2. Медиааналитическое агентство «РИАЛ ТАЙМ». Медиаанализ ценности «Государство» за 2020—2025 гг.: аналитический отчет по заказу ФК «Цивилизационное будущее России». 2025.

3. Медиааналитическое агентство «РИАЛ ТАЙМ». Медиаанализ ценностей «Служение», «Сила» за 2020—2025 гг.: аналитический отчет по заказу ФК «Цивилизационное будущее России». 2025.

4. Коммуникационное агентство Ex Libris. Медиаанализ ценностей «Свобода», «Воля», «Справедливость», «Солидарность» за 2020—2025 гг.: аналитический отчет по заказу ФК «Цивилизационное будущее России». 2025.

5. Коммуникационное агентство Ex Libris. Медиаанализ ценностей «Правда», «Знание», «Добро», «Созидание» за 2020—2025 гг.: аналитический отчет по заказу ФК «Цивилизационное будущее России». 2025.

6. Коммуникационное агентство Ex Libris. Медиаанализ ценностей «Открытость», «Вера», «Всеохватность» за 2020—2025 гг.: аналитический отчет / по заказу ФК «Цивилизационное будущее России». 2025. [Неопублик. материал].

2. Публичные исследования и источники (электронные ресурсы)

1. Профессия: полицейский // ВЦИОМ. 07.11.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii-1? (дата обращения: 19.11.2025 г.).

2. Выборы в России: участие, легитимность, доверие // ВЦИОМ. 15.11.2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-rossii-uchastie-legitimnost-doverie? (дата обращения: 15.11.2025 г.).

3. Социальная справедливость: мониторинг // ВЦИОМ. 07.05.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiiobzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring-07052025? (дата обращения: 20.11.2025 г.).

4. Социальная справедливость: мониторинг // ВЦИОМ. 27.02.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiiobzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring? (дата обращения: 20.11.2025 г.).

5. Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 09.06.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvomonitoring-09062025 (дата обращения: 10.11.2025 г.).

3. Официальные документы и правовые акты

1. Решение Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 № 02-2473/2022 (о признании Meta Platforms Inc. экстремистской организацией и запрете деятельности Facebook и Instagram на территории РФ).

2. Provisions on the Governance of the Online Information Content Ecosystem: Order No. 5 of the Cyberspace Administration of China, 15 December 2019 (effective 1 March 2020) // Stanford WILMAP. URL: https://wilmap.stanford.edu/entries/provisionsgovernance-online-information-content-ecosystem (дата обращения: 11.11.2025 г.).

3. Internet Information Service Algorithmic Recommendation Management Provisions: Order No. 9, 31 December 2021 (effective 1 March 2022) // DigiChina (Stanford University). URL: https://digichina.stanford.edu/work/translationinternet-information-service-algorithmic-recommendation-managementprovisions-effective-march-1-2022/ (дата обращения: 11.11.2025 г.).

4. Regulations on Letters and Visits: State Council Decree No. 431, adopted 5 January 2005, effective 1 May 2005 // State Bureau for Letters and Calls. URL: https://www.gjxfj.gov.cn/gjxfj/xxgk/fgwj/xftl/webinfo/2016/03/146041622247730

5.htm (дата обращения: 12.11.2025 г.).5. . “ ” [Пользовательское соглашение сервиса «Лидерская доска обращений»] // · . URL: https://liuyan.people.com.cn/help (дата обращения: 12.11.2025 г.).

4. Публикации и материалы в интернете (не исследования)

1. ARA Complaint Alleges U.S-Based Social Media Influencers Are Acting as Agents of Israeli Government. 12.11.2025. URL: https://www.citizen.org/article/fara-complaint-alleges-us-based-social-mediainfluencers-are-acting-as-agents-of-israel/ (дата обращения: 14.11.2025 г.).

От ценности к поступку. От декларации к практике

ORCID: 0009-0004-5906-1059
Почта: info@philos.msu.ru

Козырев Алексей Павлович

Кандидат философских наук, и.о. декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Alexey P. Kozyrev, Cand.Sc. (Philosophy), Acting Dean of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Аннотация

Автор рассуждает об уже привычном, но тревожном разрыве: слишком часто ценности остаются темой разговоров, не становясь основаниями поступка. Чтобы преодолеть этот разрыв, необходимо вспомнить — вслед за Бахтиным — что поступок есть не просто действие, а «событие бытия», соучастие, преодоление собственного эгоизма и инерции. Ценность здесь выступает доминантой, которая вытягивает человека из трясины повседневности. Ключевая роль в укоренении («имплементации») ценностей отводится социальным ритуалам (школьные линейки, «Зарница»), коллективным формам творчества (хоровое и семейное пение, танец), просвещению как единству образования и воспитания (в отличие от «образованщины»). Отмечается, что ценности переживаются не по одной, а своего рода ансамблями. Автор вводит понятие «инерции ценностей» как позитивной силы, позволяющей личности противостоять внешнему давлению. Военспецы с дореволюционной выучкой, советские инженеры, работавшие в 90-х за идею после ночной подработки в такси, святитель Лука (Войно-Ясенецкий), оперировавший раненых бойцов и пообещавший вернуться в ссылку после войны, — всё это примеры, где ценность оказывается сильнее обстоятельств и гонений. В противовес западной «новой нормальности», легитимирующей патологию, необходимо поднимать планку нормы как идеала, а не статистической средней. Ключевым инструментом воспитания автор называет хор — не только музыкальный, но и философский (по Бахтину: «хор поёт мною»), форму совместного переживания, где личность не растворяется, но обретает себя в ответственном поступке. Государство же ценно настолько,

насколько оно охраняет достойные ценности. Текст представляет собой философскую рефлексию о механизмах укоренения ценностей в личности и обществе, адресованную педагогам, социальным архитекторам и всем, кто размышляет о преодолении разрыва между словом и делом.

Ключевые слова

Поступок, ценность, укоренение/имплементация ценностей, норма, ответственность, хор, бытовое исповедничество, инерция ценностей, просвещение, переживание ценности.

Abstract

The author discusses the already familiar but disturbing gap: too often values remain the topic of conversation, without becoming the basis of an action. To bridge this gap, it is necessary to remember — following Bakhtin — that an act is not just an action, but an "event of being", complicity, overcoming one's own egoism and inertia. Value is the dominant factor here, which pulls a person out of the quagmire of everyday life. A key role in the implementation of values is assigned to social rituals (school lines, "Lightning"), collective forms of creativity (choral and family singing, dance), enlightenment as a unity of education and upbringing (in contrast to "education"). It is noted that values are experienced not one at a time, but in a kind of ensembles. The author introduces the concept of "inertia of values" as a positive force that allows a person to resist external pressure. Military experts with pre-revolutionary training, Soviet engineers who worked in the 90s for an idea after a night job in a taxi, St. Luke (Voino-Yasenetsky), who operated on wounded soldiers and promised to return to exile after the war - all these are examples where the value is stronger than circumstances and persecution. In contrast to the Western "new normality", which legitimizes pathology, it is necessary to raise the bar for the norm as an ideal, rather than a statistical average. The author calls the choir a key instrument of education — not only musical, but also philosophical (according to Bakhtin: "the choir sings with me"), a form of shared experience where a person does not dissolve, but finds himself in a responsible act. The state is as valuable as it protects decent values. The text is a philosophical reflection on the mechanisms of rooting values in the individual and society, addressed to educators, social architects and anyone who thinks about bridging the gap between word and deed.

Keywords

Deed, value, implementation/rooting of values, norm, responsibility, choir, everyday confession, inertia of values, enlightenment, experience of value.

Алексей Козырев

Ценность и поступок

В ходе нескольких семинаров Философского клуба, посвященных ценностям, большое внимание уделялось тому, *как* обсуждавшиеся ценности могут быть укоренены («имплементированы»), укоренены, что можно сделать, чтобы эти ценности стали основаниями для *поступков*, а не просто темой для разговоров?

Прежде всего надо вспомнить о том, что «поступок» — это не просто слово обыденного языка. В русской философии это понятие. У М. М. Бахтина есть работа «К философии поступка»[227], написанная в 1919 г. Бахтин — это философ, который имеет мировое влияние. Он отнюдь не только ученик западной, неокантианской или какой-либо другой традиции. Это человек, существенным образом повлиявший на мировую гуманитарную мысль XX века. Бахтин определяет поступок как «событие бытия»[228], как то, что совершается в соучастии человека этому бытию. Мы как бы «событийствуем» — не встаем бытию наперекор и не действуем в противовес или вопреки. Есть такой термин «вопрекизм», который часто используют в нашей политической мысли. Вспомним хотя бы фразу «Мы победили благодаря Сталину или вопреки Сталину?». То есть это не вопреки бытию, а это в бытии, но с моей активной жизненной позиции. Бытие воспринимается мной не только как среда обитания, повседневности, но и как поле, которое я должен перейти, и не просто перейти, но вспахать и собрать урожай (есть пословица «жизнь пройти — не поле перейти»).

Человек по отношению к этому бытию выполняет активно преобразовательную роль. Классики нашего деятельностного подхода (К. Х. Момджян) говорили о том, что философия может носить дескриптивный характер, описывать реальность, а может носить *валюативный*[229] характер, то есть вырабатывать те ценности, которые позволяют человеку активно соотноситься с бытием.

Поступок — это определенное переступание: через себя, свой эгоистический интерес, свою лень, свое «не могу». Когда человек совершает поступок, он, как барон Мюнхгаузен, за волосы выдергивает себя из трясины и пробрасывает себя в бытие. *Ценность* — это то, что побуждает человека к совершению этого поступка, потому что ценность представляет собой ту доминанту, которая определит человеческое поведение, человеческую деятельность, человеческий поступок.

Поступок неотделим от *ответственности*; можно сказать «ответственный поступок», хотя ответственным является, прежде всего, поступающий человек. Он отвечает и за те ценности, которыми определен поступок.

Причем здесь мы видим ход от теоретического к практическому. Конечно, человек может осмысленно относиться к ценности, но может и воспринимать ценность как что-то внутреннее, имманентное, то, что не проговаривается каждый раз, но представляет собой заложенную когнитивную программу действия, в опреде-

[227] Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7 – 68.

[228] Там же. С. 11.

[229] Момджян К. Х. О структуре рефлективного философского знания // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 1. С. 129.

ленном смысле доведенную до автоматизма. Человек не спрашивает себя: «А почему я это делаю?» Он поступает так, потому что ценность стала его второй природой.

В этом плане философии опять-таки важно различить эссенциалистский подход, который рассматривает человека как существо, обладающее своей природой и характером, и антиэссенциалистский подход, где человек теряется и оказывается проекцией разных случайных и привходящих моментов.

Марксизм скорее во многом тяготел к антиэссенциалистскому подходу, потому что в данном случае человек детерминировался совокупностью общественных обстоятельств, способом производства, диалектикой производительных сил и производственных отношений. Все это важно, но мы не должны рассматривать человека только как результат определенных внешних, экономических, идеологических, религиозных, культурных или еще каких-то других влияний. В человеке есть ценностное, нравственное ядро, и ценности составляют очень важную часть этого ядра. Проговоренное, непроговоренное, имплицитное, укорененное, но в любом случае это ценностное поле.

Когда мы говорим о физике ядра, то не менее важно и то магнитное поле, которое возникает вокруг ядра и в котором происходит определенное притяжение, отталкивание и взаимодействие.

Здесь действительно существует определенная диалектика. Вспомним переходные эпохи в истории России, переход от имперского периода к советскому, от советского — к постсоветскому. Надо сказать, что хранителями здесь были те, кто оставался приверженным тем ценностям, в которых он рос и воспитывался, даже если эти ценности приходили в столкновение или в противоречие с новыми ценностями, кто сохранял внутреннюю верность себе. Вспомним и техническую интеллигенцию, и ученых.

Если мы говорим об индустриализации России, наверное, она была бы невозможна чисто на пролетарском энтузиазме, если в ней не было бы технических специалистов, которые были подготовлены в Российской империи.

В победе в Великой Отечественной войне важную роль сыграли военспецы, которые имели дореволюционное образование или учились у тех людей, которые получили образование в дореволюционных военных академиях.

То же самое и в конце советской эпохи. Кто в 1990-е удерживал то, что успешно пытались разорить и уничтожить? Инженеры, профессионалы, ученые, которые подрабатывали таксистами, ночью выезжали «бомбить», а днем приходили в свои лаборатории, писали монографии, производили опыты, конструировали новое оружие и новую технику, занимались ядерной физикой.

Есть своего рода «инерция ценностей», и это вещь глубоко позитивная, если ценности сформированы правильно. Я вспоминаю свой приезд в Вильнюс в 2019 году, когда один пожилой господин еврейского происхождения вызвался показать мне город, рассказав, что выжил и спасся от нацистских лагерей только потому, что родители успели вывезти его в эвакуацию в Россию. После развала СССР он создал фирму, которая принесла ему немалый доход. Сотрудничая с Роспечатью, он обеспечивал подписку и доставку в Литву журналов «Работница», «Крестьянка» и других советских изданий, которые еще долгое время продолжали выходить.

Но инерция не может продолжаться сколь угодно долго. Упорное нежелание властей предержащих отвечать тем конструктивным ценностям, которые эти люди исповедовали и содержали в себе, в конце концов приводит к бегству, к эскапизму, к эмиграции и к физической аннигиляции. Сейчас, через 30 лет после начала этого процесса, мы повернулись к примерно тем нормам и идеалам, которые существовали тогда. Есть еще люди, которые дожили, получили государственное признание.

Вообще-то говоря, и в ельцинское время, и особенно уже в начале нулевых, все-таки было определенное уважение к людям, от которых зависела оборонная мощь и ядерная безопасность страны. Поэтому когда мы говорим о ценностях, конечно, важно, насколько этично человек ведет себя в быту, как он относится к окружающим, близким, как он относится к своей жене и семье. Но не менее важно, как он относится к своему профессиональному долгу, к верности профессии, которую избрал, к готовности в какой-то момент затянуть потуже пояс, если Родина достаточным образом не оценивает его трудовых вложений, но он работает за идею.

История сталинских лагерей тоже отчётливо нам это показывает, потому что, когда люди попадали в «шарашки», они работали за идею. Вспомним Флоренского, который изучал вечную мерзлоту в лагере в Сковородино. Многие люди в «шарашках» занимались производством новых материалов, конструировали авиационную технику. Епископ-хирург Лука (Войно-Ясенецкий) попросил прервать его ссылку для того, чтобы оперировать тяжелораненых, пообещав, что готов вернуться в ссылку после окончания войны. Это позиция людей-патриотов, которая была детерминирована именно ценностями и ничем другим. Хуление, поругание этих людей не сделало их отщепенцами, не превратило их в социально пассивных или отчаявшихся, но, наоборот, закалило их верность тому ценностному строю, которому они были привержены.

Зерно веры укрепляется в гонениях! В истории Церкви самые обильные всходы христианских мучеников были как раз во времена религиозных гонений. Замечу, религиозных, а не политических, потому что с политическими разногласиями человек может смириться достаточно легко. Политика — это не святая святых человека. А вера человека, вера в высшем смысле этого слова все-таки определяет его гораздо более глубоко и кардинально. Это говорит о том, что ценность может быть воздвигнута там, где есть вера.

Выражаясь словами Питирима Сорокина, необходимо «религиозное отношение к жизни»[230]. Религиозное отношение к жизни совсем не обязательно предполагает выбор той или иной конфессии. Оно может быть и у неверующего в Бога, и у скептика. Но религиозное отношение к жизни — это нечто другое. Это выбор тех ценностей, которым человек готов служить и ради которых, если это необходимо, готов умереть. И противодействие только усиливает приверженность этим ценностям, а не отвращает человека от них. Если отвращает, это означает, что эти ценности были чем-то искусственно сконструированным, сиюминутным, конъюнктурным, то, что человек их выбрал и надел на себя, как надевают верхнюю одежду, мимикрируя под какие-то социально установленные нормы и предпочтения.

[230] Сорокин П. А. Социологическая теория религии // Заветы. 1914. № 3. С. 29 – 47.

Здесь нужно различать ценностную *риторику*, которая не имеет под собой никакого существенного, социального основания, и сами ценности, которые становятся действительно преобразующими и животворящими личность человека.

Очень сложно сказать, где между ними грань. Я вспоминаю один французский детективный роман, написанный в 70-е гг. прошлого века потомком русских эмигрантов Владимиром Волковым[231]. По сюжету агент спецслужб был внедрен в церковь для того, чтобы служить сексотом. Честно служа в качестве агента и выполняя формально те требы и ритуалы, которые он должен был выполнять как священник, этот человек вдруг обретает веру. Эта вера становится глубокой, кардинальной и подавляющей то, ради чего он туда пришел.

Роман называется «Trêtre»: prêtre (священник) и traître (предатель) объединяются в одно слово-новообразование. Это показывает нам, как может быть обратный переход от формальной имитации, ценностной мимикрии к существенному ценностному погружению. Блез Паскаль в «Мыслях о религии и других предметах» говорил: «...Вы хотите достигнуть веры, а пути к ней не знаете... **Начните так же, как и те, которые, подобно вам, были связаны, а теперь жертвуют всем своим достоянием.** Эти люди знают путь, которым вы намерены идти, и вылечились от недуга, от которого и вы хотите избавиться... Они начинали с того, что делали все так, как бы уже веровали: пили святую воду, заказывали обедни и т.д.. Это именно и научит вас верить и смирит ваш ум»[232]. То есть между бытовым поведением человека и его внутренним духовным переживанием ценности есть определенная опосредованная связь — причем в обе стороны.

Почему евразийцы говорили о важности «бытового исповедничества»? «Бытовое исповедничество» — вести себя в быту так, как ведет человек твоей культуры, принадлежащей к твоей исторической и конфессиональной общности. Во многом это определяет общежитие и социальный порядок.

Здесь нужно отметить важную, существенную роль *повседневного поведения* и тех *ритуалов*, которые существуют в социальной практике. Невозможно укоренить ценности, не имея социальных ритуалов. Сейчас об этом стали задумываться. Подъем флага в школе в понедельник, линейка в девять утра стали обязательным элементом нашего среднего образования. В высшем образовании ничего подобного нет. В нашем советском школьном детстве я могу вспомнить и пионерские линейки, и собрания, и «Зарницу», и игры по спортивному ориентированию.

Нас вывозили в лес, давали нам карту или заставляли самих ее рисовать и объясняли, как это делается. Почему бы не применить этот ход в играх по спортивному ориентированию: собери ценностный пазл, ориентируясь в лесу, найди предметы, которые символизируют какие-то важные ценности? Это и весело, и азартно, и имеет какой-то смысл, потому что потом с этими собранными артефактами можно устраивать какие-то викторины, репрезентировать их вечером у костра.

[231] Vladimir Volkoff (sous le pseudonyme de Lavr Divomlikoff). Le Trêtre Les Hautes Plaines de Mane, 1972.

[232] Паскаль Б. Мысли о религии и других предметах. Статья VIII. Разумнее верить, чем не верить в то, чему учит христианская религия. URL: https://soteria.ru/s2676/9/ (дата обращения: 05.04.2026).

То, что происходит неформально и касается души человека, то и работает на утверждение ценностной парадигмы. В нашей современности практически отсутствует такая социальная ритуализация. Всё начиналось с того, что мы слышим с самого утра. Я очень хорошо помню утро перед школой, когда ты просыпаешься и слышишь: «В эфире „Пионерская зорька“». Ты выходишь за порог — по радио передают новости. Программа «В рабочий полдень» — когда в обеденный перерыв люди в селе или на заводе слушают по радиоприемнику песни по заявкам трудящихся. Сейчас невозможно повесить везде одну «тарелку»-громкоговоритель и заставить всех слушать одно и то же — или смотреть один канал. Особенно молодежь, которая вообще не смотрит телевидение, а сидит в социальных сетях.

Тем более возникает вопрос: а как? Можно ли перенести позитивную социальную практику туда? Можно ли как-то облагородить их пребывание там и нагрузить каким-то смыслом переживания ценностей? Потому что ценность существует там и тогда, когда ее переживают — может быть, даже не осознавая, что это именно такая ценность. Интерес к цифровой культуре может сочетаться с ведением авторских подкастов, каналов в социальных сетях, где позитивная информация может воспитывать лучше, чем любая официальная пропаганда.

В качестве одного из примеров могу привести интернет-сериал «Православные зумеры»[233], где снимался в качестве ведущего один из студентов нашего факультета. Это попытка говорить о традиции на языке молодежи, причем основными спикерами выступает сама молодежь. Кто-то передает опыт, полученный с детства в семье, кто-то осваивает язык традиции в процессе съемки самого сериала, кто-то выступает заинтересованным наблюдателем и попутчиком. Смотреть его увлекательно, и я думаю, не только молодым.

Один банкир профинансировал постановку оперы Давида Тухманова «Царица», посвященной Екатерине Второй. Он собирал коллектив театра и проводил с ними рефлексии: «А какая ценность отражается вот в этой сцене?» Такая нарочитая передача ценности весьма архаична, может быть, это было уместно в эпоху барочной оперы. Когда я иду в оперу, я не думаю, какие ценности отражаются в «Евгении Онегине» или в «Трубадуре». Но это не означает, что я внутренне, подспудно этого не *ощущаю*, не отделяю положительных героев от отрицательных, верных от неверных, симпатичных мне от несимпатичных. Мне это подсказывает сама музыка, лейтмотивы, характеризующие героев.

Причем ценность никогда не приходит одна. Ценности приходят некоторыми ансамблями, то есть сразу несколько ценностей. Скорее речь должна идти не о том, какие ценности мы переживаем, а *как* и *с помощью чего* мы их переживаем. Например, в советское время была замечательная практика застольного пения в семьях. В Самаре я общался с игуменьей православного монастыря матушкой Иоанной, ее уже, к сожалению, нет на этом свете. Она говорила мне: «Ладно нынешнее молодое поколение не ходит в церковь, но они и песен наших не поют!» Это для нее было, может быть, самой большой бедой в общении с молодым поколением. Когда мы говорим о высоких идеалах добра и справедливости, мы забы-

[233] https://vk.com/pravoslavnie_zumeri

ваем, «с чего начинается Родина». Эта песня всем нам объясняла, и глубоко, где начало и границы Родины. Тебе покажут, обведут на карте, возьмут в пограничные войска, как меня в свое время со второго курса университета. А где она начинается? Эта как широкая Волга, которая течет издалека долго. А где начинается Волга? Милые, хорошие студенты не знают ни географии России, ни названий ее великих рек и морей. Может быть, отсюда надо начинать работу с ценностями — выучить географию в школе? Почему ее не могут выучить? Потому что школьное образование у нас построено так, что мы готовим чемпионов, победителей международных олимпиад, а они штучные. Школа покажет, что у нее есть победитель международной олимпиады — значит, это прекрасная школа! В университет выпускника возьмут без экзамена. А другие ребята не знают, куда впадает Волга. Здесь цель и средства незаметно меняются местами. Забывается, что цель — подготовить грамотного образованного патриотичного человека, а олимпиады, ЕГЭ — это уже средства.

А у нас получается, что средства становятся целью. То есть они подменяют собой цель, заключающуюся в том, чтобы мы среднего школьника сделали готовым к общественной жизни. Кто знает, может, завтра ему придется брать путевку на отдых на Черное море? А может, ему придется защищать наши границы, куда придет враг? И он должен знать, где эти границы.

В 2023 году на заседании Валдайского клуба Президент объяснил происхождение своей фразы «границы России нигде не заканчиваются». Он уточнил, что в серьезном смысле эта фраза имеет цивилизационный смысл[234]. Россия — это такой организм, который постоянно дышит. Он то уменьшается, как шагреневая кожа, то, наоборот, начинает расправлять крылья. Почему это происходит? Когда? С чем это связано? Это надо объяснять ребенку. Он должен изучать историю, изучать географическую карту не в статике, а в динамике: как формировалась государственность, как формировалась Киевская Русь, как формировалось Московское царство, как формировалась Российская империя, какие были войны, какой мир заключался. Это должен знать каждый ребенок. Может быть, не так важно знать всех славянских князей, но динамику исторического процесса нужно знать. Динамика исторического развития и становления лежит в основе изучения истории и географии, а знание истории и географии лежит в основе осознанного патриотизма — это тоже ценность.

Ничто так не воспитывает ценности, как *просвещение*, которое представляет собой *образование плюс воспитание*. Без воспитания не будет просвещения, не будет просвещенного человека.

А. И. Солженицын придумал правильное слово — «образованщина»![235] Это человек, который неплохо обучен, но при этом является этаким флюгером. Он в любой момент может повернуться туда, где ему больше заплатят или где жизнь покажется ему более комфортной или более соответствующей его порокам, которые ему захочется реализовывать, посвятив этому всю жизнь. Это *«образо-*

[234] Путин объяснил происхождение фразы «границы России нигде не заканчиваются» // Lenta.ru. 2023. 5 октября. URL: https://lenta.ru/news/2023/10/05/putinvaldai23/ (дата обращения: 05.04.2026).

[235] Солженицын А. И. Образованщина // Из-под глыб. Сборник статей. Paris: Ymca Press. 1974. С. 217 – 259.

ванщина». Просвещение же — это образование плюс воспитание.
Другой важный момент, на котором я бы остановился, — это переживание ценностей. Здесь тоже нужно иметь в виду, что переживать можно все что угодно. Можно переживать фильмы ужасов или футбольный матч. Само по себе стремление человека к ужасному есть оборотная сторона попытки обрести комфорт: завороженно сидеть с попкорном и смотреть на экран, где происходит нечто ужасное, при этом ощущая себя в безопасности.
Футбольный матч — это тоже пассивная форма восприятия спорта: «Они могут, а я не могу. Я лучше посижу с пивом или с попкорном и посмотрю, как они гоняют мяч».
Есть нейтральные и полезные переживания в плане того, что они как-то действуют на мою психику. А есть переживания бесполезные и даже вредные. Но человек не гарантирован от разных переживаний. В жизни у нас будут переживания со знаком «плюс» и со знаком «минус». В жизни обязательно будут трагедии, смерть близких, измены, предательства — от этого никуда не уйти. Мы не можем смоделировать идеальный образ социума, где всё у всех будет прекрасно, и все будут счастливы. Наверное, это возможно, но для этого нужно ампутировать многое из того, что и составляет человеческую жизнь.
Все-таки мы должны оценивать, *что* нам предлагают: переживать нечто достойное и являющееся примером для подражания или просто щекотать себе нервы и погружать себя в постоянное состояние раздражения или аффекта. В эстетике античного театра есть важное понятие — катарсис, очищение. Переживание, которое не приближает нас к катарсису, не очищает или, по крайней мере, не возвышает нашу душу, может быть развлечением, но вряд ли по-настоящему сформирует личность.
Что значит переживать? Переживать — включать в собственную жизнь как неотъемлемую часть этой жизни, как то, что мне небезразлично, не посторонне и существенно важно.
Момент, на котором я бы остановился особо, — это *восстановление нормы.* Сегодня под брендом «новой нормальности» на Западе транслируется ненормальность, то есть расширение границ до того, чтобы любые формы социальной патологии и извращений включались в понятие новой нормальности. Это понятие возникло во время пандемии COVID-19: ходить в масках, соблюдать социальную дистанцию, «не выходить из комнаты — не совершать ошибку». Все это — параметры некой «новой нормальности». Людям объясняли, что та социальная диссоциация, которая им предложена как панацея от заражения, является новой нормальностью.
Я бы говорил о другой нормальности, о другом восстановлении нормы. Ведь в результате наших совместных усилий в течение нескольких поколений норма стала восприниматься как средняя статистическая, как «средняя температура по больнице», как то, что не выходит за границы, как в медицинском анализе. Если показатель нормальный, он не отмечается красным флажком, а находится в границах определенной нормы. Хотя эти границы могут быть очень раздвинуты и очень широки.
Поэтому в социуме мы стали употреблять слово «нормальный» как «удовлетворительный, посредственный». «Как ты учишься?» — спрашиваем мы ребенка. «Нормально», — то есть тройки перемежаются с четверками. Это считается нормальным. И в этой ситуации мы забываем, что нормальным является учиться на «пять»

и получать золотую медаль. Именно это является нормальным, то есть идеальным. Значение слова «норма» приближено к слову «идеал». Если мы посмотрим, как оно определялось в философской традиции, даже в советской Философской Энциклопедии 1960-х годов, мы увидим, что там социальная норма означает в определенном смысле образец, эталон поведения[236].

Под нормой мы часто понимаем нормы *формального* права, которые нередко противоречат друг другу. Законодательство всегда совершенствуется. Что-то уходит вперед, что-то отстает. Нормы часто бывают несогласованными. Это не какая-то патологическая ситуация. Эту ситуацию нужно исправлять, с ней нельзя мириться. Тем не менее это бывает очень часто, потому что право развивается так, что когда-то вперед выходит гражданское право, когда-то — уголовное и т.д.

Норма — это не только правовое понятие. Это понятие и нравственное, и философское. Под нормой нельзя понимать только писаный закон. А если мы понимаем писаный закон, то мы все равно задаем себе вопрос: а *кто* его пишет и на основании *чего* устанавливается эта верховная, суверенная норма? Почему в одном уголовном кодексе главное — это преступления против жизни, а в другом — против Родины? Почему это меняется? Почему происходит эволюция права? Видимо, потому, что меняется миросозерцание. Теоретики права по-другому смотрят на какие-то вещи. Вообще-то говоря, в основании права лежит философия, та область, которая до революции у нас была очень развита, — философия права. Московская школа философии права была нормативистской. Она как раз исходила из представления о высшей суверенной норме. К этой школе относились такие славные имена, как Павел Новгородцев, Евгений Трубецкой, Иван Ильин. Это школа естественного права.

Когда мы сегодня говорим о ценностях, мы не погружаемся в историю права, а напрасно. Право, как и государство, должны охранять те ценности, которые способствуют оптимальному существованию нации, исторической общности. Тогда можно сказать, что и государство, и право выполняют свою важную историческую функцию. Ценности нужны не для того, чтобы поддерживать государство любой ценой. Скорее наоборот: государство необходимо для того, чтобы охранять и защищать достойные ценности.

Впрочем, здесь существует диалектическая связь. Если государство выполняет эту функцию, то оно заслуживает уважения и поддержки граждан. Ценность патриотизма является очень важной. Это не только поддержка государства. Здесь целый ряд очень важных понятий. Это любовь к Родине, это уважение к своему Отечеству, верность и преданность своему народу, своей воинской присяге, которую дает мужчина в годы юности, проходя воинскую службу. Сегодня у нас значительная часть мужчин эту присягу не дает и, по сути дела, оказывается в произвольно-безответственном отношении: «Я никому ничем не обязан и никому ничего не обещал». Это ненормальное положение дел.

[236] «Норма социальная не является простым отображением реального положения вещей, она фиксирует некоторый оптимальный стандарт деятельности, который не осуществляется полностью ни в каком отдельном случае». URL: https://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/philosophy/articles/817/normy-socialnye.htm (дата обращения: 05.04.2026). См. также нашу статью: Козырев А. П. Нормальное&идеальное: возможные подходы к поискам нормы в русской философии // Преподавая философию. Рефлексия. Сборник научных статей. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2016. С. 223 – 233.

Я бы не присоединился к тем голосам, которые призывают к профессиональной армии. Всякий здоровый юноша так или иначе должен быть причастен к воинской службе в той или иной ее форме. Это мое убеждение. Я имею право об этом говорить, потому что отслужил сам.

Соотношение идеального и нормального требует определенной рефлексии. По крайней мере, норма должна приближаться к идеалу, а не удаляться от него со скоростью света. Здесь возникает вопрос о границах нормы, о пороге нормального. В свое время мы обсуждали этот вопрос с митрополитом Кириллом, ныне Святейшим Патриархом, когда готовили церковный документ о правах, свободах и достоинстве человека в 2007—2008 годах. Как верно заметил тогда митрополит Кирилл, ценностный порог все время понижают и понижают, делая вид, что ничего не происходит.

Всегда есть граница между преступной и злой волей. Об этом писал философ Вл. С. Соловьев. Не всякая злая воля преступна. Человек взялся курить — ничего хорошего в этом нет, но не следует сажать его за это в тюрьму или наказывать иным образом, — конечно, если он не нарушает правила общественного порядка и систематическим образом не курит в общественных местах. Тогда злая воля превращается в преступную. Ты вредишь себе, но ты вредишь и другим.

Но постоянный порог понижается даже в сфере того, что является социально предосудительным, антиценностным, связанным с отрицательными ценностями, которые разрушают человека. Как на пляже от закрытого купальника к нудистскому пляжу, так же и в социальной реальности: от фривольной игры, от эротики, поэзии и романов Серебряного века, весьма чувственных, мы переходим к откровенным формам порнографии. А что дальше? Даркнет, педофилия, использование детей как сексуальных рабов. Как говорил тогда митрополит Кирилл, подождите лет 20, и Запад скажет, что это разновидность сексуальной нормы, ведь надо же подумать об удовольствии детей! «Глобальная Лолита» сначала возникла как запретный феномен, роман, название которого обозначил данный феномен, не хотели печатать даже на Западе, пряча книгу под прилавки магазинов. Сегодня мы действительно видим, что этот феномен становится примером вполне расхожего и обыденного. Мы слышим о файлах Эпштейна, об историях с островом, который посещали крупные американские бизнесмены, политики, где им предлагалось всевозможное увеселение с участием детей...

Это действительно понижение нормы, понижение планки. Здесь в каком-то смысле должна быть цензура: в социальных сетях, в интернете. Сейчас это начинает работать. Людям, которые уже определенным образом изменились в силу того, что хлебнули этого в полной мере в годы распущенности и вседозволенности, будет непросто перевоспитать себя. Хотя и здесь есть возможность покаяния и перемены. Но молодые люди не должны наступать в ту же лужу. Почему, когда мы ведем маленького ребенка гулять, мы надеваем ему калоши или сапоги и говорим: «Не топай по лужам, а то промокнешь. А промокнешь — заболеешь, простудишься, умрешь»? А почему в другом отношении мы не предостерегаем молодых людей от того болота, от тех луж, от того смрада, куда они могут попадать? Мне кажется, здесь общество должно быть нетерпимым и должны быть какие-то специальные, может быть, даже очень жесткие мероприятия, направленные на формирова-

ние той общественной среды, которая проявляла бы нетерпимость к таким явлениям. Это тоже определенный ценностный фактор и это должно восстановить *планку нормы*, которую можно не только опускать, ее можно и нужно поднимать. Наверное, это приведет к тому, что будут образовываться запруды. Эта энергия может выплескиваться как-то по-другому. Но, как на любой гидроэлектростанции, надо находить, куда потечет вода. Надо придумывать формы занятости, активности, систему шлюзов, систему сбросов, к которым относятся и кружки, и изучение иностранных языков, и спорт, и **формы коллективного творчества.**

К примеру, один из самых лучших способов коллективного творчества — это хоровое пение. Я вспоминаю прибалтийские республики 1980-х годов, Певческое Поле в Таллине, где собрались десятки тысяч людей, поющих вместе. Ведь именно там складывались идеи и нарративы единства разных людей, которые потом, в конце 80-х, к сожалению, были перехвачены националистами и использованы как мощнейшее орудие разрушения страны.

Но силу единства можно обратить на доброе дело. Вообще, что такое хор? Хор — это и есть та «симфоническая личность», о которой говорил Лев Карсавин[237], где люди научаются слушать друг друга. «Как я пою в общем хоре? Не выделяюсь ли я? А если выделяюсь, то, может быть, в хорошем смысле? Меня сделают солистом. Я спою какую-то песню вместе с хором. Это величайшее счастье, что мой голос будет услышан как индивидуальный голос на фоне общего хора».

Понятно, что хор — это не дело только музыкального образования, специальной музыкальной подготовки или подготовки к театральным подмосткам. Хор — это социальная терапия. Хор — это социальное воспитание.

У нас в школе был хор. Мы пели по классам, также был сводный хор школы. И помню, я был во втором классе, каждому классу поручили спеть песню на языке одного из народов СССР. Я до сих пор помню, как мы учили детскую песенку по-латышски. Какие-то слова из этой песни я помню до сих пор. Потом мы выступали во Дворце пионеров на Ленинских горах в замечательном концертном зале, куда привезли весь наш класс.

В каком-то смысле хор — это страсть. Человек должен идти туда сам, а не быть загоняем: «Иди, пой хором!» Человек должен любить хор, любить петь в хоре.

Недавно я попал в музей казаков-старообрядцев в Ростове-на-Дону, молодой человек показывал мне старые книги с крюками. Я спросил: «Вы это можете разбирать?» Он сказал: «Немного». Потом оказалось, что это руководитель замечательного казачьего старообрядческого хора «Параклит», который гастролирует по всей России.

Меня всегда интересовали профессиональные, полупрофессиональные и народные хоровые коллективы, которые занимаются этим. Не просто «на завалинке попеть», а еще и разработать культурно-эстетическую исследовательскую программу.

Очень важно, что люди обретают свою русскую идентичность. Она существует в разных своих проявлениях, в том числе и как казачество, православная, старообрядческая или древлеправо-

[237] Карсавин Л. П. О личности // Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения. Т. 1 М.: Ренессанс, 1992. С. 3 – 232.

славная вера. Люди поют, опознавая друг друга по общему пению, по общему хору.

Возьмем, к примеру, любую православную церковь. Далеко не факт, что всякий приход может позволить себе содержать профессиональный хор. Но кроме него обязательно есть любительский хор — люди, которые поют обычными богослужениями, которые состоят из тех же служащих, работниц, которые потом бегут исполнять свою работу. Но утром или в воскресенье они приходят попеть вместе.

Понятие хора существует как философское. Михаил Бахтин в книге «Автор и герой в эстетической деятельности»[238], анализируя хор и танец, говорит о том, что это хор — это форма присутствия другого во мне. То есть не я пою в хоре, а хор поет мною. Не я танцую в ансамбле, а танец мною танцует. Есть что-то большее, чем я, а это большее обязательно нормативное, потому что любой танец предполагает определенный ритуал танца, определенную схему танца, совместное действие.

У Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» есть рассказ «Бобок»[239], где мертвецы на кладбище под землей бормочут друг другу: «Заголимся и обнажимся». Надо заголиться, обнажиться и дрыгаться кто как умеет, учиться для этого не нужно вообще, не нужно постигать даже какие-то азы. В 1990-е годы нас приучили к тому, что нужно «заголиться и обнажиться».

А ведь были и есть школы бальных танцев, которые требуют колоссальных усилий, дисциплины и самодисциплины от человека. Но сейчас мы не говорим о крайних, профессиональных формах. Мы говорим об обыденности: танец и песня — это то, что доступно всем. Например, надо сильно постараться, чтобы у человека не было слуха. Элементы слуха есть у каждого человека. Мы же как-то интонируем нашу речь, повышаем голос, употребляем какие-то интонации: тревожные, вопросительные, интонации просьбы. Значит, слух у нас есть.

Мы слышим, как к нам обращается другой, и очень тонко слышим! Если кто-то чуть-чуть внесет иронию или критику, мы всё это слышим. Значит, слух есть у всех. Во всяком случае, каждый может его в себе развить.

И хор, и танец представляют собой лишь две из множества форм *совместной деятельности*, которую уже упоминавшиеся классики деятельностного подхода — Лев Выготский, Алексей Леонтьев, Петр Гальперин — рассматривали как процесс формирования личности и ее бытия. Сейчас, наконец-то, стали возрождать кружки по интересам, каковых было множество в советское время, в которых ребята, что называется, пропускают через себя ценности совместного труда и справедливых взаимоотношений, ведущие историю из нашей общинности. Важно, чтобы эти начинания тоже не сводились к формальным отчетам и штучным победителям.

Так что тут есть над чем поработать социальным архитекторам — это тоже важный момент системы мер по внедрению ценностей.

[238] Бахтин М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 9 – 226.

[239] Достоевский Ф. М. Бобок // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. С. 41 – 54.

Где-то нужно поднять, а где-то, может быть, и чуть-чуть опустить ту планку, которая позволяет нам быть единой социальной общностью. Единой в плане переживания общих ценностей, общей нормативности или по крайней мере не протестующих против того, *что* бóльшая часть людей воспринимает как важные для них ценности.

Список литературы

1. Бахтин М. Автор и герой в эстетической деятельности. // Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / Сост. С.Г. Бочарова. СПб.: Азбука, 2000. С. 9 — 226.

2. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7 — 68.

3. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. - М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

4. Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в советской психологии. М., 1966.

5. Достоевский Ф. М. Бобок // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. С. 41 — 54.

6. Из-под глыб: Сборник статей / М. С. Агурский, Е. В. Барабанов, В. М. Борисов, А.Б., Ф. Корсаков, А. И. Солженицын, И. Р. Шафаревич. Москва, 1974. — Paris: Ymca-Press. 1974.

7. Карсавин Л. П. О личности // Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения / сост. С. С. Хоружий. Т. 1. М.: Ренессанс, 1992. С. 3 — 232.

8. Козырев А. П. Нормальное&идеальное: возможные подходы к поискам нормы в русской философии // Преподавая философию. Рефлексия. Сборник научных статей. — Дальневосточный федеральный университет Владивосток: 2016. С. 223 — 233.

9. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.

10. Леонтьев А. Н. Философия психологии. М.: МГУ, 1994.

11. Момджян К. Х. О структуре рефлективного философского знания // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 1. С. 128 — 145.

12. Паскаль Б. Мысли о религии и других предметах. // URL: https://soteria.ru/s2676/9/

13. Сорокин П. А. Социологическая теория религии // Заветы. 1914. № 3. С. 29 — 47.

Ценности современной молодежи: между установкой и поступком

ORCID: 0000-0002-8881-6121
Почта: ardyan@yandex.ru

Ардельянова Яна Андреевна

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Yana A. Ardelianova, Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Аннотация

В статье на основе анализа масштабного социологического исследования, проведенного философским факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова, рассматривается проблема рассогласования между ценностными установками современной молодежи и их практической реализацией в поступках. Автор подчеркивает методологическую ценность работы, в которой молодежь разделена на возрастные подгруппы, что позволяет выявить нюансы ценностных приоритетов. Особое внимание уделяется «семейному парадоксу»: при высокой значимости семьи и детности реальные действия блокируются социально-экономической нестабильностью и фоновой тревогой. Обсуждается кризис доверия к государственным и общественным институтам, а также влияние цифровой среды, где неформальные лидеры (блогеры) вытесняют официальных лиц, а молодежь NEET находит в виртуальном пространстве эскапизм. Автор обращает внимание на поляризацию общества и острую реакцию молодых людей на рассогласование слов и дел политических и других авторитетов. В качестве ресурса предлагается развитие локальных сообществ и неформальных каналов влияния, основанных на доверии. Прагматизм молодежи интерпретируется не как недостаток, а как проявление осознанности, требующее новых подходов в образовании — принципа управляемой самостоятельности и формирования субъектности. Успешный опыт экологического воспитания демонстрирует эффективность естественного, постоянного включения ценностей в повседневную практику. В заключении формулируются рекомендации по комплексной работе на макро- и микроуровнях и подчеркивается необходимость нового языка диалога, основанного на доверии и уважении, чтобы преодолеть разрыв между ценностями и поступками.

Ключевые слова

Молодежь, ценности, поступки, установки, интериоризация, доверие, цифровая среда, локальные сообщества, прагматизм, воспитание, социологическое исследование, семейные ценности, кризис доверия, поляризация, неформальные лидеры, субъектность, экологическое сознание.

Abstract

Based on the analysis of a large-scale sociological study conducted by the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University, the article examines the problem of misalignment between the values of modern youth and their practical implementation in actions. The author emphasizes the methodological value of the work, in which young people are divided into age subgroups, which allows us to identify the nuances of value priorities. Special attention is paid to the "family paradox": with the high importance of family and childhood, real actions are blocked by socio-economic instability and background anxiety. The crisis of trust in state and public institutions is discussed, as well as the impact of the digital environment, where informal leaders (bloggers) displace officials, and NEET youth find escapism in the virtual space. The author draws attention to the polarization of society and the acute reaction of young people to the mismatch of words and deeds of political and other authorities. The development of local communities and informal channels of influence based on trust is proposed as a resource. The pragmatism of young people is interpreted not as a disadvantage, but as a manifestation of awareness, requiring new approaches in education — the principle of guided independence and the formation of subjectivity. The successful experience of environmental education demonstrates the effectiveness of the natural, constant incorporation of values into daily practice. In conclusion, recommendations are formulated for comprehensive work at the macro and micro levels and the need for a new language of dialogue based on trust and respect is emphasized in order to bridge the gap between values and actions.

Keywords

Youth, values, actions, attitudes, interiorization, trust, digital environment, local communities, pragmatism, education, sociological research, family values, crisis of trust, polarization, informal leaders, subjectivity, environmental awareness.

Яна Ардельянова

После тщательного изучения материалов масштабного исследования ценностных ориентаций современной молодежи хочу поделиться своими выводами. Особенно стоит отметить в проведенном исследовании глубокую попытку понять самый важный вопрос: почему между декларируемыми ценностями и реальными поступками молодых людей возникает такой заметный разрыв?

Методология, которой можно доверять

Признаюсь, читая материалы исследования, я испытывала профессиональную радость. Передо мной было действительно качественное социологическое исследование с прочной теоретико-методологической базой. Особенно ценно, что авторы разделили молодежь на возрастные подгруппы. Такой подход позволил выявить тонкие, но важные различия в ценностных приоритетах.

Но главное достоинство исследования я вижу в том, что оно не ограничивается констатацией фактов, а пытается найти тот самый «переходный мост» между ценностными установками и реальными поступками. Ведь именно поступок является конечным результатом восприятия и переработки ценностей — даже если этот процесс происходит неосознанно.

Семейный парадокс: когда хотеть — недостаточно

Отдельного внимания заслуживает раздел о семейных ценностях. И здесь мы наблюдаем парадокс: с одной стороны, молодежь демонстрирует выраженную установку на семью, на «детность», что составляет структурную основу их ценностной системы. Но при переходе от установки к практической реализации возникает тревожный разрыв.

Признаюсь, я испытывала смешанные чувства: радость от видимой прочности семейных ценностей и тревогу от понимания, что за этим стоит за этим разрывом. Молодые люди хотят создавать семьи, но испытывают обоснованный страх перед рождением детей в условиях нестабильности. Этот «переходный мост» между желанием и действием оказывается «подвисшим» на фоне социально-экономических проблем.

В своей практике я постоянно наблюдаю, как фоновая тревога и экономическая неуверенность блокируют реализацию даже самых сильных ценностных установок. Без удовлетворения базовых потребностей, по аналогии с пирамидой А. Маслоу, невозможно полноценное развитие высших ценностных ориентаций[240].

[240] Маслоу А.. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2021.

Кризис доверия: тревожный сигнал

Тревогу вызывает также «проседание» ценностей служения государству и обществу. Результаты исследований показывают кризис доверия к формальным институтам[240].

Я убеждена: молодежь не отвергает эти ценности — они просто ушли в «запасники». В своей работе я часто вижу, что при создании соответствующих условий эти ценности могут перейти в активные поступки. Но для этого нужна системная работа, особенно через неформальные каналы влияния. Создается впечатление, что пока эти ценности воспринимаются молодежью как нечто внешнее, навязанное извне.

Ключевой проблемой, на мой взгляд, является отсутствие интериоризации — процесса усвоения внешних ценностей и норм, в ходе которого они становятся своими собственными[241].

Цифровая реальность: мы недооцениваем ее влияние

В нашей современной жизни цифровая среда становится естественной средой обитания молодежи. Исследования подтверждают данный факт[243]. И кажется, что мы недооцениваем влияние этого фактора. Существует и такая глобальная проблема, как молодежь NEET: молодежь, которая не трудится и не учится[244]. По результатам исследований данная молодежь как раз активно живет в цифровом пространстве. Специалисты говорят о том, что это является эскапизмом из сложной социальной реальности. Процент такой молодежи растет.

Особую тревожность вызывает разрыв между поколениями в понимании и использовании цифрового пространства. Когда старшеклассники рассказывают мне: «Мы делаем анонимные профили в социальных сетях и заходим в разные запрещенные для нашего возраста сообщества, нас никто не знает», — я понимаю, насколько сложна задача деликатного влияния в этой среде.

Результаты социологических исследований также показывают, что лидерами мнений становятся блогеры, а не официальные лица[245]. И молодежь демонстрирует удивительно критическое отношение к информации, особенно когда замечает рассогласование между словами и делами авторитетов.

[241] Сычев В. В. Доверие политическим институтам в сравнительной перспективе: роль рациональных и психологических факторов // Полис. Политические исследования. 2025. № 6. С. 173 — 188.

[242] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.

[243] Reed, Jack & Beames, Simon & Macleod, Gale. (2025). Young people's networked constructions of nature: Evidence from a qualitative multiple case study in the United Kingdom. People and Nature. 7. 463 — 474. 10.1002/pan3.10781.

[244] Демиденко С. Ю. NEET-молодежь как социальное явление: структура, основания типологизации, подходы к исследованию // Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование.: Монография. Белгород: «Эпицентр», 2022. С. 116 — 127.

[245] Сосновская А. М., Левина С. А. Акторы политической социализации молодежи // Управленческое консультирование. 2024. № 5. С. 228 — 243.

Поляризация: вызов для всех нас

В исследовании подчеркивается важная проблема: молодежь остро чувствует поляризацию общества, и это вызывает у нее глубокий когнитивный диссонанс. Из своего опыта общения с молодежью могу сказать: она четко видит рассогласование между декларациями политической элиты и их реальными поступками.
Обмануть молодежь не получится. Молодые гораздо более проницательны, чем принято думать. Таким образом, необходимо переходить от демонстрации говорящих авторитетов, которые предлагаются молодежи, к поступающим, делающим авторитетам.

Локальные сообщества: неиспользованный ресурс

В своей исследовательской практике я все больше убеждаюсь в потенциале локальных сообществ и неформальных каналов влияния. Когда я вижу, как родитель-энтузиаст организует поход для класса своих детей, я понимаю: у таких инициатив совершенно иной статус в глазах молодежи.
Ключевым элементом такой работы становится доверие. Когда воздействие воспринимается молодежью естественно, оно приносит реальные плоды. Но для развития таких инициатив нужны ресурсы — те самые «папы», у которых есть энергия, возможности и силы.

Прагматизм новой генерации

Изучая мотивацию современной молодежи, я пришла к выводу: их прагматизм часто недооценивают или неверно интерпретируют. В своих опросах среди студентов я обнаружила интересную закономерность: в волонтерской деятельности на первом месте оказываются не альтруистические мотивы, а прагматичные цели — нарабатывание социальных связей и получение опыта.
Этот прагматизм я не считаю недостатком. Напротив, в своей работе я вижу, что он сочетается с высоким уровнем осознанности. Молодые люди действительно хотят понимать смысл и цель своих действий.

Образовательный потенциал: мои предложения

Я убеждена, что ключевым ресурсом работы с ценностными ориентациями должен стать принцип управляемой самостоятельности[246].
В педагогической практике важно стараться не насаждать ценности сверху, а создавать условия для их естественного присвоения.

[246] Moore, J. E. (2025). Guided Autonomy: A Research-Based Approach to Improving Students' Wellbeing and Decision-Making in the Development of Problem-Solving Skills. Legal Writing: The Journal of the Legal Writing Institute, 29, 201 – 268.

Представляется очень важным также формировать субъектность — способность самостоятельно ставить социальные и профессиональные цели. Без этого любые ценности останутся просто декларациями.

В современном мире центральной задачей становится вопрос: как помочь молодому человеку выявить ценности? Для того чтобы молодой человек руководствовался конкретными ценностями, он должен иметь определенный уровень осознанности, рефлексировать на эту тему, понимать, что им руководит, как он живет.

На мой взгляд, представляется важным запускать эти процессы рефлексии, чтобы молодежь задумывалась. Чтобы это обсуждалось не только на семинарах со преподавателями, но и дома, чтобы это транслировать из медиа, искусства, чтобы поднимались ценностные, смысловые вопросы.

Успешные практики: уроки экологического сознания

Анализируя успешные примеры внедрения ценностей, я особенно выделяю историю с экологическим сознанием. На мой взгляд, успех здесь объясняется естественностью и постоянством деятельности. В отличие от разовых воспитательных акций забота о окружающей среде стала постоянной практикой, вошедшей в социальную привычку.

Можно наблюдать, как дети делают замечания родителям о неправильной сортировке мусора. Это показывает, насколько глубоко эти ценности могут укореняться.

Рекомендации

В контексте работы с молодежью представляется оптимальным комплексный подход.

Мы должны работать на всех уровнях одновременно — от создания макроклимата стабильности до развития микропрактик локальных сообществ. Но главное — признать, что молодежь не является пассивным объектом воздействия.

Ценности перестают быть просто декларациями только тогда, когда они подкрепляются реальными поступками всех участников процесса — от политических лидеров до родителей и учителей.

Особое внимание хотелось бы обратить на то, что молодежь не испорчена — испорчена наша коммуникация с ней. И именно в поиске нового языка диалога, основанного на доверии и уважении, я вижу главный путь преодоления разрыва между ценностями и поступками.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.

2. Демиденко С. Ю. NEET-молодежь как социальное явление: структура, основания типологизации, подходы к исследованию // Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование : Монография Белгород: «Эпицентр», 2022. С. 116—127.

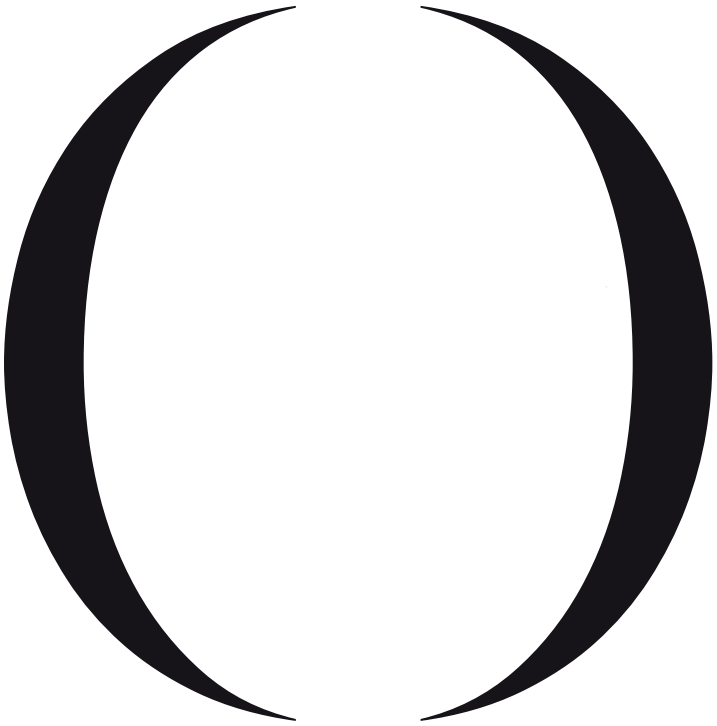
3. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2021.

4. Сосновская А. М., Левина С. А. Акторы политической социализации молодежи // Управленческое консультирование. 2024. № 5. С. 228—243.

5. Сычев В. В. Доверие политическим институтам в сравнительной перспективе: роль рациональных и психологических факторов //— Полис. Политические исследования. 2025. № 6. С. 173—188.

6. Moore, J. E. (2025). Guided Autonomy: A Research-Based Approach to Improving Students' Wellbeing and Decision-Making in the Development of Problem-Solving Skills. Legal Writing: The Journal of the Legal Writing Institute, 29, 201—268.

7. Reed, Jack & Beames, Simon & Macleod, Gale. (2025). Young people's networked constructions of nature: Evidence from a qualitative multiple case study in the United Kingdom. People and Nature. 7. 463-474. 10.1002/pan3.10781.



© Все права на иллюстративные материалы принадлежат
редакции журнала «Оттиск».

ОТТИСК

ISSN 3033-8301
26001
9 773033 830005 >